

ВЕСТНИК

**РОССИЙСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО
НАУЧНОГО ФОНДА**

2011

3 (64)

Бюллетень

Издается с 1995 г.

Выходит 4 раза в год

Вестник Российского гуманитарного научного фонда

Учредитель: Российский гуманитарный научный фонд

Редакционная коллегия: В.Н.Фридлянов (главный редактор),
Ю.Л.Воротников (зам. главного редактора),
Р.А.Казакова (зам. главного редактора),
И.Ю.Алексеева, Л.А.Беляева, О.Б.Брагинский,
В.П.Гребенюк, М.Н.Громов, В.З.Демьянков,
В.И.Денисов, Н.Г.Денисов, В.Н.Захаров,
М.В.Иванова, Л.П.Киященко, В.И.Коровин,
А.А.Мальшев, А.В.Назаренко, А.Н.Поддьяков,
Н.Л.Селиванова, Е.Ф.Тихомиров, В.А.Хашченко,
Е.Н.Швейковская, В.В.Шелохаев, А.Ф.Щербак

Рукописи объемом более 0,5 авт. л. к рассмотрению не принимаются. Статьи принимаются только в электронном виде на диске (дискете) стандартного формата с приложением распечатки, заверенной автором.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в бюллетене материалов обращаться в Редакцию.

Содержание

Над чем работают лауреаты конкурсов РГНФ

Исторические науки

<i>Лисицына Г.Г., Миловидов Б.П.</i> Эпистолярное наследие генерала А.П.Ермолова	5
<i>Шустрова И.Ю.</i> Использование уставных грамот в локально-исторических исследованиях (на материалах Ярославской губернии)	17
<i>Шнирельман В.А.</i> «Арийская идея» и политика идентичности в эпоху постмодерна	28

Экономика

<i>Ершова М.Я.</i> Методика анализа институционально-налоговых альтернатив малого бизнеса и оценка налоговых новаций	40
<i>Говтвань О.Дж., Мансуров А.К.</i> Макроэкономический анализ системного риска в финансовой сфере	49

Философия. Социология. Политология. Правоведение

<i>Мирская Е.З.</i> Традиции и новации в современной науке	58
<i>Ащеулова Н.А.</i> Социология науки в Ленинграде — Санкт-Петербурге: от истоков до современности	65
<i>Сморгунов Л.В.</i> Формирование «способностей государства» в ходе административной реформы в России (2003–2010 годы)	76

Филология. Искусствоведение

<i>Бахтина О.Н., Дутчак Е.Е., Есипова В.А.</i> Рукописи на бересте в XX веке: сакральные и социальные аспекты крестьянской литературы	86
<i>Шалина И.А.</i> Новгородское искусство первой половины — третьей четверти XVI века (сводный каталог памятников)	96
<i>Васильев Н.Ю.</i> Зарубежный дизайн 1960–1990-х годов	112

Комплексное изучение человека. Психология. Педагогика

<i>Карпова Н.Л., Данина М.М., Кисельникова Н.В., Шувиков А.И.</i> Кинотерапия как средство психологической реабилитации и коррекции	121
<i>Воропаев М.В.</i> Социализация и воспитание в виртуальной и смешанной реальностях	131
<i>Журавлева Н.А.</i> Современные тенденции в ценностных ориентациях русской молодежи	139

Полевые исследования

<i>Кренке Н.А., Александровский А.Л., Лазукин А.В., Спиридонова Е.А.</i> Земледельцы и скотоводы бронзового и железного веков на берегах Москвы-реки: новые открытия	147
<i>Бодэ А.Б., Дионисьева Г.Е.</i> Историко-архитектурные обследования Сретено-Михайловской церкви (Каргопольский район Архангельской области)	159
<i>Ровнова О.Г.</i> О работе экспедиции в старообрядческих общинах Бразилии	170

Конференции. Конгрессы. Симпозиумы

<i>Мельникова Е.А.</i> 25 лет исследований и дискуссий. Конференция «Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т.Пашуто»	178
<i>Бальбердин Ю.А.</i> Всероссийская научная конференция «Крестьянская реформа Александра II: региональное измерение» (к 150-летию отмены крепостного права в России) (Киров, 19–20 мая 2011 г.)	184

- Зайцева Г.И., Синицын А.А.* Радиоуглеродное датирование в археологии: современное состояние: VI Симпозиум «Радиоуглерод и археология» (Пафос, Кипр, 10–15 апреля 2011 г.) и Конференция «Радиоуглеродное датирование и переход от среднего к верхнему палеолиту в Европе» (Оксфорд, Великобритания, 14–16 апреля 2011 г.) 189

Мир книги РГНФ

- Постников С.П.* — Историческая энциклопедия Сибири: В 3-х т. / Гл. ред. В.А.Ламин. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 1–3 195
- Милевский О.А.* Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия / Отв. ред. В.В.Шелобаев; Отв. секр. А.В.Репников. М.: РОССПЭН, 2010. — 639 с. 200
- Ульянова Г.Н.* — Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М.: РОССПЭН, 2010. — 359 с. 206
- Бучин А.В.* — Задача особой государственной важности. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и ракетных войск стратегического назначения (1945–1959 гг.): Сборник докладов / Сост.: В.И.Ивкин, Г.А.Сухина. М.: РОССПЭН, 2010. — 1207 с. 211
- Воронин А.А.* — Человек в интеллектуальном и духовном пространствах: Сборник статей / Отв. ред. М.С.Киселева. М.: Прогресс-Традиция, 2010. — 510 с. 214
- Кульганек И.В.* — Зорин А.В. У истоков тибетской поэзии. Буддийские гимны в тибетской литературе VIII–XIV вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 384 с. (Серия «Orientalia» 220
- Папкина Е.А.* — Московская Д.С. «Н.П.Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг.: К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения». М.: ИМЛИ РАН, 2010. — 432 с. ... 225
- Токарева М.С.* — Шестаков В.П. История английского искусства. От Средних веков до наших дней. М.: Галарт, 2010. — 476 с.: ил. 231
- Старостина Т.А.* — Скворцова И.А. Стиль модерн в русском музыкальном искусстве рубежа XIX–XX веков. М.: Композитор, 2009. — 354 с.: ил. ... 235

Международное сотрудничество

- Международные контакты Фонда 241

Официальный отдел

- Оценка деятельности Фонда на заседании Президиума РАН 246
- Среднесрочная программа деятельности РГНФ 249

- Contents** 250

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСОВ РГНФ

Исторические науки

*Г.Г.Лисицына,
Б.П.Миловидов**

Эпистолярное наследие генерала А.П.Ермолова

Эпистолярное наследие генерала А.П.Ермолова, командующего Отдельным Грузинским корпусом и главноуправляющего Грузии (1816–1827) является одним из ценнейших источников по истории российско-кавказских отношений начала XIX в. Письма Ермолова в реальном времени отражают живое дыхание событий, многообразные отношения военного и гражданского руководителя российской администрации на Кавказе с множеством корреспондентов. Взятые в совокупности, они существенно дополняют наши знания о том, каким представлялся Кавказ генералу Ермолову, какие методы он считал наиболее эффективными для управления им, какие действия предпринимал для интеграции этого сложного региона в политическое и административное пространство Российской империи.

Алексей Петрович Ермолов родился в Москве в 1777 г. и с пятнадцати лет начал службу в армии. При императоре Павле I он был выслан по делу о «Смоленском заговоре», а при Александре I прощен и участвовал во всех военных кампаниях начала XIX в., затем началась его «кавказская» карьера.

Ермолов прибыл на Кавказ в 1816 г., он страстно желал получить место командующего Грузинским корпусом и главноуправляющего Грузией — оно соответствовало его высоким амбициям и давало власть, выходящую за рамки обычного губернаторства. Кавказ сохранился в памяти Алексея Петровича — участника знаменитого похода Зубова 1796 г., как дикая страна, ожидающая своего покорителя. В этом походе он познакомился с князем П.Д.Цициановым, который через несколько лет был назначен на должность главнокомандующего в Грузии и погиб в 1806 г. от руки одного из азербайджанских ханов. Ермолов, хлестко критиковавший своих предшественников и особенно генерала Н.Ф.Ртищева, попавших на кавказскую службу по воле случая, высоко ценил генерала П.Д.Цицианова, действовавшего решительно и беспощадно, о чем он неоднократно писал в письмах к своим друзьям А.А.Закревскому и М.С.Воронцову.

В географическом и административном отношении Кавказ и Закавказье в эпоху Ермолова представляли собой территорию, простиравшуюся с запада

* **Лисицына Галина Георгиевна** — проректор по учебной работе Европейского университета в Санкт-Петербурге, руководитель проекта «Идеи политического обустройства Кавказа в эпистолярном наследии А.П.Ермолова» (08-01-00076а).

Миловидов Борис Павлович — научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге, научный редактор издательства «Крига», исполнитель того же проекта.

на восток от Черного моря до Каспийского, с севера огражденную кавказской кордонной линией, а на юге достигавшую границ с Персией и Турцией. Часть Черноморского побережья (территория современной Абхазии) и часть Армении оставались в подданстве Турции, на востоке — на территории современных Азербайджана и Дагестана существовали мелкие ханства, султанства и шамхальства, после присоединения к России (в первое десятилетие XIX в.) преобразованные в мусульманские провинции. Кавказ отличался высокой полиэтничностью, религиозным разнообразием, широким спектром общественных отношений — от родовых до феодальных, разной степенью экономического и культурного развития населяющих его народов и народностей, существовавших, как правило, в замкнутых рамках своего языка, обычаев и быта — таким предстал этот край перед генералом Ермоловым (рис. 1).

Рис. 1. Дж.Доу. Портрет А.П.Ермолова

Исполнив свою дипломатическую миссию в Персии, Ермолов мог наконец приступить к выполнению прямых обязанностей главноуправляющего в Грузии и командира Отдельного Грузинского корпуса. В письме М.С.Воронцову в феврале 1817 г. он с присущим ему откровением писал из Тифлиса: «Я в стране дикой, непросвещенной, в которой бытие, кажется, основано на всех родах беспутств и беспорядков. Образование народов принадлежит векам, не жизни человека. Если бы на месте моем был *гений*, и тот ничего

не мог бы успеть, разве начертать путь и дать законы движению его наследников; и тогда между здешним народом, закоренелым в грубом невежестве, имеющем все гнуснейшие свойства, разве бы поздние потомки увидели плоды» [1]. Эта фраза Алексея Петровича Ермолова стала пророческой, он с первых дней пребывания на Кавказе понял, что Российская империя стоит в начале своего продвижения в этот регион и «начертать этот путь» предстоит именно ему.

Деятельность генерала Ермолова на Кавказе продолжалась десять лет. Этот исторический период отмечен как один из самых ярких периодов Кавказской войны. Это время постройки новых крепостей на левом фланге Кавказской линии, карательных экспедиций в Чечню и Дагестан. Позже, сравнивая свои действия с военными методами Воронцова, Ермолов писал ему в 1847 г., что в Дагестане он ограничился взятием Акуши и идти дальше «не было необходимости, ибо тогда не было соединения народов, воспаленных религиозным фанатизмом» [2]. Хотя, по мнению некоторых ученых, «большая кавказская война» началась уже после того, как Ермолов покинул Кавказ, именно его политика военно-экономической блокады стала сильнейшим катализатором для возникновения религиозного движения, получившего название «мюридизм».

О Ермолове ходили легенды, многие создавал он сам, другие — его окружение, популярность его в общественном мнении не знала границ. И хотя «в течение многих лет жители кавказских городов ходили по Эммануэлевским, Воронцовским, Барятинским, Головинским, Лазаревским, Муравьевским, Евдокимовским, Вельяминовским, Раевским улицам, но в коллективной памяти россиян включение края в состав империи стало связываться фактически с одним именем — А.П.Ермолова... Более того, Ермолов является одной из самых заметных фигур всего отечественного исторического “иконостаса”» [3].

Несмотря на «мифологизацию» личности Ермолова, он, несомненно, является одной из самых ярких фигур на Кавказе, а оставленные им воспоминания и переписка с современниками заслуживают самого тщательного изучения. По своему объему и фактографии они превосходят многие аналогичные источники.

Судьба эпистолярного наследия А.П.Ермолова на первый взгляд сложилась удачно. Многие письма опубликованы в конце XIX — начале XX в. известными историками и издателями, такими как Н.Ф.Дубровин, М.П.Погодин и П.И.Бартенев, тем не менее значительный комплекс его эпистолярного наследия остался за пределами издательских интересов. В советский период, несмотря на официально принятую высокую оценку деятельности Ермолова на Кавказе, письма его издавались эпизодически [4].

Огромная популярность «покорителя Кавказа», большой интерес к его личности как профессиональных исследователей, так и любителей истории, особенно активно проявившийся с началом новой «кавказской войны» в Чечне в 1990-е гг., не увеличили степень исследовательского интереса к эпистолярному наследию Ермолова. Частично этот пробел заполняют монография М.А.Давыдова «Оппозиция его величества», построенная на переписке за 1815–1825 гг. шестерых генералов, государственных деятелей, представителей элиты русской армии и друзей: А.П.Ермолова, М.С.Ворон-

цова, А.А.Закревского, П.Д.Киселева, И.В.Сабанеева и Д.В.Давыдова [5], а также книга Я.А.Гордина «Кавказ. Земля и кровь», в которой автор на основании анализа писем Ермолова выстраивает концепцию его плана покорения Кавказа. Как отмечает Давыдов, переписка обладает двумя достоинствами: «Во-первых, она весьма откровенна... Второе достоинство этой переписки — то, что это комплексы писем, насчитывающие десятки корреспонденций за ряд лет...» [5, с. 6–7], которые дают возможность «куда точнее судить о колебаниях настроений корреспондентов, чем отдельные случайные письма...» [5, с. 7]. То же суждение справедливо отнести ко всему комплексу писем А.П.Ермолова к его многочисленным корреспондентам.

Работа, осуществленная коллективом исследователей¹ в рамках проекта РГНФ «Идеи политического обустройства Кавказа в эпистолярном наследии А.П.Ермолова», имела целью наиболее полно выявить «кавказские письма» Ермолова и подготовить их к публикации. В результате были найдены сотни ранее не опубликованных официальных и частных писем в десятках фондов различных архивохранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Тбилиси, Ставрополя и Киева. Кроме того, ставилась задача проверить на полноту и соответствие оригиналам ранее опубликованный эпистолярный комплекс.

Круг корреспондентов А.П.Ермолова довольно разнообразен. Прежде всего это его многолетние и наиболее близкие друзья А.А.Закревский, М.С.Воронцов, Д.В.Давыдов и П.А.Кикин. Их дружба зародилась в походах и военных компаниях 1812–1814 гг. Среди корреспондентов Ермолова были императоры Александр I и Николай I, преемник Ермолова на Кавказе И.Ф.Паскевич, будущий фельдмаршал И.И.Дибич, будущий кавказский наместник Н.Н.Муравьев, известный кавказский генерал, выходец из карабахских армян В.Г.Мадатов, генерал В.О.Бебутов, генерал П.Х.Граббе, а также множество лиц, служивших под начальством Ермолова. Часть его писем адресована двоюродному брату С.Н.Ермолову.

Хронологически кавказские письма Ермолова распадаются на две группы. Одна из них относится ко времени жизни и деятельности на Кавказе, она наиболее обширна и имеет большое значение для публикации. В нее входят более 200 писем А.А.Закревскому, М.С.Воронцову, П.А.Кикину, В.Г.Мадатову, Н.Н.Муравьеву и другим корреспондентам. Вторую группу составляют письма, написанные в отставке, но речь в них идет о Кавказе, таковы, в частности, письма М.С.Воронцову, Н.Н.Муравьеву, служившим на Кавказе Н.Н.Раевскому-младшему и В.О.Бебутову, А.А.Закревскому, П.Х.Граббе и другим. Больше всего из сохранившихся писем посткавказского периода адресовано Воронцову, который с декабря 1844 г. стал наместником Кавказским и по сути занял должность, аналогичную той, что занимал сам Алексей Петрович.

Каждая группа писем, ориентированная на соответствующего адресата, имеет свое значение. Письма дежурному генералу Главного штаба и одновременно близкому другу Закревскому являются во многом параллельным, неофициальным каналом общения с начальством. В них содержится множество

¹ В работе над проектом, кроме авторов статьи, принимали участие Я.А.Гордин, писатель, историк, редактор литературно-художественного общественно-политического журнала «Звезда» и В.В.Лапин, д.и.н., зав. отделом новой истории Санкт-Петербургского Института истории РАН, профессор «ЕУСПб».

деловых просьб, в частности о назначениях, наградах, перемещениях по службе. Даются неформальные, подчас резкие характеристики генералов и офицеров, к тому же это способ создать в Петербурге «нужное» представление о своих намерениях. Эта общественная функция переписки Ермолова была обусловлена, в том числе, и наличием устойчивых группировок, так называемых партий, формировавшихся по принципу родства и совместной службы.

Суть взаимоотношений генерала со своими корреспондентами очень точно понял его неприятель генерал И.Ф.Паскевич, сменивший Алексея Петровича на Кавказе. Он справедливо видел в этой переписке средство влияния на общественное мнение, прежде всего на мнение бюрократических кругов, где вырабатывались важнейшие решения, и средство получения информации. В одном из писем с Кавказа в 1826 г. Николаю I он писал: «Государь, у меня нет никакой протекции, кроме Вас, за меня никто слова не скажет, я не имею людей, которые, имея направление, говорят, разглашают вести; во все это время никому даже не писал, кроме генералу Дибичу. У генерала же Ермолова Закревский, Меншиков, Кикин — это его эхо, даже граф Воронцов — с которым вся его партия по его повелению кричит» [6].

Письма М.С.Воронцову были рассчитаны на либеральные офицерские и генеральские круги. Письма к статс-секретарю П.А.Кикину, в прошлом генералу, но — после отставки в 1814 г. — человеку штатскому, покровителю искусств, по тону и содержанию предназначались образованному столичному обществу [7]. По меткому наблюдению Я.А.Гордина: « В этом «эпистолярном протеизме» Ермолов близок к Пушкину, который точно выбирал тон и стилистику письма в зависимости от типа адресата. Он точно знал, с кем он может быть откровенен» [Там же].

Наибольшую открытость Ермолов позволяет себе в письмах, адресованных Закревскому, Воронцову и Давыдову как самым близким друзьям, которым безоговорочно доверял. Большая часть этих писем доставлялась через фельдъегерей, посылать письма обычной почтой, где перлюстрации подвергалась даже переписка членов царского дома, было немыслимо. В 1840–1850-е гг. находящийся не у дел Ермолов вел свою переписку с Воронцовым по взаимной договоренности непосредственно через московского почт-директора А.Я.Булгакова, что в какой-то степени гарантировало тайну переписки. Через того же Булгакова Ермолов получал и не прошедшие цензуру заграничные периодические издания.

Другим каналом неподцензурного общения были отправлявшиеся на Кавказ (часто с рекомендациями Алексея Петровича) и приезжающие оттуда офицеры, привозившие письма, минуя почту. Несмотря на это Ермолов, переживший опалу в годы Павловского царствования, во многих письмах настаивал на необходимости их уничтожения. Ермолов, Закревский и Воронцов дали друг другу слово, что будут уничтожать письма, но Закревский и Воронцов не выполнили своего обещания, видимо, понимая, какое значение они имеют для истории. В XIX столетии бывали случаи, когда письмо, адресованное конкретному человеку, распространялось во множестве копий и выходило из частной сферы в публичную. Из некоторых особенно остроумных и ироничных писем Ермолова Закревский не делал тайны, и они во многих списках расходились по рукам, от чего особа «проконсула Кавказа»

приобретала еще больший интерес и популярность в обществе. Подобное случилось и с письмом А.П.Ермолова историку Н.Г.Устрялову, который в «Историческом обозрении царствования государя императора Николая I» [8] неверно, с точки зрения генерала, оценил его деятельность на Кавказе. В данном случае частное письмо превратилось в инструмент борьбы генерала за свою репутацию. В ряде архивных фондов хранится несколько экземпляров этого письма, что позволяет предполагать, что оно сознательно распространялось автором.

Главное содержание «откровенных» писем Ермолова к друзьям и соратникам касается самого важного — выработанной им доктрины покорения Кавказа и воплощаемой в жизнь методами, которые сделали имя Ермолова ненавистным для многих поколений кавказцев. План Ермолова сводился к одной цели — полному и безоговорочному подчинению Кавказа Российской империи. Как носитель военной морали XIX в. он не представлял себе иного инструмента для подчинения непокорных, кроме насилия, жестокости и принуждения. С течением времени Ермолов еще больше укрепился в своей правоте, о чем писал Д.Давыдову: «Я многих по необходимости придерживался азиатских обычаев и вижу, что проконсул Кавказа жестокость здешних нравов не может укротить добросердечием», — при этом компромиссные методы считались исключительно вынужденными [7, с. 123].

Это не мешало Ермолову делать четкое разграничение между насилием по отношению к сопротивляющимся «власти государя» и насилием и деспотией ханов, правивших своими подданными, на европейский взгляд, варварскими методами. Превосходство сильного человека над слабым, который не готов безоговорочно покориться, вызывает у Ермолова раздражение: «мошеник», «разбойник», «хищник», «каналья» — наиболее часто используемые им определения.

Справедливости ради необходимо заметить, что подобная риторика использовалась генералом не только по отношению к горцам, но также и к единоверцам-грузинам, французам, которых он не жаловал, к нерадивым офицерам и всем, кого он не считал достойным уважения. В 1819 г. Ермолов, в частности, писал Закревскому: «Командующим... генерал-майором бароном Вреде я отлично доволен и он как поведением благоразумным, так и совершенною честностью приобретает доверенность народа. Я нашел его более способным, нежели ожидал. Но зато, какая мокрая курица у меня Курнатовский, какая тяжеловесная скотина Дренякин, какое жалкое и голодное создание Мерлини!» [9].

Кадровый вопрос в российской армии всегда был одним из самых трудных, а на Кавказе особенно. Кавказская армия считалась местом ссылки. Редкое из писем Ермолова не взывает к начальству с просьбой об отзыве нерадивых чинов, вплоть до генеральских, и направлении к нему в корпус достойных офицеров. Как командир корпуса крайние меры Ермолов мог применить только к тем, кто серьезно проштрафился, иллюстрацией этому может служить история с командиром Кабардинского пехотного полка В.А.Булгаковым, к которому Ермолов адресовал письмо следующего содержания: «[В] Кабарде же должен был я узнать, до какой степени простиралась подлая Ваша трусость. Когда догнав на Баксане ту шайку... обремененную добычею и пленными и менее нежели в половину имевшую сил противу войск с Вами бывших, Вы не смели напасть на оную. Слышны были

голоса пленных наших, но Вас заглушала подлая трусость. Рвались подчиненные Ваши освободить соотечественников, но Вы удержали их. Из мыслей их нельзя изгнать, чтобы Вы не были или самый презрительный трус, или изменник. И с тем и с другим титулом нельзя желать оставаться между людьми, имеющими право гнушаться Вами, и с трудом воздерживающимися от изъявления достойного презрения и потому я надеюсь, что Вы ускорите отъезд свой с Линии. Я поручил взять меры, чтобы проезжая селение Солдатское, Вы не были посрамлены оставшимися жителями. Конечно, я беру сию осторожность, не спасая труса, но охраняя носимый Вами чин...» [10].

Состояние личного состава армии и условия, в которых проходила служба на Кавказе, были не просто трудными, порой — невыносимыми. Количество людей, умирающих от болезней, было соизмеримо, а иногда и превышало количество погибших в военных операциях. В одном из писем Закревскому Ермолов писал об образе жизни вверенного ему войска: «...Обстоятельно вникал я в образ жизни войск на линии и в Грузии. Нимало не удивляюсь чрезмерной их убыли. Если нашел я кое-где казармы, то сырые, тесные и грозящие падением, в коих можно только содержать людей за преступления; но и таковых мало, большею частью землянки, истинное гнездо всех болезней, опустошающих прекрасные здешние войска. Какая тяжкая служба офицеров, какая жизнь несчастная!..» [11]. Эти офицеры и солдаты должны были не только выживать, но и воевать. Ермолов высоко ценил преданность службе личного состава корпуса, храбрость и честность, не уставал писать ходатайства о наградах, ревностно следил за опубликованными списками награжденных, в письмах своих он часто сетовал Закревскому о несправедливом отношении к служащим на Кавказе, а порой писал о том же самому императору. Обращаясь к Закревскому, со свойственным ему сарказмом Ермолов спрашивал: «...как должны люди, десять лет сидящие в обер-офицерских чинах, смотреть на гвардию, которая печатает полковников, как ассигнации» [5, с. 53].

После отставки в 1827 г., на протяжении более двадцати лет Ермолов оставался одним из основных неформальных экспертов по Кавказу. Он был центральной фигурой и для тех, кто покидал Кавказ либо навсегда, либо временно, дом Ермолова в Москве был своеобразной Меккой для них. Встретившись в Москве в 1837 г. с только что отставленным главноуправляющим генералом Г.В.Розеном, на вопрос Розена, не ехать ли ему теперь в Петербург, Алексей Петрович саркастически заметил: «Погоди немного, скоро пришлют сюда Головина, и тогда мы все трое поедem в Питер» [12]. На самом деле Головин недолго управлял Кавказом и был замещен А.И.Нейдгартом, про которого Ермолов, понимавший всех этих «капралов — генералов», также сказал: «Нейдгарт, видно что немец: предусмотрителен. Нанял себе дом в Москве заранее и дал задаток, знает, что скоро воротится» [13].

27 декабря 1844 г. [14] на Кавказе было учреждено наместничество. На должность наместника кавказского император Николай I назначил близкого друга Ермолова графа М.С.Воронцова, наделив его неслыханными до того полномочиями. Какие чувства испытывал по поводу этого назначения «проконсул Кавказа», остается загадкой, но иногда в его письмах проскальзывают обида и легкий укор на невнимание к просьбе прислать необходимую карту, копию приказа по корпусу и другие подобные документы. Эти письма

демонстрируют не угасавший интерес Ермолова к Кавказу, который он покинул 30 лет назад, но продолжал жить его жизнью. В первые годы наместничества Воронцова переписка между ним и Ермоловым носила наиболее интенсивный характер, это объясняется тем, что Воронцов нуждался не только в советах знающего Кавказ человека, но и в оценке своих планов и идей обустройства этого региона. Содержание и стилистика писем того периода (середина 40-х — середина 50-х гг.) значительно отличаются от прежних, герои переписки поменялись местами, теперь Воронцов — главное действующее лицо на Кавказе, а Ермолов — лишь заинтересованный, но сторонний наблюдатель. Так по поводу Даргинской экспедиции, ставшей настоящей трагедией для русской армии, в которой она потеряла трех генералов и больше тысячи солдат и офицеров, Алексей Петрович, выражая Воронцову и сочувствие, и дружеское участие, не сдержал себя от упрека: «...я помню, что ты мне говорил о Дарго и в каком случае найдешь выгодным атаковать его. Кажется, произошло иначе, нежели мне говорил, и для тебя хуже, если, по недостатку доверенности, скрыл от меня, что взятие Дарго требовалось настоятельно и безусловно. Не много труда было бы выслушать меня десять минут; а случается, что я не всегда говорю вздор!» (рис. 2) [15].

В ермоловских частных письмах речь по преимуществу идет о делах — военных, гражданских, политических. Личные вопросы занимают в эпистолярном наследии генерала весьма незначительное место, тем не менее он раскрывается в них как сын, брат и, главное, отец. Ермолов никогда не состоял в браке, но брал кебинных жен, от которых имел пятерых детей. Воспитание детей, их образование, затем карьера — главное занятие Ермолова на протяжении многих лет. Все письма, в которых речь идет о сыновьях, проникнуты отцовской тревогой, заботой и гордостью за успехи детей. Грань между деловыми письмами и официальными делопроизводственными документами подчас довольно зыбкая. Это связано с некоторой размытостью норм оформления деловой переписки. Так на ряде документов, отправляемых Ермоловым и имеющим явно официальный характер, не стоят делопроизводственные номера, что в противном случае позволило бы однозначно отнести их к официальным материалам.

* * *

Письма Ермолова стали появляться в печати начиная с 1870-х гг. Однако решающим для публикации эпистолярного наследия генерала стал 1890 г. В этом году в 73-м томе «Сборника Императорского Русского исторического общества» под редакцией Н.Ф.Дубровина среди бумаг из архива А.А.Закревского были опубликованы и письма Ермолова. Бумаги Закревского находились в собственности его семьи, передавшей их в 1889 г. на хранение в архив РИО. Председатель РИО А.А.Половцов предложил наиболее интересные комплексы личной переписки А.А. Закревского с такими крупными фигурами, как П.М.Волконский, А.П.Ермолов, М.С.Воронцов, А.Ф.Орлов, опубликовать в Сборниках РИО. 11 апреля 1889 г. Половцов записал в дневнике: «Дубровин приходит толковать о печатаемом им томе переписки Закревского, решаем отбросить пустяки» [16]. Подлинники писем оказались после революции в РГИА.

Одновременно Бартенева издал в «Русском архиве» (Кн. 1. Вып. 1–4) и ответные письма Воронцова Ермолову, начиная с 1845 г. Эти письма были переданы для публикации родственниками Алексея Петровича [17]. Ныне подлинники этих писем и копии с них хранятся в фонде Ермоловых в РГАДА.

Одним из главных препятствий для полноценного научного использования эпистолярного наследия Ермолова — наряду с неопубликованностью значительной его части и рассеянностью по множеству изданий опубликованных писем — является качество дореволюционных публикаций.

Так, из текста писем Закревскому были исключены резкие характеристики ряда начальствующих на Кавказе лиц и горских народов. Что касается качества публикации писем Воронцову, то оно существенно хуже, чем в случае с письмами Закревскому, хотя оба издания осуществлялись в 1890 г. в одинаковых цензурных условиях. Сверка с подлинниками, хранящимися в РГАДА в фонде Воронцовых [18], показывает, что пропуски здесь еще более значительны, но объясняются скорее техническими, чем цензурными причинами. В печать попали уже упоминавшиеся пассажи о «скотине» Гудовиче и некоторых других кавказских чиновниках, а также об «армяшках» и прочих кавказских народах [19]. Вероятно, разница обусловлена тем, что издание писем Воронцову было частным проектом и осуществлялось в Москве, вдали от столицы, а следовательно Бартенева как публикатор был более свободен, чем Дубровин, издававший письма Закревского под грифом Императорского Русского исторического общества.

Однако и Бартенева вынужден был пойти на некоторые отступления от подлинника. Так, при перечислении чиновников, «бежавших» с Кавказа при появлении там Воронцова, член Совета Главного управления Закавказского края Н.П.Безак обозначен в публикации лишь литерой Б [20]. До 1845 г. письма воспроизведены достаточно точно, не считая единичных опечаток и случайных пропусков слов. Однако начиная с середины 1846 г. письма опубликованы с большими купюрами. Вероятно, по соображениям экономии места опущены формулы приветствия и прощания (что вообще характерно для публикаторской практики тех лет — так же опубликованы и письма в Актах Кавказской археографической комиссии [21]).

Кроме того, спешка, с которой Бартенева готовил публикацию, имевшую для него «коммерческий» характер, не позволила ему внимательно проанализировать состав собрания писем Ермолова Воронцову — листы писем в нем часто переставлены местами, фрагменты разных писем перемешаны. Однако Бартенева, не обратив на это внимание, печатал текст в том порядке, как листы отложились в деле. Вместе с тем анализ формата бумаги, нумерации страниц, данной самим Ермоловым, и логики повествования позволили в ряде случаев перекомпоновать текст таким образом, чтобы приблизить его к авторскому варианту. Характер некоторых купюр в письмах, по-видимому, объясняется этическими соображениями по отношению к родственникам Алексея Петровича, в частности на момент публикации были еще живы трое его сыновей. Были живы и многие другие лица, упоминавшиеся в письмах Ермолова.

При публикации писем Ермолова к Воронцову после 1845 г. были сокращены целые куски текста и оставлено, по выражению самого Бартенева,

лишь «существенное». В результате можно считать, что за этот период опубликованы лишь фрагменты писем. Оказались выброшенными страницы, где речь идет о кавказских событиях, полностью опущены сюжеты, связанные со службой на Кавказе сыновей Ермолова, и что особенно важно — бесконечные, из письма в письмо повторяющиеся просьбы Ермолова о чиновничестве, наградах и определении в состав экспедиций различных лиц. Эти просьбы, казавшиеся Бартеневу совершенно неважными (два десятка писем, из одних таких просьб состоящие, не опубликованы вовсе), в совокупности дают ценное представление о системе протектирования и неформальных связей, которыми была пронизана русская армия XIX в.

Подобные же сокращения произведены и в публикации писем Закревскому. В издание не попало около 40 писем, где речь идет о «пустяках» (преимущественно они касаются кадровых вопросов), о наградах офицеров и чиновников, их личных характеристиках, судебных делах и проч. Некоторые из этих писем-записок даже не имеют даты, как правило, они прилагались к очередному пространному письму или подавались просителями непосредственно из рук в руки. Но именно эти письма-записки, в совокупности с опубликованными текстами, позволяют отследить кадровую политику «проконсула Кавказа» и способы ее реализации.

В зеркале многолетнего, объемного и содержательного эпистолярного наследия Ермолова, отразившего его политические и военные идеи, проекты и заблуждения, отношения с начальниками и подчиненными, друзьями и родственниками, ясно проступает его истинная, освобожденная от вымыслов, многогранная и одновременно противоречивая личность.

Публикация писем по сохранившимся оригиналам, атрибуция и комментирование имеют важное значение при исследовании процесса управления национальными окраинами империи, а также проблем взаимодействия центральной власти с местными институтами. В то же время они позволяют взглянуть на бюрократический аппарат и армию как систему, функционирующую, как правило, на основе протекций или личных связей, понять механизм принятия политических и кадровых решений.

Готовящееся ныне новое издание кавказских писем генерала А.П.Ермолова восполнит имеющийся пробел в опубликованных изданиях, послужит материалом для исследования глубинных проблем российско-кавказских отношений.

Примечания

1. Письмо М.С. Воронцову от 24 февраля 1817 г. // РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 49–50 об.
2. Письмо М.С. Воронцову, март 1847 г. // Там же. Л. 188–189.
3. Лапин В.В. К образу А.П.Ермолова в исторической литературе и в коллективном историческом сознании // Генерал А.П.Ермолов и российско-кавказские отношения в XIX — начале XX века. СПб., 2009. С. 14.
4. Письма А.П.Ермолова. Предисловие и публикация А.Тахо-Годи // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала, 1926. С. 1–52.

5. Давыдов М.А. Оппозиция его величества. М., 1995 (переизд. в 2005 и 2007 гг.).
6. РГИА Ф. 1018. Оп. 5. Д. 462. Л. 2.
7. Гордин Я.А. Земля и кровь. СПб., 2000. С. 122.
8. Устрялов Н.Г. Историческое обозрение царствования государя императора Николая I. СПб., 1847.
9. Письмо Закревскому А.А. от 6 августа 1819 г. из лагеря у деревни Андрее. РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 37–41.
10. Письмо Булгакову В.А., командиру Кабардинского пехотного полка от 25 июня 1826 г. из лагеря при реке Белой // Национальная библиотека Украины им. В.И.Вернадского. Ф.1. Д. 27113.
11. Письмо Закревскому А.А. от 18 ноября 1816 г. РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 31–34.
12. Лорер Н.И. Записки. Иркутск, 1984. С. 192. Е.А.Головин занимал должность главноуправляющего Закавказским краем с 1837 по 1842 г.
13. Там же. Нейдгард был назначен главноуправляющим Закавказским краем в 1842 г.
14. ПСЗ-II. Т. XIX. № 18679 от 27 декабря 1844 г.
15. Письмо к Воронцову от 31 августа 1845 г. из Москвы. РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 109–118 об.
16. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. М., 2005. С. 182, 251, 265, 274, 293.
17. Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 161.
18. РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 1–301.
19. Архив князя Воронцова. Кн. 36. М., 1890. С. 179, 180.
20. Там же. С. 290; РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 136.
21. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1884–1904. Т. IX–XII. Это собрание документов по истории Кавказа с X в. по 1862 г., издававшееся под редакцией известного исследователя Кавказа Адольфа Берже.

*И.Ю.Шустрова**

Использование уставных грамот в локально-исторических исследованиях (на материалах Ярославской губернии)

На материалах Ярославской губернии рассматривается многообразие информации о крестьянском быте в уставных грамотах; описываются конкретные факты, касающиеся природо- и лесопользования; приводятся сведения о социокультурных изменениях, которые происходили в деревне пореформенной России. В статье сделан вывод о том, что уставные грамоты представляют собой незаменимый источник при проведении исследований локально-исторического характера.

2011 г. — год 150-летия отмены крепостного права в России. Это событие со временем стало важной научной проблемой, изучение которой породило обширную историографию [1]. Проведение крестьянской реформы в Ярославской губернии до настоящего времени не было предметом глубокого исследования [2]. Лишь в последние годы в рамках проекта РГНФ (2007–2009 г.) подготовлены публикации студентов и аспирантов ЯрГУ им. П.Г.Демидова и СПбГУ [3], первые итоги наблюдения над содержанием уставных грамот Ярославской губернии изложены в материалах конференции «Золотаревские чтения» (2008 г.) [4]. Поскольку базы данных по массиву изученного материала находятся в стадии разработки, анализ показателей по землепользованию, экономическому положению, повинностям помещичьих крестьян Ярославской губернии в настоящее время был бы не полон. Цель данной статьи — показать многообразие информации о крестьянском быте в уставных грамотах, что делает их весьма привлекательным источником при проведении локально-исторических исследований.

Подавляющее большинство помещичьих крестьян губернии платило оброк, поэтому при изучении экономических последствий проведения реформы в конкретном регионе очень важен вопрос о доходах крестьян. Сведения, касающиеся дополнительных доходов крестьян, в уставных грамотах фиксировались при определении разряда усадьбы. Наиболее распространенной формулировкой здесь было «наличие местных и отходных промыслов», иногда в грамоте подробно описывался характер заработков. Крестьяне села Станилово «с деревнями» Мологского уезда, например, занимались «выделкой деревянной посуды и разными промыслами» в Москве и Санкт-Петербурге [5].

Расположение селений вблизи дорог, судоходных и сплавных рек давало возможность получения дополнительных заработков [6]. Деревни Губцово, Залесье, Тенино Норской волости находились в трех верстах от Волги, рядом располагалась льнопрядильная фабрика «большого размера московских купцов Хлудина и Ланина». Это давало крестьянам возможность «во всякое время года заниматься разными промыслами и работою на фабрике» [7]. Иногда пояснения в этой части документа имели довольно пространственный характер. Например, в уставной грамоте по деревне Хомутово Крестобого-

* Шустрова Ирина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова, руководитель проектов «Экономические и социальные последствия освобождения крестьян в помещичьей деревне» (07-01-00394а) и «Трансформация русской крестьянской семьи в Ярославской губернии в XIX — начале XX в.» (10-01-00500а).

родской волости, крестьяне которой принадлежали Софье Васильевне Палицыной, указывалось, что селение расположено чрезвычайно выгодно, а именно: на большой Суздальской дороге, «на расстоянии не более 5 верст» от Ярославля. Губернский город, отмечено в документе, «имеет пристани, кирпичные, белильные и другие заводы и фабрики, что все составляет не останавливаемые никаким временем года весьма подручные пособия для промышленности крестьян сверх хлебопашества, что ими не упускается из виду. Имеющие лошадей летом и зимою со своим кормом каждодневно находятся или на ломовых биржах, или прямо на работах, ночуя дома» [8].

Дополнительные доходы крестьян в ряде случаев служили основанием для увеличения годовой суммы оброка (рис. 1). Крестьяне деревни Окунево Даниловского уезда, которые производили кирпич на шести заводах, «по добровольному соглашению с доверителем владелицы» вместо 728 рублей платили 775 рублей оброка в год. В Боровской волости Даниловского уезда возможности для дополнительных заработков давали крахмало-паточные и химические заводы [9].

Жители ряда сельских обществ нередко располагали доходами с торговых площадей, лавок и трактиров. В некоторых селах доходами с торговых площадей пользовался причт местной церкви [10].

Экономика крестьянских хозяйств зависела от условий пользования выгоном, лесными угодьями, водопоем, «пастьбой водяной птицы», рыбными ловлями и сгоном леса (рис. 2). В уставной грамоте по селению Сарабуха Мологского уезда отмечено, что право «на сбор лесных произведений: сдирание коры с кустов и деревьев для кожевенного производства и для делания обуви, сбор мха и прочего, а также право охоты и рыбной ловли» принадлежало владельцу. В деревне Костяево Ярославского уезда возможность использования водопоя на речке Глухарихе предоставлялась «без права ее загачивать». В уставной грамоте по деревне Гоголево Даниловского уезда оговаривалось, что береговое право по реке Ухре предоставляется крестьянскому обществу только в том случае, если крестьяне выкупят свои полевые земли и другие угодья [11].

В уставной грамоте по деревням Тимонино и Филиппки Даниловского уезда значилось, например, что помещик «предоставляет себе право» пользоваться «глиной, торфом и другими ископаемыми в земле сокрытыми вещами, устраивать пруды, заводы, пролагать дороги и прогоны и обменивать земли, на которых будет производиться разработка и прочее, что окажется нужным» [12].

В том случае, когда из крестьянского надела изымалась часть земли, находящаяся под строениями, которые приносили помещику стабильный доход, указывались особые условия. Так, в одном из селений Угличского уезда из крестьянского надела было отрезано «на водяную мельницу при речке Сабле 2 десятины 1200 сажень», при этом крестьянам предоставлялось право бесплатного помола «для домашнего употребления до 2 четвертей на душу». Использование для крестьянских нужд водопоя и построек не должно было причинять вреда мельницам, что оговаривалось особо. Арендную плату за работу мукомольной мельницы в деревне Шарапово Пошехонского уезда должна была получать помещица. Мельница на реке Гда находилась «в

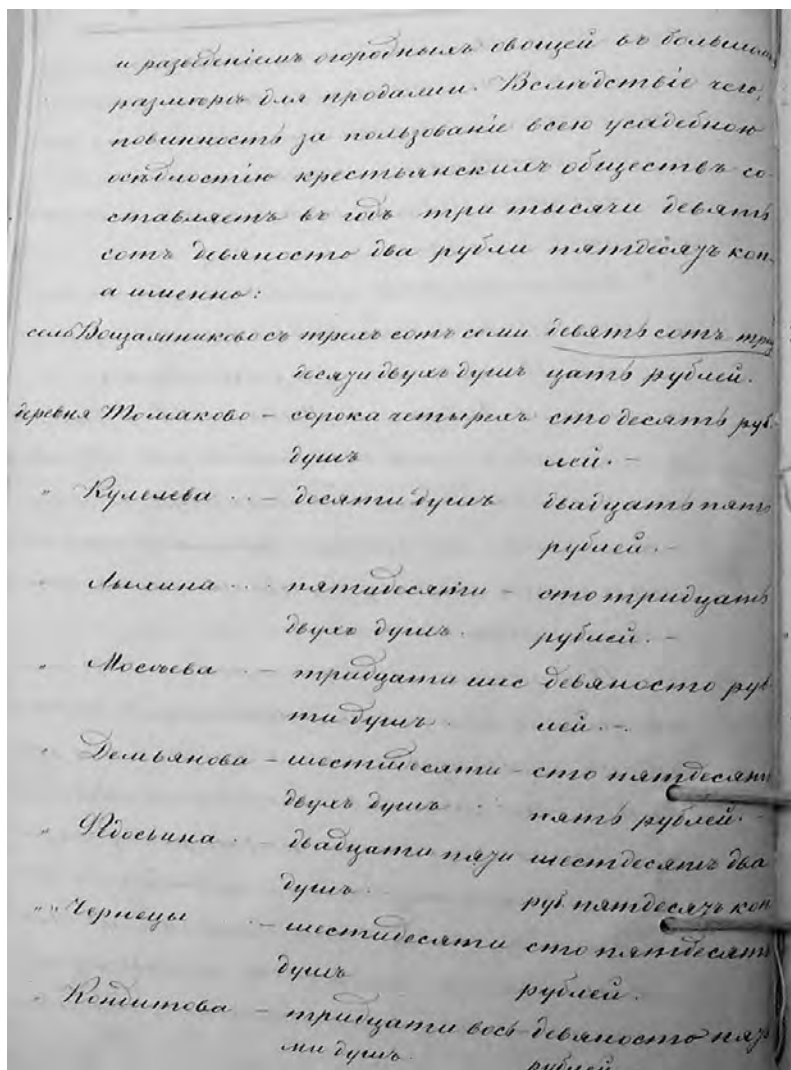

Рис. 1. Фрагмент уставной грамоты по селению Вожажниково с деревнями Дмитрия Николаевича Шереметьева. ГАЯО. Ф. 121. Оп. 3. Д. 4245. Л. 9об.

безвозмездном пользовании» крестьян села Поречье Ростовского уезда, поэтому при составлении грамоты местным жителям были предоставлены прежние условия. Помещик А.Ф.Андреев, которому принадлежали крестьяне деревень Лебедево и Лаврово Пошехонского уезда, оговаривал право устроить водяную мельницу или другое «действующее водою промышленное заведение» на реке Соге. При этом постройки не должны были причинять ущерба крестьянам. Владелец обязывался «в случае подтопа» добавить в надел земли или снизить повинность. Для деревни Подрельное Пошехонского уезда тот же помещик оставлял себе «береговое право» на реке Талице,

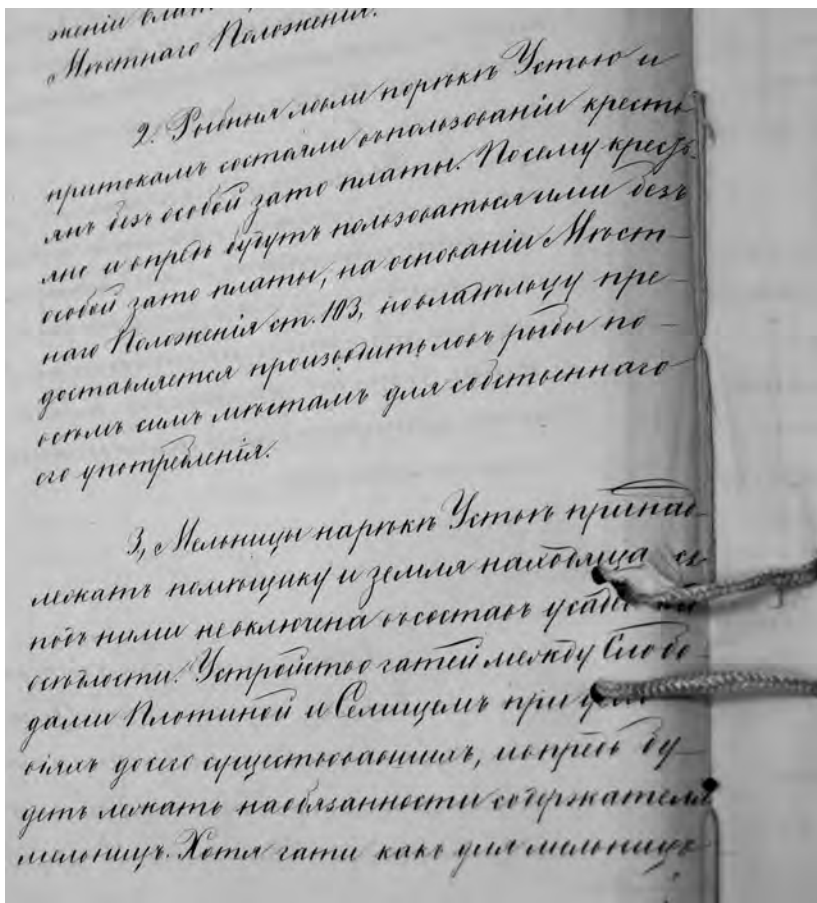

Рис. 2. Фрагмент уставной грамоты селения Борисоглебские слободы Ростовского уезда (графа Виктора Никитича Панина). ГАЯО. Ф. 121. Оп. 3. Д. 4134. Л. 3

поскольку там находилась его мельница. Он исключил из крестьянского надела 3 десятины подтопляемой земли, предоставив себе право вновь строить «вододействующие» сооружения в случае надобности [13].

Границы наделов должны были четко обозначаться в уставных грамотах, что не всегда удавалось из-за отсутствия межевых документов. Лишь в исключительных случаях встречаются планы, привязка к которым содержится в источнике (рис. 3, 4).

Размеры крестьянского надела по губернии могли заметно отличаться. Недостаток земли крестьяне ряда селений пытались восполнить за счет аренды (кортома), что находило отражение в документах [14]. Число уставных грамот, которые содержат описание земель, приобретенных крестьянами до реформы, невелико [15]. Крестьянам селений Ильинское и Мушпол Хмелевской волости Пошехонского уезда (владелец П.Н.Ханыков) была предоставлена в «неотъемлемую собственность» земля в «пустоши Хламо-

уезда не хотела признавать за крестьянами право на обладание ранее купленной ими землей. Разрешение спора стало возможным вследствие того, что помещица оставляла за собой «право учреждения и продажи питей». Крестьяне, имевшие намерение законным порядком просить об утверждении в собственности ранее приобретенной земли, внесли в уставную грамоту следующее уточнение: «Если же отыскиваемую нами землю, купленную на наши деньги, помещица не утвердит за нами, то мы на право оставить за помещицей пол десятины на поместье для продажи впоследствии откупных питей не согласны» [18].

В уставных грамотах имеется немало фактов, касающихся пользования лесом, в частности получения крестьянами топлива, что рассматривалось в специальных приложениях (рис. 5). В случае нарушения правил, отмеченных в грамотах, определялись штрафные санкции. Зачастую дровяной и тем более строевой лес в надел крестьянам не назначался. Помещики предпочитали его продавать крестьянам [19]. По условиям одной из грамот, ежегодно можно было вырубать валежник и сухостой, а «если оно не окажется», на хозяйственные нужды «из растущего леса» отводилось для отопления домов и на сушку овинов по 4 куб. сажени трехполенных дров на двор, исходя из расценок 75 копеек с сажени. В грамоте указывалось, что на каждый дом полагалось по одному возу березовых дров на лучину по 25 коп., для исправления огородов отводилось на 10 душ 160 штук за 1 руб. 60 коп. Деньги должны были вноситься вместе с оброком дважды в год. Особо отмечалось, что вырубку следует делать единовременно с 1 декабря по 1 марта. Цены могли варьироваться от 20 р. с «крестьянского жилого строения» до 2 руб. с ревизской души [20].

Крестьяне селения Новинки пользовались лесом для отопления из «господской лесной дачи с позволения владельца». На основании особых условий по ст. 49 Местного Положения до 1 сентября 1862 г. лес могли получать бесплатно. С 1 сентября 1862 г. в течение года крестьянам позволялось вырубить на отопление изб и сушку овинов на дом «по семь однополенных сажень, только не березовых». Плата за каждую сажень на первый год составляла 40 коп. С осени 1863 г. «дозволялось» сделать запас «тот же и того же качества дров», стоимость которых составляла 65 коп. за сажень. Жерди и колья могли быть вырублены с разрешения сельского старосты с платой за 100 жердей — 1 руб. 20 коп., за 100 кольев — 40 коп. На каждую бобылку, проживающую в деревне, полагалось в год по 3 сажени дров. Всякая порубка сверх установленной нормы подвергалась взысканию. Деньги следовало вносить сельскому старосте к 15 октября каждого года. С 1 сентября 1864 г. предполагалось определить новые условия [21].

По селу Ильинское и деревне Мушпол Пошехонского уезда (владелец П.Н.Ханыков) крестьянам «впредь до разверстывания угодий» предоставлялось право вырубать для отопления по 2 и 1/3 куб. сажени дров на хозяйство, для освещения по возу лучины на двор, для сушки овинов — по одной сажени двухаршинных дров на тягло «с потребным количеством» кольев и жердей на огороды. Всего крестьяне П.Н.Ханыкова могли претендовать на бесплатное получение 60 сажень и 2 аршин трехполенных дров, 26 возов лучины, 34,5 сажень двухаршинных дров [22].

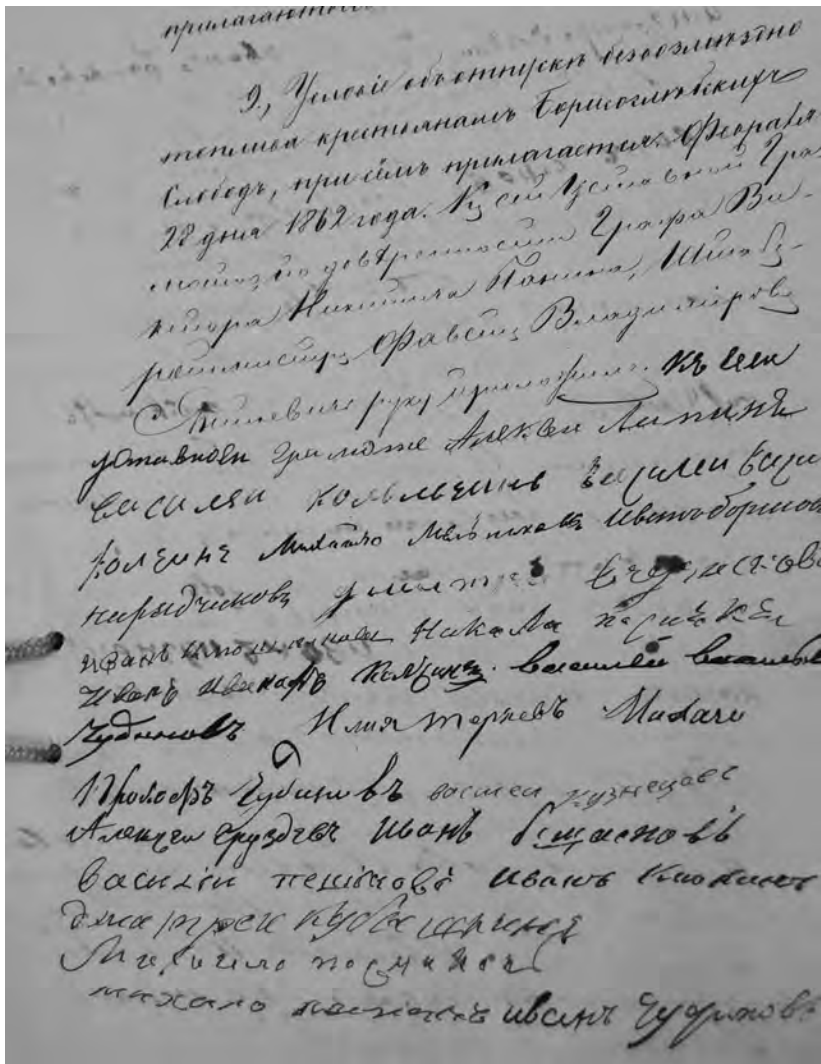

Рис. 5. Подписи крестьян на уставной грамоте селения Борисоглебские слободы Ростовского уезда (графа Виктора Никитича Панина). ГАЯО. Ф. 121. Оп. 3. Д. 4134. Л. 7

Нередко уставные грамоты свидетельствуют о несовпадении интересов владельца и крестьян. Отмечалось, например, что «...они [крестьяне — И.Ш.] тихомолком из общей Ильинской дачи в лесном участке, состоящем в заведывании лесничества и от рубки воспрепеченном, пользовались лесом, на что действия от помещика никакого дозволения на то у них не было и из лесничества билетов никогда не получали». В крестьянском наделе было мало леса для отопления, но жители деревни заявили, что «никаких покладок об отпуске топлива за повинности из помещичьей дачи вовсе делать не желают» [23].

Использование сведений, содержащихся в уставных грамотах, для проведения локально-исторических исследований позволяет проследить некоторые социальные процессы, происходившие в российской деревне после крестьянской реформы [24]. Увеличение сословной мобильности населения можно считать одним из последствий отмены крепостного права. Документы фиксируют преимущественно переход крестьян в мещанское сословие. Например, Никита Платонов, крестьянин деревни Саха Арефинской волости Рыбинского уезда, вместе с семьей был «уволен» в мещанское общество посада Большие Соли. Часть временнообязанных крестьян пополняла мещанские общества уездных городов губернии, часть — становилась горожанами удаленных губерний. В уставной грамоте по селениям Гурьево и Архарово Рыбинского уезда, например, значится, что крестьянин Митрофан Афанасьев «перешел» в Санкт-Петербургский переплетный цех [25].

Уставные грамоты свидетельствуют, что крестьянским трудом в пореформенный период начинали заниматься дворовые [26]. Перечисление в другое сельское общество, переход в группу государственных крестьян, как и переход в купеческое и духовное сословие (монашество), были относительно редким явлением [27].

В рассмотренных нами грамотах имеются свидетельства повышения социальной роли женщин. Например, в сборе крестьян-домохозяев селения Верхнее Березово 6 декабря 1862 г. принимали участие шесть женщин, что составило 28,6% присутствующих. Это были Пелагея Дорофеева, Анисья Васильева, Василиса Степанова, Федора Назарова, Лукерья Иванова и Акулина Андреева [28]. Безусловно, это пример скорее единичный, но он свидетельствует о том, что в отсутствие мужчин общественные функции вынуждены были исполнять хозяйки дома.

Немногочисленные заметки в уставных грамотах документально фиксируют существовавшую практику «принятия в дом» людей, не имевших родства с членами семьи. Например, к грамоте по селениям Райково и Куначево Угличского уезда прилагался приговор Чернятинского сельского схода, в котором рассматривался вопрос о причислении крестьянина Сергея Александрова в дом крестьянина Семена Егорова д. Куначево «для поддержания его семейства и дома по старости его лет» [29].

Подводя итоги, отметим, что уставные грамоты представляют собой источник, значение которого трудно переоценить. При условии обработки значительного массива документов по конкретной губернии можно проследить экономические и социальные последствия отмены крепостного права. Информационный потенциал данного источника очень высок, поскольку он предоставляет широкие возможности для изучения землеустройства и природопользования, сословной динамики населения региона, предпринимательской деятельности как владельцев имений, так и бывших крепостных. Уставные грамоты содержат факты, характеризующие взаимоотношения помещиков и временнообязанных крестьян. В документах имеются сведения о социокультурных изменениях, которые происходили в деревне пореформенной России, что делает этот источник незаменимым при проведении исследований локально-исторического характера.

Литература

1. Наиболее пространный историографический обзор последних лет содержится в монографии С.Г.Кащенко. См.: Кащенко С.Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года. М.; СПб., 2009. С. 15–59.

2. Синотов Н.П. Аграрная реформа 19 февраля 1861 г. в Ярославской губернии (Бурмакинская волость Ярославского уезда) // Труды Ярославского педагогического института. Ярославль, 1929. Т. III. Вып. 3. С. 83–109; Генкин Л.Б. Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губернии перед реформой и во время реформы 1861 года: Ученые записки ЯГПИ. Вып. XII. Ярославль, 1947; Дружинин П.Н. Отмена крепостного права в Ярославской губернии // Очерки истории Ярославского края. Ярославль, 1974. С. 22–44; Иерусалимский Ю.Ю. Отмена крепостного права в Ярославской губернии // Страницы минувшего (VI Тихомировские краеведческие чтения). Ярославль, 1997. С. 104–106.

3. Антонов М.А. Освобождение крестьян помещичьей деревни Ярославской губернии: исследования второй половины XX века и источники // Состояние и перспективы социально-экономического развития Северо-Запада России: Тезисы докладов научной студенческой конференции. Филиал Северо-Западной академии государственной службы в г. Выборге. Выборг, 2007. С. 66–69; Его же. Порепорформенная деревня Ярославской губернии: основные проблемы развития // Materialy IV Miedzynarodowej naukowy-praktycznej konferencji «Naukowym progres na rubiezy tysacleci — 2008». Tom 12: Historia. Politologija. Przemysl, 2008. С. 51–54; Его же. Социально-экономические и географические сведения о территории Мологского уезда во второй половине XIX — начале XX в. // Состояние и перспективы социально-экономического развития Северо-Запада России: Тезисы докладов X Научной международной межвузовской конференции: аспирантов и студентов (12–13 мая 2009 г.). Выборг, 2007. С. 19–23; Прохорчук А.А. Социально-экономическое развитие порепорформенной России в трудах Ассоциации «История и компьютер» // Состояние и перспективы социально-экономического развития Северо-Запада России. С. 37–39.

4. Антонов М.А., Шустрова И.Ю. К вопросу об информационном потенциале уставных грамот (по материалам Ярославской губернии) // XII Золотаревские чтения. Материалы научной конференции (30 октября 2008 г.). Рыбинск, 2008. С. 203–210; Шустрова И.Ю. Отмена крепостного права в Ярославской губернии: к историографии вопроса // История и культура Ростовской земли. 2008. Ростов, 2009. С. 200–207.

5. ГАЯО. Ф. 121. Оп. 3. Д. 3942. Л. 6; Д. 4793. Л. 3об.; Д. 4808. Л. 4об.; Д. 333. Л. 2об.; Д. 180. Л. 7; Д. 144. Л. 3об.; Д. 4010. Л. 5об.; Д. 3964. Л. 6; Д. 4421. Л. 3; Д. 4025. Л. 4об.; Д. 4189. Л. 7; Д. 1229. Л. 6.

6. Там же. Д. 4827. Л. 4об.; Д. 5035. Л. 3; Д. 4412. Л. 4.

7. Там же. Д. 5119. Л. 4.

8. Там же. Д. 5434. Л. 2.

9. Там же. Д. 284. Л. 3; Д. 311. Л. 3об.

10. Там же. Д. 311. Л. 6об.; Д. 2196. Л. 3об.; Д. 5458. Л. 5об.—6.

11. Там же. Д. 4610. Л. 2; Д. 1252. Л. 3; Д. 1253. Л. 5об.; Д. 1243. Л. 2об.-3; Д. 2973. Л. 3об.; Д. 1256. Л. 1об.; Д. 3943. Л. 5; Д. 2186. Л. 2;

Д. 2189. Л. 2; Д. 1252. Л. 3; Д. 5033. Л. 2об.; Д. 2199. Л. 2; Д. 3960. Л. 6; Д. 4187. Л. 5; Д. 3955. Л. 6об.; Д. 5379. Л. 3об.; Д. 4440. Л. 6об.; Д. 4004. Л. 6; Д. 2202. Л. 2об.; Д. 4673. Л. 12; Д. 5025. Л. 4об., Д. 4008. Л. 4об.; Д. 1218. Л. 3; Д. 5018. Л. 3об.; Д. 239. Л. 2об.—3.

12. Там же. Д. 127. Л. 2.

13. Там же. Д. 4733. Л. 2об., Л. 3об., Л. 4; Д. 2186. Л. 2, 7; Д. 2170. Л. 3об.; Д. 2182. Л. 5об.

14. Там же. Д. 3941. Л. 3об.; Д. 3939. Л. 1об.; Д. 5042. Л. 2-3; Д. 4012. Л. 5об.; Д. 5036. Л. 6; Д. 4828. Л. 8-8об.; Д. 5039. Л. 3; Д. 5041. Л. 3; Д. 171. Л. 8; см. также: Никулин В.Н. Крестьянская аренда на Северо-Западе России в 1861–1904 гг. // Землевладение и землепользование в России (Социально-правовые аспекты): Материалы XVIII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 240–250.

15. ГАЯО. Ф. 121. Д. 2178. Л. 4. Д. 5119. Л. 3. Д. 3938. Л. 4об.; Д. 4035. Л. 1; Д. 1740. Л. 3об.—4.

16. Там же. Д. 2973. Л. 2об.

17. Есиков С.А., Косов Р.В. Понятия «собственность» и «владение» в гражданском праве пореформенной России (1861–1906 гг.) // Землевладение и землепользование в России... С. 193–201.

18. ГАЯО. Ф. 121. Д. 4709. Л. 2, 2об., 4.

19. Там же. Д. 4813. Л. 4; Д. 4797. Л. 5; Д. 4733. Л. 3об.; Д. 4675. Л. 5; Д. 1. Л. 4; Д. 4447. Л. 3об.; Д. 2922. Л. 4, 6об.; Д. 2501. Л. 6; Д. 2699. Л. 3; Д. 1721. Л. 5; Д. 73. Л. 4; Д. 4450. Л. 3; Д. 97. Л. 4; Д. 171. Л. 7.

20. Там же. Д. 2202. Л. 3; Д. 73. Л. 4. Д. 97. Л. 4; Д. 1238. Л. 4об., Л. 7–8.

21. Там же. Д. 2973. Л. 6.

22. Там же. Д. 2703. Л. 9–9об.

23. Там же. Д. 4753; Д. 1789. Л. 25, 25об.; Д. 1218. Л. 6.

24. Там же. Д. 1255. Л. 10; Д. 1720. Л. 5–7об.; Д. 4621. Л. 11–13об.; Д. 5046. Л. 8–9; Д. 4687. Л. 17–19; Д. 4554. Л. 11. Д. 4554. Л. 9; Д. 1255. Л. 10; Д. 1720. Л. 5–7об.; Д. 59. Л. 4; Д. 333. Л. 22, 26, 31; Д. 40. Л. 7; Д. 5035. Л. 14; Д. 4417. Л. 30.

25. Там же. Д. 1735. Л. 6.

26. Там же. Д. 124. Л. 6.

27. Там же. Д. 1729. Л. 3об.

28. Там же. Д. 1252. Л. 1.

29. Там же. Д. 4819. Л. 6–6об.

*В.А.Шнирельман**

«Арийская идея» и политика идентичности в эпоху постмодерна

В статье анализируется «арийская идея» как дискурс об идентичности, связанный с реинтерпретацией древней истории и поиском славных предков. Демонстрируется зависимость содержания этого дискурса от регионального, социального, политического и религиозного контекстов. Показано, что «арийская идентичность» в отличие от многих других тесно связана с развитием научных знаний. Однако, как показывает исследование, результаты такого взаимодействия науки с обществом порой оказываются неожиданными для ученых.

Каким бы устаревшим и архаичным ни смотрелся «арийский миф», сегодня вновь актуальной становится задача изучения процесса конструирования арийской идентичности и бытования арийского мифа как во временном, так и в политико-географическом измерении. Речь идет о том, что, во-первых, в современных условиях всеобщей грамотности формирование этнической идентичности все чаще опирается на научные технологии; во-вторых, научные данные подхватываются и интерпретируются обществом, причем нередко далеко не так, как этого хотелось бы ученым; в-третьих, некоторые научные идеи с благодарностью используются радикальными политиками для мобилизации масс.

Иными словами, сегодня как никогда научное знание играет огромную роль в общественном дискурсе. Причем общество получает такие знания далеко не всегда напрямую от ученых, а чаще — от посредников-дилетантов или умелых манипуляторов. Долг ученых состоит в том, чтобы защитить научное знание от псевдонауки и занять активную позицию в диалоге между наукой и обществом. Сегодня такая псевдонаука представлена, во-первых, дилетантами-литераторами, преследующими коммерческий успех; во-вторых, радикальными политиками, пытающимися навязать обществу арийский миф для реализации своих политических программ; в-третьих, эзотериками и неоязычниками, создающими на наших глазах новые религиозные учения, культы и обряды.

Вместе с тем к арийскому мифу иногда прибегают властные структуры в целях выработки привлекательной национальной идеологии, как это происходит, например, в ряде государств Центральной Азии. В этом случае мы имеем дело с политикой идентичности. Поэтому сегодня речь идет уже не о едином арийском мифе, а о его модификациях, преследующих разные цели. Такие модификации, их социально-политический контекст, смысловое разнообразие и составляют научную проблему, заключающуюся в том, что в мире постмодерна политические или интеллектуальные концепции, сформированные в одном контексте, нередко попадают в совершенно иное социальное пространство, где могут радикально менять свой смысл и использоваться для иных целей. Поэтому в современном глобализующемся мире для оценки

* Шнирельман Виктор Александрович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Михлухо-Маклая РАН, руководитель проекта «Арийская идея в современном мире» (09-01-00078а).

концепции недостаточно ограничиваться знакомством с ее исконным вариантом, а необходимо учитывать ее контекстуальную вариативность.

Цель моего исследования состоит не только в изучении происхождения и эволюции арийского мифа, но прежде всего в анализе его вариативности, которая касается как его смыслового содержания и интерпретаций, так и политического использования в самых разных контекстах. Другая задача — проследить процесс конструирования новых идентичностей путем использования научных данных, образовательных программ, организации новых праздников, возведения памятников древним предкам, создания новых музейных экспозиций. Третья задача диктуется деятельностью новых или оживлением старых религиозных движений (язычников, эзотериков, Нью Эйдж), по-своему представляющих и использующих арийскую идентичность. Наконец, четвертая задача связана с изучением образа врага, который выковывается современным «арийским мифом», причем и здесь выявляется определенная контекстуальная вариативность, заслуживающая специального изучения.

Экспансия арийского мифа

В современном мире отмечается неожиданный всплеск интереса к «арийской идентичности». «Арийская проблема» возникла в XIX в. поначалу как научная, связанная с установлением родства индоевропейских языков, вычлениением на этом основании индоевропейской («арийской») группы народов и попытками реконструировать ее историю. Однако во второй половине XIX в. арийская проблематика стала предельно политизированной и широко использовалась для обоснования колониализма, империализма и дискриминации. В связи с развитием физической антропологии «арийство» стало восприниматься не только в лингвистических и культурных терминах, но и как расовый показатель; возникло понятие «арийской расы», тесно связанное с европейским расизмом. В религиозной жизни это выразилось в появлении австрийской ариософии [1]. Тогда на европейской почве сложилось представление о едва ли не вечной конфронтации между «арийцами» и «сеμίтами», что привело к формированию расового антисемитизма. Последний достиг кульминации в нацистской Германии и выразился, в частности, в принятии расовых (Нюрнбергских) законов в 1935 г., а затем стал идейным основанием для Холокоста [2].

Между тем еще в начале XX в. физические антропологи отказались от понятия «арийской расы», а в 1930-х гг. их поддержали археологи и лингвисты. В те годы эта идея культивировалась лишь в нацистской Германии. Казалось бы, в мире после Холокоста места ей не осталось, так как понятие «арийской расы» оказалось, во-первых, научно несостоятельным, а во-вторых, излишне политизированным и тесно связанным с нацистским наследием. Вплоть до последнего десятилетия XX в. интерес к «арийству» сохранялся лишь в крайне правых, неонацистских кругах. Однако мир эпохи постмодерна парадоксален и таит в себе немало неожиданного. Рубеж XX—XXI вв. подарил арийской идее вторую жизнь, и ее подхватили националисты во многих новых государствах постсоветского пространства [3].

Вместе с тем современный арийский дискурс отличается многозначностью и многоплановостью. Сегодня арийство служит не только орудием шовинизма и дискриминации, но и лозунгом борьбы за самобытность и защиту местной идентичности. Смена контекста нередко наполняет лозунг новыми смыслами, и то, что выглядело справедливым вчера, оказывается опасным и даже неприемлемым сегодня. Именно эту траекторию описала арийская идея в Индии, где в последней четверти XIX в. она была подхвачена реформистским и антиколониальным движением «Арья Самадж», а в конце XX в. стала служить радикальному политизированному индуизму, сеящему вражду и насилие [4].

К сожалению, Индия в этом не одинока. Сегодня арийская идея становится популярной на всем пространстве Евразии, где интерес к ней проявляют очень многие этнонационалисты — русские, украинские, осетинские, армянские, таджикские, чеченские, татарские, азербайджанские, туркменские, казахские, узбекские и даже якутские, бурятские, корейские. Кое-где она остается маргинальной, а кое-где подхватывается и пропагандируется властями. Местами она привлекает лишь дилетантов, озабоченных поисками далеких предков своего народа, а местами ей уделяют внимание ученые, считающие ее подходящим языком для обсуждения вопросов отдаленного прошлого. Однако повсюду она служит интересам национализма, придавая ему искомую историческую глубину и наделяя славными предками.

На Западе «арийская идея» культивируется праворадикальными и расистскими движениями, обеспокоенными судьбой «белой (арийской) расы» и выступающими против массовой миграции [5]. Определенную роль эта концепция играет в контексте «нордического язычества» [6]. В России интерес к «арийской идее» подпитывается, с одной стороны, ростом привлекательности эзотерических и неоязыческих верований, а с другой — деятельностью праворадикальных партий и движений. Здесь «арийская идеология» тесно связана с популярностью расовых представлений и ксенофобских настроений. Она формируется и поддерживается целым направлением художественной (фэнтези) и научно-популярной массовой литературы, развивающей расовые и ксенофобские мифы и рисующей вечную конфронтацию «русов-арийцев» с «чужаками» (прежде всего «семитами»). Некоторые авторы-почвенники, специализирующиеся в этой области, ухитряются выпускать по несколько книг в год; кроме того, такие книги регулярно переиздаются известными издательствами, строящими свой бизнес на выпуске такого рода литературы. Помимо этого, на наших глазах возникла «народная археология», занимающаяся упорным поиском древних «славян-арийцев» в самых различных регионах мира; в особенности популярны поездки на Аркаим (Южный Урал) и в различные районы Приполярья, где энтузиасты ищут Гиперборею [7].

Совершенно иная судьба ждала «арийскую идентичность» в новых государствах Центральной Азии, где она призвана наделять местные титульные народы автохтонным происхождением, чтобы легитимировать их современную государственность. В Индии на «арийскую идентичность» претендует индуистский фундаментализм с характерной для него исламофобией.

Политические задачи арийского мифа

Развитие арийского мифа прослеживается на протяжении более двухсот лет. Возникнув как невинная научная гипотеза в контексте раннего европейского романтизма, арийский миф проделал в своем развитии причудливую траекторию, став основой насыщенного политического дискурса. При этом в различных контекстах, в разные эпохи и на разных континентах он принимал особый облик, диктовавшийся интересами его создателей и пропагандистов, способных изменить его смысл до неузнаваемости. Это говорит нам прежде всего о высокой социальной роли науки. Если создаваемые ею концепции затрагивают болевые точки современного общества или интересы определенных общественных групп, такие концепции с легкостью переосмысливаются и используются в тех или иных политических целях, порывая с академической скрупулезностью и независимо от того, что думают об этом ученые.

Впрочем, и среди ученых находятся такие, для кого политические интересы оказываются не в пример важнее научных. И это свидетельствует о том, что ученые отнюдь не живут в «башне из слоновой кости», а являются заинтересованными участниками политического процесса, что нередко оказывает существенное влияние на саму их научную деятельность — на то, какие именно научные проблемы привлекают их внимание, какие методы и источники они используют в своем исследовании, на какие факты направлено их внимание, как они их интерпретируют и к каким именно выводам приходят.

Речь идет прежде всего о влиянии национализма на научную парадигму. Так, если колонизаторам арийский миф был нужен для оправдания процесса колониализма как «цивилизаторской миссии», направленной на просвещение «варваров», то местные противники колониализма и активисты национально-освободительного движения тоже прибегали к его помощи, но использовали его в совершенно ином ключе. В ранний период они могли разделять миграционную гипотезу, но при этом отождествлять своих предков все с теми же колонизаторами. Это делалось для того, чтобы показать, что, во-первых, по своей культуре и цивилизаторским способностям предки несколько не уступали нынешним колонизаторам или даже находились с ними в близком родстве, а во-вторых, именно поэтому местное население не должно рассматриваться уничижительно в качестве «варваров» и имеет полное право на самостоятельное развитие.

После получения независимости такая концепция неизбежно требовала переосмысления, так как для своей легитимации национальное государство было заинтересовано в опоре на принцип автохтонности: необходимо было доказать, что основное его население является «коренным», т.е. имеет предков, обитавших здесь испокон веков. За этим стоит идея исторического права на территорию проживания, апелляция к которому широко используется в современном мире при отсутствии у бывших колониальных народов зафиксированного юридического права на свои земли.

Казалось бы, территориальный вопрос не находится в неразрывной связи с идеей «арийских предков». Однако идеологи таких движений не готовы отказаться от арийского мифа, который создает весьма привлекательный образ предков, награждая их самыми завидными качествами. Поэтому, чтобы свя-

зять своих предков с арийцами, последних требуется сделать автохтонами. Это вовсе не означает полного отказа от миграционной парадигмы, но теперь миф признает только миграции вовне, а их исконным центром оказывается именно данный регион или государство. В результате возникает парадоксальная ситуация, когда «прародина арийцев» оказывается заложницей национальности создателей местных версий арийского мифа. Так, для современных индусских фундаменталистов такой прародиной служит Северная Индия, украинские националисты отождествляют ее с Украиной («государство Аратта»), армянские помещают ее на Армянском нагорье, а русские ищут ее в Приполярье («Гиперборея—Арктида») или на Южном Урале, где их интересы иной раз пересекаются с интересами башкирских националистов. Даже некоторые осетинские авторы готовы сделать Осетию едва ли не древнейшим центром расселения индоевропейских племен, хотя в целом в осетинской историографии доминирует представление о приходе скифских или аланских предков извне [8].

Мало того, сегодня русские националисты нередко объявляют, что именно Россия была прародиной «славян-арийцев», откуда те и расселялись по всему миру, осуществляя свою «цивилизаторскую миссию». Примирить такие концепции совершенно невозможно, и оказывается, что они решают вовсе не какие-то научные задачи, а преследуют конкретные интересы местных национализмов, т.е. предназначены прежде всего для внутреннего пользования.

Своеобразная ситуация сложилась ныне в некоторых новых государствах Центральной Азии и Южного Кавказа, где советская историческая наука всегда обнаруживала два пласта — один древний, местный, а другой более поздний, пришлый. Первый был связан с иранским (т.е. с индоевропейским) или иным местным населением, а второй — с тюрками. Это ставит многие местные титульные нации в сложное положение, так как чрезмерный упор на тюркских предков лишает их возможности апеллировать к историческому праву на территорию, ибо те считаются пришельцами. Признавая двухкомпонентность своего происхождения, они с гордостью включают в число своих прямых предков древнее ираноязычное население. Это неизменно отражается в официально признанных версиях национальной истории, в государственной символике и на страницах школьных учебников [9].

В то же время это вызывает недоумение и возмущение соседних народов, прежде всего армян и таджиков, которые именно себя считают легитимными прямыми потомками индоевропейцев. Версии, выдвигаемые соседями, они воспринимают как противоправное посягательство на свое собственное историко-культурное наследие. Сегодня они также высоко ценят свое «арийское происхождение», апеллируя к нему для решения тех или иных политических задач. Скажем, в обоих случаях большое значение придается развитию добрососедских отношений с Ираном и Россией, для чего местные идеологи, политики и дипломаты не устают подчеркивать роль общего «арийского родства» и «арийского культурно-исторического наследия». Кроме того, арийский миф играет здесь и большую символическую роль, апеллируя к бывшим территориям, которые когда-то заселялись предками, а ныне находятся в составе соседних государств. В случае с Арменией речь идет об Армян-

ском нагорье, а в случае с Таджикистаном — об обширных областях Средней Азии, занятых сегодня тюркскими народами [10].

Русские националисты также используют арийский миф для обоснования права на всю территорию современной России или даже бывшего Советского Союза, ссылаясь на широкое расселение древних индоевропейцев, которых местный миф отождествляет со «славянами-арийцами». Одной из причин этого является страх перед распадом России или кардинальным изменением этнического состава ее населения в связи с депопуляцией у русских и массовой миграцией населения из соседних государств. В этом случае арийский миф служит символическим способом легитимации территориальных границ, и вовсе не случайно внимание его создателей и пропагандистов приковано главным образом к пограничным регионам [11]. Отсюда — поиски примордиальной прародины на Крайнем Севере, стремление обнаружить следы древней славянской государственности на Кавказе, приписывание славянских корней Рюрику и его балтийским родственникам и, наконец, страстное желание сделать айнов Дальнего Востока «европеоидами» и «родственниками славян-ариев». Кроме того, русские националисты апеллируют к арийскому мифу, пытаясь защищать интересы русских в новых постсоветских государствах путем изображения их там «коренным народом», чьи «арийские предки» якобы с незапамятных времен населяли всю Евразию [12].

Арийский миф и религия

Помимо территориального измерения, арийская идентичность не утратила своей культурной и цивилизационной ценности. В ряде постсоветских государств арийство культивируется неоязыческими движениями, которых не устраивает официальная история своих народов, связанная как с постоянными поражениями от более сильных противников, так и с вековым отсутствием собственной государственности, вхождением в состав других государств, а то и с длительным существованием народа в условиях диаспоры. Большим спросом там пользуется дохристианское прошлое, позволяющее представить своих предков великим победоносным народом, имевшим аутентичную культуру и древний язык [13]. Обращение к древности нередко помогает обнаружить реальную или воображаемую раннюю государственность, призванную продемонстрировать, что предки отнюдь не были дикарями и варварами, а имели свое собственное политическое устройство. Это — важный аргумент, помогающий преодолеть постколониальную растерянность и комплекс неполноценности и успешно строить свое новое государство. А это требует напористости, агрессивности и даже жесткости, которых, по мнению язычников, лишено современное христианство, призывающее к милосердию и игнорирующее этническую составляющую.

Примечательно, что такого рода аргументы кажутся привлекательными не только энтузиастам нерусского происхождения, но и русским неоязычникам, изображающим весь христианский период эпохой порабощения русского народа пришлыми миссионерами, будто бы навязавшими ему рабскую идеологию. А так как эти миссионеры представляются им иудеями, то ясно, почему современное политизированное русское неоязычество не может обой-

тись без антисемитизма. Символом таких настроений служит свастика, означающая в антисемитском дискурсе непримиримость к «сеμίтам» и готовность к бескомпромиссной борьбе с ними. В этом значении свастику использовали нацисты; так ее понимают и современные скинхеды. Вот почему стремление некоторых языческих волхвов очистить свастику от этих ассоциаций, объявив ее «древнеславянским символом», нельзя признать удачной [14].

К тем же аргументам обращаются и радикальные украинские националисты, также питающие склонность к неоязыческим взглядам. При этом как для русских, так и для украинских любителей арийства особую ценность представляет общее индоевропейское прошлое, позволяющее им рисовать головокружительные победоносные походы далеких предков и изображать их мужественными воинами и успешными завоевателями новых земель. В этом контексте возникает и образ древней империи, едва ли не древнейшего государства на планете. Но, если украинские авторы ограничиваются территорией Украины, то русские не свободны от мегаломании. В их представлении древнейшие славяно-русские государства охватывали значительные территории Евразии, а иной раз даже выходили далеко за ее пределы. В некоторых версиях русские вообще рисуются первонародом, создавшим культуру, письменность и цивилизацию для всего человечества [15].

В этом контексте обнаруживается тесная связь между арийской идеей и религией. Русские и украинские неоязычники полагают, что отказ от христианства и возвращение к «этнической религии», «религии предков», во-первых, поможет преодолению раскола нации на фракции, а во-вторых, вернет ей утраченные моральные ценности, способные вывести ее из постсоветского кризиса [16].

Большую ценность для сторонников этой идеологии представляет зороастризм, в котором они хотят видеть первую «настоящую» религию, созданную предками-арийцами и позднее давшую жизнь всем остальным мировым религиям. Тем самым иудаизм с его Торой, или Пятикнижием, оказывается жалким слепком с арийского зороастризма, и многие сторонники этой идеи обвиняют иудеев в «краже» священных знаний у арийских предков. Они идут и дальше, противопоставляя иудаизм с его мстительным и жестоким Богом исконной «арийской религии», знавшей якобы исключительно доброго и милосердного Бога. Для них из этого вытекает обвинение иудеев в искажении «арийского духовного наследия». Мало того, сам зороастризм изображается конечным итогом развития, начало которому было якобы положено некой «допотопной ведической религией», исконной верой примордиальных индоевропейцев, или «славяно-арийцев». Этой вере приписываются возвышенные моральные идеалы, с которыми связывается строгий социальный порядок, основанный на иерархии и корпоративном устройстве общественной жизни. Волхвы призывают к возвращению к этому порядку во имя общественного здоровья, которое якобы разъедается современной цивилизацией. В русле этого дискурса вновь становятся популярными лозунги «консервативной революции», привлекавшие немало европейских интеллектуалов в 1920-х гг.

Иной смысл арийская идея имеет в эзотерических учениях, непременной частью которых является весьма своеобразная версия антропогенеза, созданная Е.П.Блаватской и развитая ее последователями. Здесь арийцы представ-

ляются одной из «коренных рас», пришедшей на смену более ранним расам, которые были обречены на исчезновение в силу неких законов эволюции, связывающих каждую расу с особой отведенной ей эпохой. Для эзотериков наша эпоха представляется временем естественного господства арийской расы. К ней причисляется все современное человечество, за исключением тех групп, которые это учение объединяет с остатками прежних рас, уходящих в небытие. При этом «раса» определяется не столько соматическими особенностями, сколько духовностью, и каждая последующая «раса» хотя и состоит из ряда подгрупп, различающихся по физическим характеристикам, обладает более высокой духовностью, по сравнению с предшествующими «расами». Опираясь на понятие эволюции, эзотерики оказываются далекими от научного понимания эволюционных процессов и опираются на представление о неких космических силах или «Учителях», которые и создают очередную новую расу. Сами же люди беспомощны и неразумны, поэтому каждая «расовая эпоха» дает пример не прогресса, а упадка; ее окончание знаменуется глобальной катастрофой, и «Учителям» приходится вмешиваться и создавать новую расу, которая, правда, оказывается более совершенной, чем предшествующая. В этом якобы и состоит процесс «эволюции» [17].

Примечательно, что «арийский миф» привлекает и некоторых русских радикалов, не желающих порвать с православием. В такой среде определенной популярностью пользуется идея «арийского христианства», которую в 1920–1930-х гг. пытались воплотить в жизнь некоторые немцы-протестанты, стремившиеся очистить христианство от «семитского наследия» [18].

В свою очередь, индусские фундаменталисты отождествляют арийцев с индуизмом как «естественной» для них религией. Здесь религия жестко связана с национальной идеей и даже в некоторых контекстах обретает расовые параметры. Впрочем, в идеологии индусского национализма эти параметры остаются размытыми — они постоянно обсуждаются и пересматриваются в зависимости от контекста дискурса.

Арийский миф и расовая теория

Благодаря развитию физической антропологии и в последние десятилетия — генетики, понятие «раса» оказалось тесно связанным с биологией, и это дает о себе знать даже там, где наблюдаются попытки определять его через «духовность» и религию. Этому способствует сомнительная идея о неразрывной и жесткой связи духовного начала с физическим. Хотя никому так и не удалось доказать наличие такой связи, что и выводит эту идею за рамки современной науки, она служит одним из важнейших компонентов расовой теории, до сих пор культивирующейся расистами. Эта идея время от времени эксплицитно или имплицитно всплывает в некоторых религиозных дискурсах, прежде всего в рамках эзотерики и современного индусского фундаментализма. В результате ставится вопрос о кардинально различных менталитетах, якобы имманентно присущих разным народам или конфессиональным группам и не позволяющих им уживаться вместе. Некоторые эзотерики даже прямо связывают «менталитет» с определенными физическими особенностями.

В еще большей степени это свойственно многим современным язычникам, для которых за понятием «этнической религии» скрываются группы, различающиеся по крови. В этих дискурсах кровь и почва прочно сливаются в нерасчленимое целое. Поэтому неоязычники склонны к расиализации окружающей социальной среды, и их нарративы перенасыщены положениями, отсылающими к «расе». Для многих современных как русских, так и украинских язычников «раса» представляется фундаментальным понятием, тесно связанным с культурой и историей, причем стержнем последней нередко объявляется «расовая борьба». При этом «арийцы» отождествляются с «белой расой» или же изображаются ее лучшей частью либо авангардом. Им приписывается миссия спасения современного человечества от природной катастрофы или же спасения «белой расы» от «наплыва мигрантов».

Такой дискурс, разумеется, не может обойтись без образа врага, якобы сознательно приводящего в действие всевозможные механизмы, которые вызывают негативные процессы в современном мире. В русле шовинистических взглядов таким традиционным врагом «арийцев» вот уже более ста лет рисуются «семиты». Сегодня эта идея так или иначе присутствует во всех текстах, созданных русскими радикалами. Примечательно, что, подхватывая расовую теорию, такие авторы видят в «семитах» не какого-то случайного противника, ставшего врагом в силу сложившихся в данный момент обстоятельств, а вечного неизбежного недруга, который из века в век противостоит «арийцам», строит им козни и пытается либо установить над ними господство, либо вовсе их уничтожить.

За всем этим стоит расовый антисемитизм, возникший в Европе во второй половине XIX в. и ставший основой нацистской идеологии и практики. В этом контексте происходят демонизация и дегуманизация евреев. Они нередко изображаются не какой-либо «иной расой», а «биороботами», якобы созданными то ли египетскими жрецами, то ли космическими пришельцами с определенной политической целью. Мало того, авторы таких произведений склонны обращаться к сюжетам древней истории и даже к палеолиту и процессу антропогенеза, чтобы доказать «вредоносность» евреев, которые тем самым превращаются для «арийцев» в вековечных заклятых врагов, наделенных якобы «генетическими» ущербными чертами характера. В частности, древнее население Палестины объявляется либо «славянами-арийцами», либо их близкими родственниками. А завоевание этого региона древними евреями трактуется как начало длительной экспансии, ставящей своей целью покорение славян и установление мирового господства.

Многие особенности такой версии истории заимствуются из известных антисемитских памфлетов столетней давности, которые всемерно использовались и нацистами [19]. Сегодня эти идеи активно обсуждаются не только в политических трактатах, но и в массовой литературе, написанной в жанре фэнтези [20]. В этом участвуют как признанные писатели, так и самодельные авторы, а также радикальные политики и даже языческие волхвы. Такая литература с готовностью выкладывается в Интернете и привлекает внимание радикально настроенной молодежи. Следователи неоднократно обнаруживали подобные сочинения в квартирах скинхедов, подозреваемых в нападениях на людей.

Однако если в Европе образ врага долгое время ассоциировался с «семитами», то в других контекстах такой враг с легкостью получает иное лицо. Так, для армян и таджиков злая сила, выступающая против «арийцев», отождествляется с тюрками, а для индусских фундаменталистов — с мусульманами. Определенные изменения происходят и в представлениях русских радикалов. Объявляя себя «арийцами», скинхеды готовы сегодня сражаться за «спасение белой расы», что в российских условиях выливается в нападения на «мигрантов» или даже на «нерусских» в целом [21]. Как это ни парадоксально, их жертвами становятся и таджики, считающие себя «арийцами». А в Индии «арийский миф» создает идеологию для погромов, направленных против мусульман.

Наконец, в этой обстановке мы встречаемся и с другим парадоксальным явлением, когда, стремясь вывести себя из-под удара, потенциальные жертвы скинхедов отождествляют себя с «арийцами» в надежде на то, что это поможет им установить добрососедские отношения с местным населением. В этом контексте не только некоторые таджикские интеллектуалы, живущие в России, подчеркивают общее «арийское наследие» у себя и у русских, но даже корейский интеллектуал находит нужным наградить корейцев «арийскими предками». Аналогичная тенденция наблюдается в среде российских тюрков и даже монголоязычных народов, где делаются попытки идею «евразийской общности» обеспечить «арийской основой». А в Германии, чтобы избежать исламофобии, некоторые иранские иммигранты объявляют себя «зороастрийцами», что снова апеллирует к «арийству». Сегодня в поисках основы для этого отдельные авторы обращаются к генетическим данным, обнаруживая некоторые генетические маркеры, общие для «арийцев» и для тех народов, которые до недавнего времени никогда не включались в индоевропейскую группу.

* * *

Сегодня «арийский миф» напрямую связан с идентичностью, предлагая людям образ престижных предков, причем нередко конструирующийся по расовым канонам и отсылающий к «белой расе». В таком контексте идентичность рисуется в расовых тонах и открывает простор для расистского дискурса с его представлением о «высших» и «низших» расах, иерархии народов и «несовместимости менталитетов». Но если в период колониализма образы, создававшиеся «арийским мифом», отличались однозначностью, то сегодня, в эпоху нового расцвета этнонационализма, они необычайно многообразны и находятся в прямой зависимости от идентичности своих творцов и интерпретаторов. Это обрекает «арийскую идею» на столь же бесконечные, как и бесплодные споры о том, кому именно должно принадлежать «арийское наследие», играющее роль символического капитала, призванного усилить позиции каждой из сторон.

Ситуация усугубляется тем, что в ряде контекстов «арийская идентичность» приобретает либо этнорелигиозный облик (в среде язычников), либо просто религиозный, оторванный от этничности (у эзотериков). Поэтому и современная борьба, обусловленная «арийской идентичностью», имеет совершенно разные цели, далеко не всегда напрямую связанные с агрессивным расизмом: иногда это — территориальный и политический суверенитет, иног-

да — защита от дискриминации и ксенофобии, а иногда — монополия на духовные ценности. В любом случае арийский миф наделяет людей привлекательными предками, снабжает наполненной глубокого смысла символикой, помогает продвижению некоторых политических идей и питает ряд новых религиозных движений. В то же время он помогает создавать образ врага и в этом качестве служит социальной мобилизации, основанной на ксенофобских представлениях и стереотипах.

Литература

1. Poliakov L. The Aryan Myth. London: Basic Books, 1974; Поляков Л. Арийский миф. Исследование истоков расизма. СПб.: Евразия, 1996; Гудрик-Кларк Н. Окультизм корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. СПб.: АО Евразия, 1995; Olender M. The language of Paradise: race, religion, and philology in the Nineteenth Century. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992.
2. Chandler A. R. Rosenberg's Nazi myth. New York: Greenwood Press, 1968; Cecil R. The myth of the Master Race: Alfred Rosenberg and Nazi ideology. London: V.T.Batsford, 1972.
3. См., напр.: Шнирельман В.А. Второе пришествие арийского мифа // Восток. 1998. № 1. С. 89–107; Его же. Возвращение арийства: научная фантастика и расизм // Неприкосновенный запас. 2008. № 6(62). С. 63–89.
4. Figueira D.M. Aryans, Jews, Brahmins: theorizing authority through myths of identity. Albany: State University of New York Press, 2002.
5. Goodrick-Clark N. Black sun. Aryan cults, esoteric Nazism and the politics of identity. N.Y.: New York University Press, 2002.
6. Gardell M. Gods of the blood: the pagan revival and White separatism. Durham. N. C.: Duke University Press, 2003.
7. Шнирельман В.А. Интеллектуальные лабиринты. Очерки идеологий в современной России. М.: Academia, 2004. С. 190–194, 207–211; Его же. Страсти по Аркаиму: арийская идея и национализм // Язык и этнический конфликт / М.Б.Олкотт, И.Семенов (ред.). М.: Гендальф, 2001. С. 58–85; Его же. Археолог в эпоху перемен: казус Аркаима // Г.А.Комарова (ред.). Антропология академической жизни. Т. 2. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 134–159; Его же. Аркаим: археология, эзотерический туризм и национальная идея // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 133–167; Его же. Гиперборея — между политикой, эзотерикой и искусством // Культурологические записки. 2011 (в печати); Shnirelman V.A. Russian response: archaeology, Russian nationalism and Arctic homeland // Philip L. Kohl, Mara Kozelsky, and Nachman Ben-Yehuda (eds.). Selective remembrance: archaeology in the construction, commemoration, and consecration of national pasts. Chicago: Chicago University Press, 2007. P. 31–70.
8. Об осетинском случае см.: Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛО, 2006.
9. Шнирельман В.А. Президенты и археология, или Что ищут политики в древности // Ab Imperio. 2009. № 1. С. 279–323; Его же. Символическое прошлое (Борьба за предков в Центральной Азии) // Неприкосновенный запас. 2009. № 4 (66). С. 70–86.

10. Шнирельман В.А. Арийцы или тюрки? Борьба за предков в Центральной Азии // Политическая концептология. 2009. № 4. С. 192–212 <<http://politconcept.sfedu.ru/2009.4/14.pdf>>; Shnirelman V.A. Aryans or proto-Turks? Contested ancestors in contemporary Central Asia // Nationalities Papers. 2009. Vol. 37. № 5. P. 557–587.

11. Шнирельман В.А. Идентичность и политика постсоветской памяти // Политическая концептология. 2009. № 2. С. 209–230 <<http://politconcept.sfedu.ru/2009.2/10.pdf>>.

12. Шнирельман В.А. Интеллектуальные лабиринты. Очерки идеологий в современной России. М.: Academia, 2004. С. 212–214, 219–224.

13. Об украинском примере см.: Шнирельман В.А. «Внуки Дажьбога»: идейные и историографические основы украинского неоязычества // Украина и Белоруссия: история и культура. Ежегодник 2005/2006 / Б.Н.Флоря (ред.). М.: Индрик, 2008. С. 210–252.

14. Шнирельман В.А. Неоязычество и национализм. Восточноевропейский ареал. М.: ИЭА, 1998.

15. О показательном примере см.: Шнирельман В.А. Неистовый Кандыба: «Русский Ведизм», ксенофобия и антисемитизм // Социология. Психология. Краеведение. Образование. Материалы VI Ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике / Р.М.Капланов (ред.) и др. Ч. 4. М.: Центр «Сэфер», 1999. С. 155–170.

16. Шнирельман В.А. Перун, Сварог и другие: русское неоязычество в поисках себя // Неоязычество на просторах Евразии / В.А.Шнирельман (ред.). М.: Библиейско-Богословский Институт, 2001. С. 10–38; Его же. От «советского народа» к «органической общности»: образ мира русских и украинских неоязычников // Славяноведение. 2005. № 6. С. 3–26.

17. Шнирельман В.А. Эзотерика и расизм // Вестник Омского университета. 2010. № 3. С. 10–14.

18. Pöewe K.O. New religions and the Nazis. New York: Routledge, 2006.

19. Об этом см.: Шнирельман В.А. Лица ненависти (антисемиты и расисты на марше). 2-е изд., испр. и доп. М.: Московское бюро по правам человека; Academia, 2010.

20. Шнирельман В.А. Научная фантастика и антисемитизм // Евроазиатский еврейский ежегодник — 5770 (2009/2010) / М.Членов (ред.). Троицк: Тровант, 2010. С. 124–132. <<http://eajc.org/page18/news20651.html>>.

21. Шнирельман В.А. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. 2-е изд., испр. и доп. М.: Academia, 2010.

*М.Я.Ершова**

Методика анализа институционально-налоговых альтернатив малого бизнеса и оценка налоговых новаций

Представлены авторская методика и ее применение при оценке последствий налоговых новаций 2011 г. для малого бизнеса. Дано количественное обоснование коррекции новаций. Показана макроэкономическая значимость методики и ее возможности в сфере государственного регулирования институциональной среды малого предпринимательства как модернизирующего фактора его развития.

Изменения в налоговом законодательстве, связанные с ростом налогового бремени, болезненно отражаются на бизнесе, особенно малом. Практика развитых экономик — предоставление малым предприятиям альтернативных вариантов обложения налогами. Согласно авторскому подходу, возможность выбора субъектом малого предпринимательства организационно-правовой формы бизнеса и соответствующего ей режима налогообложения представляет собой институционально-налоговую альтернативу (ИНА). Теоретическая основа подхода — новая институциональная экономическая теория [1], развиваемая применительно к российским проблемам многими авторами, в том числе В.Л.Тамбовцевым, А.Е.Шаститко, А.Н.Олейником [2–5]. Техника расчетов и анализа базируется на категориях и приемах финансового менеджмента.

Актуальность методики. История развития ИНА в России начинается с 1996 г. и демонстрирует отсутствие научного подхода к их формированию, определению ставок и баз обложения, а также условий применения. Можно насчитать не менее сотни изменений, внесенных в правила их применения. Безусловно, есть тенденция к совершенствованию, но почему оно достигается методом проб и ошибок, а не посредством институционально-налогового проектирования? Не исключены и новые ошибки, а это — самоликвидация бизнеса или его банкротство, снижение предпринимательской активности и сломанные судьбы. Более чувствительны к ошибкам законодателей микропредприятия.

Целью методики не является доказывание снижения налоговой нагрузки, имеющейся в настоящее время. Более того, результаты ее применения обосновывают порочность практики расширения круга субъектов специальных режимов налогообложения, первоначально предназначенных для микробизнеса в целях поддержки его конкурентоспособности и конкуренции вообще [6, с. 111–112]. Так, например, предельная величина выручки, позволяющая применять упрощенную систему налогообложения, с 2003 по 2009 г., увеличилась в 4 раза — с 15 до 60 млн руб., что не имеет экономического

* Ершова Мария Яковлевна — кандидат экономических наук, заместитель директора Института переподготовки и повышения квалификации Новосибирского государственного университета, руководитель проекта «Институционально-налоговая среда малого бизнеса как фактор его развития» (08-02-00374а).

обоснования. Повышен предел численности занятых до 100 вместо 15 человек. Расширен также круг субъектов ЕНВД, что позволило более крупному бизнесу иметь необоснованно низкую налоговую нагрузку.

Последствия нетрудно было предвидеть [6, с. 109]. Снижение поступлений в пенсионный и иные фонды, обусловленное непрерывным расширением круга субъектов специальных налоговых режимов, рано или поздно должно было привести к повышению ставок взносов на социальное обеспечение. Однако их резкое повышение с 2011 г. представляет собой очередной перекос, который губительно отразится на малом и тем более микробизнесе.

Для количественного обоснования данного вывода предлагается подход, заключающийся в сборе и обработке по «методике анализа ИНА» всей информации, необходимой для институционально-налогового проектирования. Затем вместо каких-либо действующих элементов налогообложения вводятся новые (проектируемые) при неизменности остальных параметров. Полученные изменения в критериях налогового бремени характеризуют последствия налогового проектирования для его субъектов. При негативных последствиях следует менять проектируемые переменные до тех пор, пока не будет достигнут приемлемый для налогоплательщика и общества результат.

Содержание методики. Выделим следующие последовательные этапы реализации методики. Вводимые сокращения необходимы для отражения результатов в итоговой таблице.

1. Исследуются шесть групп фирм (предприятий): три группы — юридические лица (ЮЛ) и три — индивидуальные предприниматели (ИП). Их параметры: не более 15 работников, выручка от 10 до 100 тыс. руб. в месяц. Группы формировались по структуре затрат: *материалоемкие* — с долей материальных затрат в выручке от 0,4 до 0,6; *трудоемкие* — доля затрат на труд в выручке от 0,5 до 0,8; *паритетные* — с долей материальных и трудовых затрат по каждой позиции от 0,3 до 0,5. Деление было необходимо для исследования влияния ИНА на микробизнес с разной структурой затрат и характера воздействия на них налоговых изменений. В каждую группу входили 10–12 субъектов, которые обследовались на предмет величины выручки, переменных и постоянных затрат, выплачиваемых налогов, численности занятых и других данных.

2. Переменные затраты усреднялись как средневзвешенные по выручке. В результате в материалоемких фирмах средняя доля затрат на сырье и материалы в выручке составила 0,49, а затрат труда — 0,27; трудоемких — 0,05 и 0,7 и паритетных — 0,27 и 0,35 соответственно. Аналогично усреднялись постоянные затраты. При этом исследовался вопрос о точке «скачка», т.е. таком объеме выручки, который потребовал бы повысить постоянные затраты. За пределы таких точек выходить нельзя, поскольку предполагается неизменность постоянных затрат, позволяющая выявить влияние роста постоянных налогов на налоговую нагрузку. Специфика микробизнеса — практическое отсутствие заработной платы в постоянных затратах.

3. Проверяется совместимость всех ИНА с условиями хозяйствования каждой модельной фирмы. Для этого применяются математические формулы, наполняемые соответствующей информацией. Имеется экономико-математическое доказательство их адекватности. Проверка предполагает деление

ИНА на переменные налоги, величина которых функционально зависит от выручки, и постоянные — не зависящие от величины выручки.

4. На основе усредненных затрат формируются модели предприятия (фирмы) трех типов: материалоемкая, трудоемкая, паритетная. В итоговой таблице они обозначаются соответственно «м», «т», «п». Формировать их отдельно для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей не было смысла, так как их удельные затраты были примерно одинаковы. Таким образом, модельное предприятие каждого типа образовано по результатам обследования 20–24 субъектов хозяйствования. Модель фирмы представляет собой отчет о финансовых результатах с разделением переменных и постоянных затрат.

Важным элементом методики является расположение в Excel-таблицах выручки фирмы по мере ее роста, например, с 25 000 руб. в месяц в первом варианте и до 72 327 в двенадцатом, а в промежуточных — объемы выручки, задаваемые каким-либо темпом роста. Почему выбран такой интервал выручки?

Во-первых, в него «попадала» месячная выручка обследуемых субъектов. Большой объем выручки не может иметь место из-за вида деятельности и ограниченности ресурсов — численность занятых в модельных фирмах составляет пять человек.

Во-вторых, расположение выручки по мере ее роста не только не искажает результатов исследования, но и позволяет получить выводы о тяжести налогового бремени в зависимости от величины выручки, т.е. обосновать занижение налоговой нагрузки для более крупного бизнеса, по сравнению с микробизнесом. Темп роста выручки составлял в исследовании 10% от выручки предыдущего варианта, поскольку более низкий темп требовал увеличения числа вариантов в два-три раза, чтобы получить какие-либо значимые результаты — достижение точки безубыточности или требуемой для развития бизнеса рентабельности.

В-третьих, по мере необходимости 12 вариантов можно представить как 12 месяцев или иных периодов, но при условии непрерывного роста объема выручки. В этом случае указанный 10-процентный рост вполне состыкуется с задачами исследования: если даже при отличной экономической конъюнктуре наблюдается низкий уровень рентабельности, то ее причину следует искать либо в налогах, либо в условиях хозяйствования.

5. Следующий шаг — «погружение» каждой из трех модельных фирм в девять ИНА: ОСНО — общая система налогообложения; УСНО(Д) — упрощенная система налогообложения, объектом обложения которой являются доходы; УСНО(ДР) — упрощенная система налогообложения, объектом обложения которой являются доходы за вычетом расходов; ЕНВД — единый налог на вмененный доход; указанные выше ИНА формируются для ЮП и ИП, так как их налогообложение различается; УСНО(П) — упрощенная система налогообложения с патентом для ИП; в ОСНО отсутствует НДС — небольшой объем годовой выручки микрофирм освобождает их от данного налога.

Модельная фирма, погруженная в ИНА, представляет собой комбинацию следующих показателей, располагаемых в Excel-таблицах вертикально

по каждому варианту: выручки, соответствующих ей со знаком минус переменных затрат, переменных налогов, включая отчисления (страховые взносы) на заработную плату в социальные фонды, постоянных затрат и постоянных налогов, налогов на доходы, а также итоговых показателей — налоговой нагрузки в двух формах, точки безубыточности, показателей фактической рентабельности. Все налоги соответствуют той ИНА, в которую погружается модельная фирма.

6. Важный методический прием — сведение более трех тысяч расчетных показателей по 27 таблицам в итоговую таблицу, удобную для анализа результатов расчетов.

В зависимости от целей анализа итоговые таблицы будут разными. По вертикали можно расположить семь ИНА и по каждой из них — три модельные фирмы, что наглядно для анализа взаимосвязи структуры затрат и ИНА. Если сделать наоборот — сначала три модельные фирмы, а затем по каждой из них разместить семь ИНА, то тогда удобно проводить сравнительный анализ ИНА в рамках одной структуры затрат.

Показатели налоговой нагрузки и рентабельности следует сконцентрировать в форме интервала, где нижнее значение получается при минимальной, а верхнее — при максимальной выручке.

7. Выбор критерия для сравнения ИНА или количественной оценки налогового бремени является центральным в представляемой методике.

На первый взгляд в качестве такого критерия удобно использовать долю всех налогов в выручке, назовем его налоговой нагрузкой «по выручке». Экономический смысл критерия — доля государства в выручке, получаемой субъектом хозяйствования; для потребителя — это доля государства в цене, оплачиваемой им производителю. Математический анализ налоговой нагрузки «по выручке» доказывает его ограниченность, если в ИНА имеется налог на прибыль (на доходы за минусом расходов). В этом случае те субъекты, у которых более низкие материальные и им подобные затраты, будут иметь более высокую налоговую нагрузку. Следовательно, сравнение по данному критерию налогового бремени фирм с разной структурой затрат недопустимо по таким ИНА, как ОСНО и УСНО (ДР). Вывод актуален при сравнении регионально-муниципальных компонент ИНА разных муниципальных образований, отличающихся арендной платой за муниципальную недвижимость, ЕНВД и земельным налогом. При решении других задач данный критерий вполне пригоден. Более того, критерий незаменим при анализе влияния постоянных налогов на предпринимательство, поскольку их отражение в числителе показателя функционально не связано со значением выручки в знаменателе. Расчеты на эмпирическом материале полностью подтверждают данный вывод.

Компенсировать недостатки предыдущего критерия можно с помощью другого — налоговой нагрузки «по добавленной стоимости», включающей заработную плату, прибыль и налоги. Но такая компенсация незначительна и возможна только при определенной структуре затрат.

В исследуемых условиях более адекватным представляется критерий налоговой нагрузки «по заработной плате и прибыли». Рассчитывается критерий как отношение всех налогов к сумме заработной платы и чистой

прибыли. Экономический смысл очевиден: показатель характеризует деление добавленной стоимости на долю государства и долю самого субъекта хозяйствования и работников. Его выражение в процентах трактуется следующим образом: сколько рублей идет государству на каждые сто рублей, остающихся работникам и хозяину фирмы.

Результаты адекватности всех трех критериев зависят от задач исследования, ставки налога на прибыль и доли прибыли в добавленной стоимости, что следует учитывать, применяя методику. Если рентабельность микробизнеса в ситуации роста налоговых ставок станет отрицательной по ОСНО и УСНО(ДР), то применять рассмотренные выше критерии налоговой нагрузки для анализа взаимосвязи структуры затрат и роста налогового бремени не представляется возможным из-за их искажений отрицательной прибылью. Проблема была обнаружена по результатам расчетов и затем обоснована математически. В изложенной ситуации целесообразен новый критерий роста налогового бремени — рост точки безубыточности, показывающий, во сколько раз субъект должен повысить минимальный объем производства, чтобы не быть убыточным при повышении налогов. Критерий необходим в институционально-налоговом проектировании для оценки последствий изменения налоговых ставок.

Таким образом, методика предполагает использование разных критериев налоговой нагрузки и ее динамики. В анализе каждой конкретной ситуации требуется обоснование выбора того или иного критерия.

Оценка последствий налоговых новаций 2011 г. Результаты применения методики к проектируемым изменениям налоговой среды подтверждаются многочисленными прогнозами практиков о непосильном росте налогового бремени. Расчеты показали особую актуальность проблемы для микробизнеса. Информационные изменения состояли в следующем: в ИНА 2011 г., по сравнению с 2009 г., увеличены ставки страховых взносов в социальные фонды с 26 до 34% по ОСНО и с 14 до 34% — по УСНО и ЕНВД. Новации сильно повлияли на снижение коэффициента валовой маржи, что означает резкое сокращение источника покрытия постоянных издержек и прибыли. Кроме того, для ИП фиксированный платеж в Пенсионный фонд вырос с 7272 до 12 003 руб. в год (уровень 2010 г.), т.е. увеличились постоянные издержки, что усугубило положение индивидуального бизнеса. Результаты демонстрируют не только снижение рентабельности, но и ее существенно отрицательное значение для большинства ИНА (табл.). Положительную рентабельность сохраняет лишь паритетный бизнес.

Как и предполагалось, в наибольшей степени, согласно расчетам, пострадает трудоемкий бизнес, удельный вес которого среди микрофирм более высокий, чем в среде малого и среднего предпринимательства. Рост ставок страховых взносов ведет к отрицательной рентабельности трудоемких фирм при любом режиме налогообложения.

Налоговая нагрузка таких фирм, на первый взгляд, выросла в меньшей степени, по сравнению с материалоемким бизнесом, что противоречит экономической логике и, якобы, ставит под сомнение полученные результаты и методику. Тем не менее, как было показано выше, при отрицательной рентабельности использовать критерии налоговой нагрузки для сравнения изме-

Таблица

Налоговая нагрузка и рентабельность микропредприятий в 2011 г.*

ИНА	Тип	Критерии оценки налогового бремени							Рентабельность, %	
		Налоговая нагрузка, %			Точка безубыточ- ности, руб.	Рост к 2009 г.	2009 г.	2011 г.		
		рост к 2009 г.	по вырубке	рост к 2009 г.						
ЮЛ, ОСНО	м	124,7–36,0	1,5–1,2	11,4–10,7	1,2	55 194 (10)	1,1	-15,7–4,4	-17,8–2,7	
	т	37,2–35,1	1,4–1,3	24,3–24,2	1,3–1,2	163 176 (21)	7,6	0,7–3,4	-4,7–-1,1	
	п	47,4–35,4	1,2–1,19	19,1–17,9	1,1	18 638 (1)	1,1	7,5–17,6	5,3–15,4	
ИП, ОСНО	м	179,7–37,4	2,1	13,2–11,0	1,4–1,2	58 242 (10)	1,2	-15,9–4,2	-19,6–2,4	
	т	45,8–37,8	1,5	28,2–25,6	1,3–1,27	276 471 (27)	9,1	-1,4–2,9	-8,6–-2,4	
	п	46,5–32,1	1,3	18,9–16,6	1,2–1,1	15 026 (1)	1,1	8,4–17,6	5,6–16,7	
ЮЛ, УСНО(Л)	м	146,2–43,5	2,9	12,2	1,8	64 593 (11)	1,5	-13,2–6,5	-18,6–-1,1	
	т	43,5–41,2	2,6	27,2	2,0	<0	-	6,5–9,9	-7,6–-4,0	
	п	38,1–29,3	2,0	16,4–15,5	1,7–1,8	16 289 (1)	1,3	15,0–24,8	8,0–17,8	
ИП, УСНО(Л)	м	371,8–51,0	4,5–2,2	16,2–13,6	1,7	73 092 (13)	1,5	-15,7–5,7	-22,6–-0,3	
	т	53,3–44,2	2,5–2,4	31,2–28,6	2,0	<0	-	4,0–9,1	-11,6–-5,4	
	п	52,2–32,8	2,0	20,4–16,9	1,6	20 631 (1)	1,4	12,6–23,9	4,0–16,4	

* Рассчитано автором совместно с А.В.Кобковой.

Окончание табл.

ИНА	Тип	Критерии оценки налогового бремени							Рентабельность, %	
		Налоговая нагрузка, %			Точка безубыточ- ности, руб.	Рост к 2009 г.	2009 г.	2011 г.		
		по зарплате и прибыли	рост к 2009 г. по вырубке	рост к 2009 г.						
ЮЛ, УСНО(ДР)	М	98,7–34,0	3,2–2,2	10,2	2,5–1,9	51 470 (9)	1,3	-11,2–8,1	-16,6–3,1	
	Т	39,0–37,0	2,6–2,5	25,2	2,1	158 824 (21)	17,4	8,0–11,0	-5,6–2,0	
	П	33,9–29,6	2,2–1,8	15,0–15,6	1,6	14 411 (1)	1,3	15,3–23,6	9,4–17,7	
ИП, УСНО(ДР)	М	223,6–40,0	9,7–2,6	14,2–11,6	2,9–2,2	58 242 (10)	1,5	-11,2–8,0	-20,6–1,7	
	Т	48,2–39,9	2,7–2,5	29,2–26,6	2,1	27 6471 (27)	20,9	6,0–10,3	-9,6–3,4	
	П	45,0–32,6	1,9	18,4–16,8	1,7	18 253 (1)	1,4	13,3–23,6	6,0–16,5	
ЮЛ, ЕНВД	М	251,8–38,3	2,1–2,3	14,7–11,2	1,3–1,9	60 799 (11)	1,4	-17,5–7,6	-21,1–2,2	
	Т	70,6–44,5	1,7–2,4	37,1–28,7	1,5–1,9	538 676 (34)	17,4	-6,6–8,4	-17,5–5,6	
	П	85,1–33,2	1,0–1,9	27,3–17,0	1,1–1,9	26 915 (2)	1	-2,9–23,2	-2,9–16,2	
ИП, ЕНВД	М	1010,1–45,2	7,5–2,3	18,7–12,6	1,6–1,9	67 571 (12)	1,5	-18,2–6,7	-25,1–0,8	
	Т	84,6–47,7	2,0–2,4	41,0–30,0	1,5–1,9	656 324 (36)	18,8	-6,6–7,6	-21,5–7,0	
	П	127,4–41,7	1,2–1,8	37,1–20,8	1,1–1,5	29 552 (3)	1	-2,9–22,4	-5,9–14,8	
ИП, УСНО(П)	М	447,0–41,8	4,8–2,4	16,8–11,9	1,7–2,1	64 337 (11)	1,4	-16,3–7,4	-23,2–1,5	
	Т	51,3–39,5	1,2–2,7	30,4–26,3	2,0–2,7	342 647 (29)	20,2	4,8–11,3	-10,8–3,2	
	П	49,3–27,4	2,1–2,4	19,6–14,7	1,7–2,0	20 414 (1)	1,4	13,4–26,1	4,8–18,6	

нения тяжести налогового бремени между фирмами с разной структурой затрат нецелесообразно. Требуется другой критерий — рост точки безубыточности. Так, по трудоемкому бизнесу, применяющему ОСНО, ее рост составил 7,6 и 9,1 для ЮЛ и ИП соответственно, в то время как по фирмам с другой структурой затрат — 1,1 раза. Экономический смысл критерия означает, что трудоемкие фирмы должны повысить объем месячной выручки более чем в 7 раз, чтобы остаться безубыточными при новых налогах.

В режиме УСНО(Д) трудоемкий бизнес вообще не в состоянии получить безубыточность, так как в новых налоговых условиях его валовая маржа всегда будет отрицательна, что доказывается и расчетами, и математическим анализом. Отрицательный коэффициент валовой маржи означает, что при росте ставок страховых взносов в 2,4 раза ИНА в форме УСНО(Д) несовместима с условиями хозяйствования. Ситуация может измениться, если снизить долю труда в выручке, что, во-первых, нереально; а во-вторых, это уже будет не трудоемкий бизнес.

Переменная часть таких институционально-налоговых альтернатив, как УСНО(ДР), ЕНВД, УСНО(П), после роста ставок страховых взносов остается совместимой с условиями хозяйствования трудоемких фирм, но незначительная величина положительной валовой маржи недостаточна для покрытия постоянных затрат, поэтому наблюдается убыток. Безубыточности можно достичь, но при росте выручке более чем в 17 раз, что и характеризует рост налогового бремени. Может ли микрофирма за один год увеличить в такой степени объем продаж? Для этого нет внутренних резервов и роста потребительского спроса, который на услуги микробизнеса более эластичен как по цене на них, так и по доходам потребителей. По данным таблицы очевидно, что налоговые новации повлекут снижение рентабельности микрофирм не только с трудоемкой, но и с материалоемкой и паритетной структурами затрат.

Заключение. Результаты исследования подтверждают необходимость сохранения ставок страховых взносов на уровне 2010 г. (14%) для микробизнеса, но при этом важно ужесточить условия: юридические лица должны быть созданы только физическими лицами, не учреждавшими ни вместе, ни по отдельности других юридических лиц. Такое ограничение не позволит более крупному, чем микро-, бизнесу «клонироваться» ради налоговой выгоды, как это имеет место в настоящее время. Численность занятых не должна превышать 15, а у ИП — не более 5 человек. Максимальный объем годовой выручки — не более 15 млн руб. вместо 60. На бюджеты социальных фондов такой подход практически не повлияет, но будет сохранен источник роста предпринимательского фактора, самозанятости населения, инновационного подхода в бизнесе, поскольку инновации связаны с человеком, которому важно применить их прежде всего в своем бизнесе.

В настоящей статье изложены итоги использования методики на современных и проектируемых данных в оценке последствий налоговых новаций. Применение методики на информации 2000—2007 гг. позволило теоретически обобщить накопленный опыт формирования ИНА; выявить тенденции в их развитии, положительные черты и недостатки; обосновать подходы и принципы налогообложения малого бизнеса и отразить их в проектировании

ИНА; а также совершенствовать информационные, процедурные и технические составляющие методики [2].

Макроэкономическая значимость методики заключается в ее широких возможностях в сфере государственного регулирования малого предпринимательства: институционально-налогового проектирования и формирования альтернативных вариантов налогообложения, их сравнительного анализа, исследования влияния структуры затрат на налоговое бремя, определения роли регионально-муниципальной компоненты в налоговой нагрузке и др.

Литература

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. Гл. 1–6. С. 17–72.
2. Тамбовцев В.Л. Основы институционального проектирования: Учебное пособие. М.: Инфра-М, 2008.
3. Тамбовцев В.Л. Возникновение институтов: методолого-индивидуалистический подход // Вопросы экономики. 2010. № 11. С. 83–96.
4. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория / 4-е изд. перераб. и доп. М.: ТЕИС, 2010.
5. Олейник А.Н. Минимизация упущенных выгод: моделирование взаимоотношений государства и бизнеса в России // Вопросы экономики. 2009. № 7. С. 42–58.
6. Ершова М.Я., Кобкова А.В., Ершов С.Ю. Институционально-налоговая среда малого бизнеса в России: история и перспективы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2008. Т. 8. Вып. 4. С. 101–119.

*О.Дж.Говтвань,
А.К.Мансуров**

Макроэкономический анализ системного риска в финансовой сфере

В статье рассматривается понятие системного риска, анализируются ключевые макроэкономические факторы, способствующие накоплению и распространению системного риска в финансовой системе, оценивается эффективность различных возможных направлений государственного воздействия на структуру и уровень финансовых рисков в системе.

Нынешний финансовый кризис выявил серьезные недостатки в системе регулирования и надзора за финансовыми учреждениями. Традиционная система пруденциального надзора основывается на анализе рисков отдельных участников рыночных отношений и соответственно на формировании условий, предотвращающих банкротство отдельных банков. Подобные методы регулирования позволяют обеспечить минимизацию (нейтрализацию) рисков каждого отдельного рыночного агента, но могут приводить к аккумуляции риска на макроэкономическом уровне. Это связано с тем, что действия, оправданные с точки зрения отдельного банка, могут являться нерациональными на уровне рынка в целом. Примерами подобного феномена могут служить «набег» вкладчиков на банки, а также «стадное» поведение на рынке ценных бумаг.

В целом системный риск может быть определен как потенциальная опасность появления ситуаций, в которых индивидуально-рациональные ответы экономических агентов на появляющиеся риски приводят не к лучшему их разделению, диверсификации, а наоборот — к повышению общей ненадежности. Во многом такой подход опирается на исследования Мишеля Аглиетты [1–2].

Можно выделить две категории факторов, определяющих системные риски финансового сектора: конструктивные особенности финансовой системы, обеспечивающие распространение системного риска, а также экономические стимулы, определяющие поведение участников финансового рынка и способствующие накоплению системного риска [3].

Распространение системного риска

В основе распространения системного риска находится интегрированная природа сложного взаимодействия различных субъектов рыночных отношений (финансовых посредников, сектора домашних хозяйств и т.д.). Финан-

* Говтвань Олег Джонович — доктор экономических наук, заведующий лабораторией монетарных исследований Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, руководитель проекта «Макроэкономические проблемы управления финансовыми рисками в контексте разработки и реализации государственной денежно-кредитной политики» (11-02-00097а).

Мансуров Андрей Касимович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, исполнитель того же проекта.

совые и торговые взаимосвязи диктуются необходимостью диверсификации кредитных вложений, секьюритизации активов, развития новых прибыльных направлений деятельности. Однако, несмотря на новые возможности, открывающиеся вследствие усиления интеграционных тенденций, данные взаимосвязи формируют возможные каналы передачи системного риска и кризисных явлений.

В экономической литературе выделяют несколько моделей распространения системного риска. Рассмотрим некоторые, наиболее значимые из них.

Рынок межбанковского кредитования. Стабильный, высокотехнологический межбанковский рынок позволяет оперативно регулировать ликвидность банков, осуществлять трансформацию денежных потоков между важнейшими секторами финансового рынка и в конечном итоге повысить эффективность как банковской деятельности, так и экономики в целом. Однако при определенных обстоятельствах рынок межбанковского кредитования может являться также источником финансовой нестабильности, обуславливая усиление уязвимости банковской системы к воздействию эндогенных и экзогенных шоков.

Спекулятивная динамика на финансовых рынках (например, на валютном) может привести к тому, что банковские учреждения будут осуществлять перевод денежных средств с рынка межбанковского кредитования в прибыльные направления деятельности. Кроме того, некоторые банки, имея просчеты в собственной финансовой политике, могут поддерживать ликвидность за счет активной работы на межбанковском рынке, привлекая значительный объем денежных средств у большого количества банков. Результатом указанных событий будет являться «испарение» ликвидности на рынке межбанковского кредитования, что проявится в сокращении сроков кредитования и росте процентных ставок.

Агрессивное поведение некоторых групп банков на рынке межбанковского кредитования способно привести к «инфицированию» системным риском других банков, не вовлеченных в процесс спекулятивных операций. В условиях, когда на рынке межбанковского кредитования преимущественно осуществляются операции с «короткими деньгами», для начала крупномасштабного кризиса достаточно нарушения взятых обязательств со стороны хотя бы одного крупного оператора межбанковского рынка. Ликвидируя свои позиции на межбанковском рынке, институт, испытавший иницирующий шок, ставит прочих участников перед необходимостью срочно оплатить предъявленные им требования. В ситуации, когда другие банки также не в состоянии вовремя удовлетворить весь возникший спрос на ликвидные активы, кризис распространяется на значительный сегмент финансового сектора. Таким образом, банки, изначально не причастные к конкретному источнику риска, могут быть вовлечены в спираль кризиса.

Кроме того, дефицит ликвидности может спровоцировать продажу активов по заниженным ценам. Однако продажа активов по ценам ниже рыночных только приведет к ухудшению финансового положения банка (в связи с несоответствием активной и пассивной частей баланса банка). При этом экстренная продажа активов может спровоцировать процесс падения стоимости банковских активов. Формируется самоусиливающийся процесс, в резуль-

тате которого вероятны раскручивание спирали банкротств кредитно-финансовых учреждений, и в частности экономический кризис в целом.

Модель финансового акселератора. В чисто рыночной финансовой системе, основанной на эффективных рынках и отсутствии издержек заключения контрактов, справедлива теорема Модильяни-Миллера, согласно которой стоимость внешнего и внутреннего заимствования должна быть одинаковой. Однако в действительности предположения, заложенные в теорему Модильяни-Миллера, не выполняются. В частности, это обусловлено наличием информационных несовершенств рынка капитала. Финансовые посредники не в состоянии адекватно оценить текущее положение и перспективы компаний, привлекающих финансовые средства. В целях обеспечения снижения информационной асимметрии финансовые посредники вынуждены расходовать средства на получение дополнительной информации о компании, на разработку более сложных контрактов (например, с фиксацией в нем обязательств компании по расходованию денежных средств), на увеличение расходов по мониторингу соблюдения компанией условий сделок, а также на страхование сделок. В связи с этим формируются барьеры на пути эффективного функционирования рынка. Это приводит к тому, что внешнее финансирование становится более дорогим по сравнению с внутренним.

В модели финансового акселератора премия за внешнее финансирование, представляющая собой разницу между стоимостью внешнего и внутреннего финансирования, находится в обратной зависимости от чистой стоимости активов компании. Указанная взаимосвязь между премией за внешнее финансирование и стоимостью чистых активов компании формирует механизм распространения системного риска. Изменение стоимости чистых активов, обусловленное внешним (например, изменением ставки рефинансирования Центрального банка) либо внутренним (например, просчетами компании в собственной политике) событием, приводит к ухудшению условий кредитования компании. В свою очередь, это способствует сокращению масштаба производственной деятельности компании, замораживанию инвестиционных проектов, сокращению рабочей силы и т.д. Таким образом, формируется замкнутый контур многократно усиливающихся шоковых событий для компании, которые приводят к снижению ее финансовой устойчивости либо даже банкротству.

Кредитное рacionamento. Под кредитным рacionamento на финансовом рынке понимается ситуация, при которой спрос на кредитные ресурсы превышает предложение со стороны финансовых посредников. Модель рacionamento кредитных ресурсов представлена в уже ставшей канонической модели Дж.Стиглица и А.Уайса и основывается на анализе эффектов асимметрии информации между заемщиком и кредитором (неблагоприятный отбор и моральный риск) [4].

Неблагоприятный отбор характеризует механизм ошибочного выбора контрагента, который ведет к созданию отношений, подверженных риску. Проблема возникает из-за того, что наиболее активными в поисках финансирования являются заемщики, которые находятся в трудном финансовом положении и не в состоянии погасить полученный кредит. Моральный риск

существует в том случае, когда контрагент после заключения контракта *ex post* осуществляет действия, ставящие под сомнение успешное выполнение контракта.

Проблемы неблагоприятного отбора и морального риска приводят к тому, что величина ожидаемой доходности увеличивается по мере роста кредитной ставки только до определенного предела, а далее наблюдается падение ожидаемой доходности. В связи с этим банки устанавливают кредитную ставку, которая максимизирует прибыльность операций банков, но не позволяет сбалансировать спрос и предложение кредитных ресурсов.

Кредитное рacionamento может являться одним из каналов трансмиссии системного риска и кризисных явлений. Увеличение неопределенности, обусловленное, например, волатильной динамикой фондовых индексов, приводит к дезорганизации кредитора при выборе между заемщиками с разной степенью риска и соответственно к сокращению объема кредитов. В свою очередь, это провоцирует цепную реакцию снижения потенциальных возможностей заемщиков предоставлять кредитные ресурсы другим реципиентам и спад экономической активности.

Мотивы поведения участников рынка

Системный риск, определяющий функционирование и развитие системы макроуровня, во многом зависит от экономических мотивов, которыми руководствуются отдельные участники рынка. Можно сказать, что накопление системного риска в экономической системе определяется устремлениями субъектов экономики и, по существу, имеет психологическую природу, основанную на преобладающих рыночных настроениях на рынке.

В концептуальном плане можно выделить несколько наиболее значимых причин, объясняющих деструктивное поведение инвесторов, «расшатывающее» макроэкономическую систему [5, 6].

Информационная асимметрия. В трудах классиков информационной парадигмы показано, что информационная асимметрия имеет место на любом рынке. Индивидуумы могут неправильно воспринимать рыночные сигналы либо сознательно искажать (частично раскрывать, скрывать) информацию. Вместе с тем степень информационной асимметрии в значительной мере определяется институциональной инфраструктурой рынка, формальными и неформальными «правилами игры», которыми руководствуются участники рынка при принятии решений. В условиях неэффективной институциональной среды, характеризующейся непрозрачностью хозяйственных и финансовых связей, несовершенством либо отсутствием стандартов раскрытия и распространения информации, повышается вероятность некорректной оценки со стороны участников рынка фундаментальной стоимости финансовых активов, формирования необоснованно завышенных рыночных ожиданий. Информационная асимметрия может способствовать формированию среди участников рынка подражательных стратегий, при которых участники рынка принимают инвестиционные решения в результате анализа не фундаментальной информации, которая «находится в дефиците», а действий и стратегий других участников рынка. Кроме того, информационная асимметрия способна

приводить к оппортунизму (по сути, эффекты морального риска и неблагоприятного отбора являются проявлением оппортунизма *ex ante* и *ex post*). В общем случае оппортунизм означает предоставление неполной или искаженной информации для достижения своих целей, что существенно усложняет экономическую организацию процессов.

Психологические факторы. В ходе экспериментальных работ в области психологии установлено, что в условиях риска и неопределенности действительные психологические и социальные качества, присущие индивидуумам, не соответствуют основополагающим предпосылкам ортодоксальной экономической теории (принципу максимизации, аксиомам теории объективной и субъективной ожидаемой полезности и т.д.). В процессе принятия решений индивидуумы используют определенные правила, когнитивные эвристики, позволяющие им увеличивать скорость и сокращать время обработки информации. В условиях ограниченных временных и интеллектуальных ресурсов данные правила позволяют оптимизировать (облегчать) жизнь индивидуумов, но в то же время могут приводить к ошибочным (иррациональным) суждениям. Не претендуя на полноту, отметим некоторые из таких когнитивных эвристик: эффект формы (влияние метода предоставления информации на принимаемые индивидуумом решения), эффект диспозиции (нежелание индивидуумов признавать свои ошибки), принцип предубежденности (переоценка вероятности наступления тех событий, которые произошли недавно), эффект самоуверенности (излишняя переоценка индивидуумом своих знаний) и т.д. Формирование суждений в соответствии с эвристиками приводит к тому, что инвесторы систематически недооценивают неопределенность будущего, оптимистически рассматривают рискованные ситуации, могут игнорировать новую информацию, которая противоречит их убеждениям.

Система вознаграждения управляющих. Система вознаграждения управляющих может быть выстроена таким образом, что будет оправдывать достижение компанией краткосрочных целей в ущерб долгосрочным. В 1990-х гг. в США такой системой поощрения управляющих была система опционов (т.е. права получения руководящими работниками акций по ценам значительно ниже рыночного курса), которая не находила должного отражения в бухгалтерской отчетности. С одной стороны, подобная система позволяла привлекать и удерживать управляющих, а также «приводить» в соответствие интересы менеджеров и акционеров, с другой — стимулировала управляющих к проведению спекулятивных операций с целью «раздувания» стоимости акций.

Фундаментальная неопределенность будущего. В экономической науке различают категории риска и неопределенности. Практическая разница между указанными категориями состоит в том, что в первом случае распределение результатов известно (что достигается путем априорных вычислений или изучения статистики предшествующего опыта), а во втором — нет. Имеющиеся в реальном мире институты позволяют осуществлять страхование некоторых типов риска, что сделает будущее (финансовые и производственные показатели компаний либо уровень дохода индивидуума в течение всего жизненного цикла и т.д.) более определенным. Однако страхование событий, сопряженных с неопределенностью, является проблема-

тичным. Такая неопределенность будущего может приводить к ошибочным решениям инвесторов и нерациональному использованию экономических ресурсов.

Инструменты пруденциального регулирования системного риска

Отечественные органы монетарной политики признали необходимость развития макропруденциальных методов надзора, основанных на выявлении, оценке и ограничении системных рисков. В частности, в Стратегии развития банковского сектора России на период до 2015 г. (далее — Стратегия) указывается: «...один из уроков кризиса состоит в том, что повышение концентрации рисков является самостоятельным фактором, существенно снижающим устойчивость банков на индивидуальной и системной основе» [7]. Кроме того, в Стратегии отражено одно из направлений работы монетарных органов в ближайшей перспективе: «развитие подходов по выявлению и оценке системных рисков, анализу системной устойчивости банковского сектора, использованию полученной информации в целях индивидуального и консолидированного банковского надзора и банковского регулирования, включая макропруденциальный и контрциклический аспекты» [Там же].

Следует сказать, что финансовое законодательство Европейского совета также претерпевает существенные изменения, которые нацелены на предоставление регуляторам инструментов обнаружения (на ранней стадии) и ликвидации системных рисков. Так, в начале 2011 г. начал работу новый механизм, призванный выявлять опасность глобального финансового кризиса на ранних этапах, — Европейский комитет по системным рискам (European Systemic Risk Board — ESRB). Перед Европейским комитетом по системным рискам поставлены следующие три ключевые задачи в финансовой политике:

- мониторинг и идентификация системных рисков;
- подготовка и предоставление национальным регулирующим органам предложений по минимизации системных рисков;
- предоставление площадки для обмена информацией между национальными регулирующими органами и центральными банками в области микро- и макропруденциального регулирования.

Насколько нам известно, в настоящее время в экономической литературе отсутствует детальная оценка эффективности инструментов макропруденциального регулирования системных рисков. В докладе Базельского комитета, в котором представлен международный обзор практик применения инструментов макропруденциального регулирования системного риска, в качестве таковых указываются, например, повышенные требования норматива достаточности капитала к системообразующим банкам [8]. Формирование консервативных требований к банкам, играющим наиболее значимую роль на финансовых рынках, обусловлено необходимостью минимизации возможной государственной помощи в случае наступления событий, угрожающих платежеспособности банка.

Однако в определенных случаях увеличение норматива достаточности капитала может приводить не к повышению устойчивости банковской сис-

темы, а, наоборот, к увеличению системного риска, распределенного в макро-системе. Доводы в пользу повышенных нормативов достаточности капитала основываются на том факте, что более высокий уровень капитала банка должен покрывать более высокий возможный уровень убытков, возникающих в результате низкокачественных (спекулятивных) вложений. В связи с этим банк, нацеленный на сохранение собственного капитала, должен быть заинтересован в инвестировании активов в финансовые инструменты с продуктивным (прогнозируемым, низким) уровнем риска.

Однако привлечение капитала характеризуется дополнительными издержками для банка. Мобилизация собственных средств, например путем выпуска акций, является более дорогим источником финансирования, по сравнению с привлечением сторонних средств (населения, предприятий и т.д.). Таким образом, увеличение доли собственного капитала, имеющего большую стоимость привлечения (по сравнению с депозитами) приведет к снижению прибыльности деятельности банка и, соответственно, повысит стимулы менеджеров банка к инвестированию средств в высокодоходные (рискованные) финансовые инструменты.

Кроме того, имеется ряд факторов, приводящих к тому, что норматив достаточности капитала не в полной мере отражает («улавливает») риски в деятельности банка. Например, согласно установленным правилам при расчете норматива достаточности капитала рискованность каждого вида актива банка оценивается отдельно (независимо от других видов активов). При этом не учитываются корреляционные связи, присущие разным типам вложений банка (в терминах системного риска можно сказать, что не учитываются потенциальные механизмы распространения системного риска между различными сегментами рынка и институтами). Банковский портфель, состоящий из сильнокоррелированных, но относительно низкорискованных активов, может оказаться в целом более рискованным, по сравнению с портфелем, который включает рискованные активы, отрицательно коррелирующие между собой (либо корреляция между которыми несущественна).

Другие инструменты пруденциального надзора также могут быть сопряжены с системным риском.

Требования к наличию определенного минимального залогового обеспечения в размере, превышающем объем кредита, способствуют снижению рискованности вложений. Во-первых, в этом случае повышается степень защиты кредитора при неплатежеспособности заемщика и, во-вторых, снижается актуальность проблемы морального риска (так как заемщик в случае невозможности погасить кредит утратит право собственности на залоговое обеспечение, стоимость которого превышает размер задолженности по кредиту). Однако требования к залоговому обеспечению формируют передаточный механизм системного риска от одного института к другому и заключают в себе риск распространения финансового кризиса. Макроэкономический шок, вызвавший падение рыночной стоимости залогового обеспечения, снижает заинтересованность заемщиков погашать кредит в установленные сроки и приводит к дефолтам. Банки в целях обеспечения ликвидности балансов начинают распродавать свои портфели, что ведет к дальнейшему падению цен. Таким образом, достаточно сильное по масштабу и (или) продолжительности

шоковое событие может начать цепную реакцию, распространяющуюся на все более широкие слои финансовых институтов и ведущую к системному кризису.

Помимо требований к залоговому обеспечению Центральный банк может устанавливать лимиты либо прямые запреты на определенные виды инвестиционной деятельности (на спекулятивные виды деятельности, сопряженные с высоким уровнем дохода, или на виды инвестиционной деятельности, финансовый результат которых слабо поддается прогнозированию либо имеет крайне волатильный характер). Указанные лимиты направлены на минимизацию микроэкономических рисков (т.е. рисков каждого отдельного рыночного агента — инвестора, эмитента, банковского учреждения и т.д.), но могут иметь в лучшем случае крайне ограниченный (либо даже негативный) эффект в части снижения общего коллективного риска, связанного с функционированием банковской системы в целом. Это связано с тем, что такие лимиты приводят к уменьшению прибыльности операций банка. Несмотря на то, что некоторые виды риска будут снижены, мотивы банков по совершению спекулятивных, рискованных операций только увеличатся. В условиях несовершенного банковского надзора это подтолкнет банки к поиску других, менее регулируемых государством направлений вложения средств и принятию чрезмерного риска, что, в свою очередь, снизит качество банковских активов. Таким образом, указанные нововведения могут не снизить, а, наоборот, повысить системную уязвимость банковского сектора.

Спровоцировать процесс накопления системного риска в макроэкономической системе могут даже заявления правительства относительно изменения режима регулирования банковского сектора. Например, государственные регулирующие органы могут объявить о либерализации деятельности на рынке финансовых посредников, приводящей к усилению конкуренции и соответственно к снижению прибыльности деятельности банков. Даже в случае, если указанная либерализация будет являться делом будущего (т.е. фактически будет осуществляться в перспективе), это может стать причиной корректировки банками своих текущих инвестиционных стратегий. Стремясь компенсировать падение будущих доходов, обусловленное ожиданием усиления конкуренции, банки повышают заинтересованность в инвестировании денежных средств в спекулятивные финансовые инструменты, что может стать причиной накопления системного риска. Кроме того, в этом случае актуализируются проблемы «грабительского» поведения со стороны руководства банков. Банковские менеджеры могут принимать решения относительно инвестиций не только в рискованные, но и в заведомо убыточные проекты, для извлечения собственной выгоды.

Таким образом, методы пруденциального регулирования системного риска требуют определенной корректировки. На наш взгляд, основная причина такого положения дел заключается в том, что традиционный макропруденциальный анализ во многом основывается на методах, которые используются в микропруденциальном регулировании. Однако чрезмерное акцентирование внимания на микроуровне может привести к росту вероятности системного

риска. В связи с этим в своих следующих работах мы продолжим разработку мер по контролю и перераспределению системных рисков в экономике, а также методов и подходов к количественной оценке системных рисков.

Литература

1. Aglietta M. Financial Market Failures and Systemic Risk // Document de travail CEPR, № 96.01, January.
2. Aglietta M. L'ambivalence de l'argent // Revue Francaise d'Economie, ete 1988.
3. Говтвань О.Дж. Методология и опыт прогнозирования российской денежно-банковской системы. М.: МАКС Пресс, 2009.
4. Stiglitz J.E., Weiss A. Credit Rationing in Markets with Imperfect Information // The American Economic Review. Vol. 71. 1981. №. 3.
5. Говтвань О.Дж., Мансуров А.К. Системный риск в финансовой сфере: теоретический анализ и подходы к оцениванию // Проблемы прогнозирования. 2011. № 2.
6. Мансуров А.К. Прогнозирование валютных кризисов с помощью методов фрактального анализа // Проблемы прогнозирования. 2008. № 2.
7. www.minfin.ru/ru/regulation/bank.
8. Macroprudential instruments and frameworks: a stocktaking of issues and experiences. CGFS Papers № 38. May 2010.

Е.З.Мирская*

Традиции и новации в современной науке

Статья опирается на современную отечественную и зарубежную литературу по проблемам модернизации науки, а также на 20 углубленных интервью с ведущими научными сотрудниками естественно-научных институтов РАН. Анализ собранной информации показал, что в отечественной академической науке прочно доминируют *традиции*, а основные *инновации*, положительно показавшие себя в мировой науке, до сих пор находятся на стадии обсуждения и, в лучшем случае, — апробации (исключая информационно-коммуникационные технологии). Проинтервьюированные ученые крайне низко оценили инновационный климат (ИК) в академии. Их оценки набора элементов ИК по «школьной» шкале (от 5 до 1 балла) оказались весьма низкими и в качестве среднего результата дали 2,6 балла.

Традиции, новации — достаточно старые и знакомые понятия, но поскольку они лежат в основе завершенного в 2010 г. проекта, определим точнее тот смысл, в котором они употреблены в нашем тексте.

Традиции — исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение идеи, взгляды, вкусы, обычаи, порядки, правила поведения. *Новации* — еще проще: это все новое, новизна. Наряду с новацией в последнее время появилась *инновация* — некоторая разновидность новации — современное, очень популярное слово, применяемое в разных контекстах с различными значениями. В широком смысле оно обозначает новые идеи, методы или устройства, а также процессы создания новых продуктов и технологий. До недавнего времени в документах Евросоюза его употребляли только для технологических инноваций. В нашем проекте понятие *инновации* применяется в широком смысле, почти как синоним новации.

Выполнение проекта началось в 2008 г., сразу после завершения так называемой реформы РАН, реализация которой отслеживалась нашим лонгитюдным социологическим исследованием [1–3]. В итоге реформы удалось сохранить позицию РАН как основного субъекта отечественных фундаментальных исследований, но не была разработана система, способная органически связать функционирование Академии с современными потребностями общества. Решение этой важнейшей проблемы требовало (и требует) выработки правильной стратегии взаимодействия между *традициями* и *новациями*. Поэтому задачей проекта было изучить динамику этих феноменов в ходе развития науки. Главной целью теоретической части проекта было исследование механизмов функционирования фундаментальной науки в связи с *динамикой взаимодействия* традиций и новаций.

В первый год работы над проектом были рассмотрены и проанализированы все основные материалы, касающиеся профессиональной деятельности

* Мирская Елена Зиновьевна — доктор социологических наук, заведующая сектором социологии науки Института истории естествознания и техники РАН, руководитель проекта «Традиции и новации в современной науке: динамика их взаимодействия» (09-03-00132а).

российского научного сообщества. Помимо ознакомления с соответствующими монографиями, систематически изучались журналы «Вестник РАН», «Вестник РГНФ», «Вестник РФФИ», «Курьер РАН и ВШ», «Эксперт», «Science and Public Policy» (S&PP), «Research Evaluation» и др.; газеты «Поиск», «НГ—Наука», «Троицкий вариант». В полной мере использовались электронные источники информации — как отечественные (сайты Правительства РФ, Президиума РАН, ПолитРу и др.), так и международные (сайты *Social Studies of Science*, *Ingenta*, *UNESCO Newsletter: Communication and Information* и др.).

В этих источниках, использовавшихся в течение всей работы над проектом, отслеживалась информация, соответствовавшая избранной проблематике, т.е. всё о сущности традиций, новаций и о динамике их взаимодействия в различных социальных условиях. Такой базис позволил выработать научно обоснованные представления о роли этих феноменов в развитии науки, а затем и сформулировать соответствующую *концепцию традиций и новаций* как взаимодействующих частей механизма, который обеспечивает развитие науки. Благодаря проведенным исследованиям эта *концепция* проблемы стала адекватно отражать дуалистический характер науки.

Фундаментальная наука, чьей социальной функцией традиционно считается выработка и предоставление обществу *нового* удостоверенного знания (почитаемого в науке главной ценностью), сама крайне инерционна. Действительно, мелкие открытия появляются в ней повседневно, а их признание и включение в общее знание проходят по давно сложившимся схемам, что создает впечатление непрерывной «плавной» трансформации науки. Но крупные новые идеи, выходящие за рамки парадигмы (Т.Кун) и требующие изменения воззрений в элитной части научного сообщества, наталкиваются на стену неприятия. Для признания новации нужно прилагать огромные усилия или ждать смены поколений. В принятых нами терминах можно сказать, что наука существует для порождения *новаций*, но держится за *традиции*. Это парадокс, но не недоразумение: ответственность за «качество своей продукции» делает науку предельно недоверчивой к новому. Недаром одной из четырех норм этоса науки, сформулированного Р.К.Мертоном как свод основных правил поведения ученых, является «организованный скептицизм», т.е. «сомневайся во всем и все перепроверяй!» [4].

Однако здесь имеется в виду наука как знание. Но помимо того, что она существует как *знание*, наука еще является и *социальным институтом* со своими формами организации, финансирования, обеспечения материальной части и информационно-коммуникационных потребностей, а также со своими нормами поведения. Здесь тоже есть спокойные «парадигмальные» периоды, когда явно доминируют *традиции* и возникают лишь мелкие новации, предполагающие частичные совершенствования этого социального института. Радикальные изменения в обществе резко меняют ситуацию в науке и требуют применения в ней принципиальных *новаций*, которые обычно тоже вызывают неприятие.

Такие периоды нуждаются в особом внимании и компетентных действиях: с одной стороны, традиции следует активно преодолевать, ибо они становятся опасным тормозом необходимых социальных преобразований и здесь нельзя

терять время. Но, с другой стороны, полный отказ от традиций губителен для науки — тут неприменим принцип «разрушить до основания, а затем...». Надо как можно точнее, используя компетентных экспертов, заранее оценивать хотя бы среднесрочные эффекты преобразований: какие новации дадут положительный эффект, а какие — отрицательный; какие традиции в настоящий момент вредят науке, а без каких она не сможет нормально функционировать, и их надо не только сохранить, но и укрепить.

Завершенный проект был нацелен именно на эти задачи. Особое внимание в нем уделялось тем *новациям*, которые обеспечивают модернизацию науки, ее инновационное развитие и повышение эффективности деятельности научного сообщества. Основными из них в тот период времени были новые виды организации и оценки научных исследований; современные формы финансирования исследований; обновление приборной базы; современное информационно-коммуникационное обеспечение.

Не следует думать, что 1990-е гг. оказались катастрофическими только для нашей науки. После прекращения «холодной войны» вся мировая фундаментальная наука, показавшаяся своим правительствам ненужной, попала в тяжелое положение и была вынуждена переходить на новые формы функционирования. При анализе новаций, необходимых в отечественной науке, крайне полезно сопоставлять стратегию и практику их внедрения с опытом, накопленным в процессах трансформации науки в развитых зарубежных странах.

Кстати, переработка эмпирических данных нашего мониторинга естественно-научных институтов РАН (завершенного в 2008 г.) показала устойчивую корреляцию между *компетентностью* ученых и их поддержкой необходимости реальной модернизации науки. По их мнению, реализуемые в ходе реформы акции не способствовали, а скорее препятствовали модернизации науки, что фактически угрожает профессиональной успешности ученых. Как показали интервью 2009–2010 гг., после окончания реформы большинство ученых тоже остались недовольны ее результатами.

Обзор публикаций за 2009–2010 гг. вместе с анализом результатов собственного эмпирического исследования показал, что основная часть ученых, беспокоящихся о судьбах науки, реформой РАН весьма разочарованы, так как никаких новаций, способствующих инновационному развитию самой науки, реализовано не было. В первое время пользовалась популярностью вдохновляющая идея: «Задачу модернизации науки могут решить только сами ученые, теперь дело за нами!», но постепенно энтузиазм научного сообщества слабел. «Новая жизнь» в Академии должна была начаться с 2009 г. Но и в 2010 г. никаких существенных новаций в организации профессиональной деятельности РАН не последовало — здесь явно доминировали традиции.

Следует отметить, что международные журналы «Science and Public Policy» и «Research Evaluation» в выпусках 2010 г. тоже констатировали серьезные трудности, которые испытывают страны Евросоюза в связи с налаживанием эффективной системы научных исследований. Те инструменты модернизации (избирательное финансирование, сближение целей науки и технологии, расширение международного сотрудничества, обновление оборудования, омоложение научных кадров и др.), которые необходимы нашей науке, в развитых странах

уже во многом были задействованы. Однако, невзирая на большие финансовые вложения, научные исследования в Евросоюзе — по оценке их собственных аналитиков — не демонстрируют высоких достижений.

Тем не менее в ряде западных стран имеются значительные новации в стратегии и тактике «осовременивания» науки. Переориентация научных учреждений на схему *triple helix* и поддержка формирования в них инновационных фирм *spin-off*, а также ряд других методов совершенствования научной политики безусловно заслуживают внимания руководителей нашей науки. Учитывая актуальность этой информации, коллектив проекта систематически выпускал и выпускает обзоры (на русском языке) наиболее интересных статей из S&PP, которые при поддержке РГНФ публикуются в интернет-журнале российского научного сообщества «Курьер РАН и ВШ». В 2009 г. вышли в свет четыре обзора, а в 2010 г. — пять обзоров. Правда, здесь следует отметить, что проблемы взаимодействия науки и общества в развитых странах, обсуждаемые в статьях вышеназванных международных журналов, с каждым годом все больше отличаются от наших проблем: они заметно ушли вперед и преодолевают уже другие трудности.

Концепция взаимодействия традиций и новаций, построенная в 2009 г., на более современном языке фактически сводится к проблеме инновационного развития науки, т.е. к ассимиляции мировых новшеств нашей академической наукой в ее специфических условиях. Поэтому второй год работы над проектом был посвящен изучению основных инноваций, характерных для мировой науки, и анализу их внедрения в нашей Академии — основном субъекте отечественных фундаментальных исследований.

Обычно науку воспринимают как субъект инноваций. Проводимые научные исследования создают новые знания, которые в процессе разработок (R&D) превращаются в новейшие технологии, а на производстве — в продукцию. Реально все это и составляет инновационную деятельность. От академической науки, являющейся средоточием отечественных фундаментальных исследований, естественно, ожидают того же. Но чтобы в инновационной цепочке она могла быть продуктивной, ей самой необходимо находиться на переднем крае научно-технического прогресса, обновляя характер собственного функционирования, внедряя свои «внутренние новации».

В последние годы инновационная деятельность осуществляется во все более разных видах и масштабах, в связи с чем появились и новые понятия — «инновационный климат» (ИК), «инновационный потенциал» (ИП) и т.д. Поскольку новации, наиболее важные для российской академической науки, в проекте уже были перечислены, а именно:

- 1) новые виды организации и оценки научных исследований,
- 2) современные формы финансирования исследований,
- 3) обновление приборной базы,
- 4) современное информационно-коммуникационное обеспечение —

сконцентрируем внимание на них. Данный перечень инноваций, создающих инновационный климат, взят из мировой практики, где он составлен в соответствии с инновационным потенциалом каждой новации, т.е. чем ниже позиция в списке, тем слабее инновационный потенциал. ИП и ИК — комплексные показатели, вычисляемые по комбинации ряда индикаторов.

Не углубляясь в подробности, ограничимся интуитивным пониманием этих выражений (его вполне достаточно).

Допустим, что мы согласны с таким (есть и другие) распределением «важности» этих новаций. Интересно выяснить, как оценивают ученые ассимиляцию разных новаций в своих институтах. «Вопросник» для унификации интервьюирования, разработанный в 2009 г., использовался в течение всего 2010 г., и на его основе были проведены 20 углубленных интервью с ведущими учеными естественно-научных институтов. В частности, ученые оценивали ИК (инновационный климат) в своих институтах по степени ассимиляции названных инновационных факторов. При этом использовалась наша «школьная система» — от 5 до 1 балла).

Выше всего респонденты оценили совершенствование *информационно-коммуникационных технологий* — 4,3 балла; затем *избирательное финансирование* — 3,2 балла; *перманентное обновление приборной базы* — 2,1 балла; *омоложение кадров* — 2,2 балла; *новые виды организации/оценки* научной деятельности — 1,2 балла.

Конечно, это усредненные результаты, но надо отметить, что различие оценок в разных институтах было невелико. Если усреднить еще раз, то средняя оценка инновационного климата (по нашей шкале) будет 2,6 балла. Следует помнить, что в ней нет нуля, по поводу чего ряд респондентов высказывал сожаления. Слабее всего продвигается самая важная новация — *новые виды организации/оценки* научной деятельности. А то, что вначале специалисты считали самой простой, чисто технологической новацией — совершенствование *информационно-коммуникационных технологий*, не только дало максимальную ассимиляцию, но и сильно поддержало нашу науку в тяжелые времена.

Появление, развертывание и развитие компьютерных телекоммуникаций, которые вскоре стали называть новейшими информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), коллектив исполнителей проекта отслеживал и фиксировал с особым вниманием.

Это была самая настоящая **НОВАЦИЯ**, пришедшая в отечественную академическую науку у нас на глазах, постепенно осваиваемая, предмет вожделения одних и непримиримой враждебности других, символ элитарности, игрушка и прекрасный помощник в работе! А для социологов — уникальное case-study о динамике традиций и новаций, увиденной собственными глазами и зафиксированной в анкетах.

Новейшие информационно-коммуникационные технологии — один из основных факторов модернизации науки, и их использование в научном сообществе РАН непрерывно росло начиная с 1990-х гг. Эта инновация радикально расширила профессиональные возможности ученых, но, к сожалению, ее продуктивность внутри самой науки в продолжение долгого времени не подтверждалась в явной форме, хотя обычно и не подвергалась сомнению. Изучая эту инновацию, мы скрупулезно фиксировали динамику показателей, характеризующих не только степень использования ИКТ, но и их воздействие на профессиональную продуктивность ученых.

Появление данной новации было впервые замечено при обследовании академических институтов в 1994 г., через год — в пилотаже 1995 г. уже

была зафиксирована значимость этого нового фактора, так что середину 1990-х гг. можно считать начальной фазой освоения компьютерных телекоммуникаций. Из года в год ассимиляция новации возрастала: увеличились проценты пользователей и интенсивность пользования, расширилась география контактов и ассортимент используемых сервисов. К 1998 г. все ведущие академические институты подключились к Интернету, и проведенный в это время пилотаж показал *качественный* характер изменений, вносимых в научную деятельность новейшими ИКТ. Из средства межличностного общения (коммуникации), в котором зачастую решались научно-организационные проблемы, они стали еще и самым оперативным источником научной информации. А информация и коммуникация — основа продуктивной работы ученого. Появилось много новых возможностей: пользование международными базами данных, участие в мировых профессиональных сетях, постановка своих задач на чужих компьютерах и т.д. И подобные возможности использовались — эмпирические данные зафиксировали это.

Не проявлялась лишь одна нетерпеливо ожидаемая закономерность. Не только в 1995 г., но и в 1998 г. обработка полученных данных не выявляла позитивного воздействия ИКТ на продуктивность профессиональной деятельности ученых. Оба пилотажа показали одну и ту же корреляцию: ученые, наиболее активно и успешно занимающиеся научной работой, являлись и активными пользователями ИКТ, но обратная зависимость отсутствовала — «суперактивная» в ИКТ группа была, в основном, слабее остальных пользователей, а минимально активная группа пользователей ИКТ показывала прекрасные научные результаты, особенно по публикационному индикатору. Все это заставляло сделать вывод, что активное использование ИКТ является скорее *следствием* общей профессиональной активности и успешности ученых, чем ее *причиной*.

После 1998 г. никаких радикальных событий в академической системе РАН не происходило. Со временем новация становилась привычным удобством. Все понимали, что она ускоряет определенные виды работы, но социологи, веря своим результатам, знали и то, что продуктивность научной деятельности она не повышает. К счастью, это их беспокоило, поэтому в 2001–2002 гг. они провели третий пилотаж. По-видимому, эти годы стали этапом вызревания результатов новации. Данные, полученные в этом обследовании, оказались нетривиальными и выявили именно ту, давно ожидавшуюся закономерность.

Этот пилотаж, зафиксировавший итог трех лет, прошедших после предыдущего обследования, наглядно продемонстрировал радикальное изменение роли ИКТ в исследовательских коллективах. **Абсолютно во всех группах респондентов проявились устойчивые положительные корреляции между использованием ИКТ и профессиональной продуктивностью.** Основные пользователи ИКТ заметно улучшили свои показатели как по количеству публикаций и докладов, так и по участию в международных грантах. Суперактивная в ИКТ группа заняла первое место и по показателям профессиональной результативности, а ранее успешная группа заметно утратила свою эффективность. Так, на основании эмпирических данных 10-летнего мониторинга конкретной инновации, впервые показана однозначно положи-

тельная итоговая корреляция между степенью включенности ученого в ИКТ и его профессиональной успешностью [5, 6].

Но инновации имеют и собственное развитие, они уходят вперед. Поэтому невозможно удовлетворить потребность ученых в информационно-коммуникационных технологиях раз и навсегда. Даже для того чтобы быть в курсе интернациональной научной информации и поддерживать международные контакты, требуется постоянное обновление информационно-коммуникационной инфраструктуры национальной науки. Поэтому наши перспективы на достойное место в мировой науке серьезнейшим образом связаны с тем вниманием, которое в ближайшее время будет уделено дальнейшему внедрению и, главное, развитию новейших информационно-коммуникационных технологий.

Из сложной истории этой инновации следует простой вывод: не торопиться с оценкой результативности новаций. Изначально надо тщательно взвешивать их перспективы, но потом не спешить с оценкой: не бывает, чтобы осуществилось «все и сразу».

Литература

1. Мирская Е.З. Реформирование академической науки: цели, результаты, проблемы // Вестник РГНФ. 2009. № 1. С. 87–92.
2. Мирская Е.З. Реформирование академической науки: мечты и реальность // Троицкий вариант. № 10 (26 мая 2009 г.). Троицк: Тровант, 2009. С. 10–11.
3. Мирская Е.З. Реформирование РАН: результаты и перспективы // Наука и власть: проблема коммуникаций. Материалы Всероссийской научной конференции 2008 г. М.: Научный эксперт, 2009. С. 169–172.
4. Merton R.K. The Institutional Imperatives of Science // Sociology of Science / Ed. V.Barnes. Baltimore: Penguin Books, 1972. P. 65–79.
5. Мирская Е.З. Современные ИКТ в профессиональной деятельности российских ученых // Наука России. От настоящего к будущему / Отв. ред. В.С.Арутюнов. М.: УРСС, 2009. С. 323–344.
6. Мирская Е.З. Новые информационно-коммуникационные технологии в российской академической науке: история и результаты // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 1. С. 127–139.

*Н.А.Ащеулова**

Социология науки в Ленинграде — Санкт-Петербурге: от истоков до современности

Исследование является попыткой исторической реконструкции становления и развития социологии науки в Ленинграде — Санкт-Петербурге. Ретроспективный анализ истории социологии науки позволяет пополнить одно из направлений отечественной социологии. Представлены результаты исследований, накопленные Санкт-Петербургским — Ленинградским социолого-наукоеведческим сообществом за более чем пятидесятилетнюю историю. Описана и изучена научная, педагогическая и организационная деятельность ведущих отечественных социологов науки.

Социология науки в нашей стране прошла долгий путь. Ее становление определено целым рядом обстоятельств. С одной стороны, отечественная социология науки была неразрывно связана с общей социологией, с другой стороны, возрастание роли науки как одного из важнейших социальных институтов стимулировало изучение ее как специфического объекта познания. В Ленинграде исследовательская работа в этом направлении началась уже в 1920-е гг., когда впервые стали проводить теоретические и эмпирические исследования для поиска путей организации управления наукой в новых социальных условиях. Выдающиеся российские ученые С.Ф.Ольденбург, В.И.Вернадский, А.Е.Ферсман, Ю.А.Филипченко, надеясь на то, что Советская власть выполнит свои обещания модернизировать страну на основе науки, настойчиво искали новые, эффективные формы организации науки. Их усилиями были созданы комиссии Академии наук по истории знаний, «Наука и научные работники», «Вопросы учета научных сил СССР».

В такой интеллектуальной атмосфере И.А.Боричевский предложил выделить изучение функционирования и развития науки в самостоятельную научную дисциплину, использовать для ее обозначения термин «наукоеведение», а в качестве первого шага институционализации новой отрасли знания создать специальный институт [1]. Но тогда научная общественность не оценила важности социологического изучения науки, и идеи И.А.Боричевского не были реализованы. Дальнейшего развития социология науки в этот период так и не получила, а в 1929 г. вся социология была признана «буржуазной наукой», сам термин «социология» оказался под запретом. Однако вопросы социологии науки, как правило в опосредованной форме, рассматривались в трудах авторитетных российских ученых (Н.И.Бухарина, Б.М.Гессена, С.Г.Струмилина и др.).

Значительную роль в развитии наукоеведения сыграл II Международный конгресс истории науки, состоявшийся в Лондоне в 1931 г. В конгрессе принимала участие и советская делегация, которую возглавлял Н.И.Бухарин. Особое внимание участников конгресса привлек доклад советского теорети-

* **Ащеулова Надежда Алексеевна** — кандидат социологических наук, руководитель Центра социолого-наукоеведческих исследований Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова РАН, руководитель проекта «Социология науки в Ленинграде — Санкт-Петербурге: историко-социологический анализ» (07-03-00400а).

ка Б.М.Гессена, раскрывавший социально-экономические корни механики И.Ньютона и оказавший тем самым немаловажное влияние на дальнейшее развитие представлений о взаимоотношениях науки и общества. Идеи Б.М.Гессена стали известны научной общественности и оказали определенное влияние на Дж.Бернала, опубликовавшего в 1939 г. знаменитую «Социальную функцию науки», — первый фундаментальный науковедческий труд. Что же касается Советского Союза, то понадобилось примерно четверть века для возрождения социологии, важной составной частью которой стала социология науки.

Становление социологии науки как самостоятельной дисциплины в Ленинграде началось с середины 1950-х гг. Этому способствовали изменение социально-политической обстановки в стране, возросшее значение науки как производительной силы, повышение ее авторитета во всех сферах человеческой деятельности.

У истоков формирования социологии науки в качестве самостоятельной отрасли знания стоял И.А.Майзель. В 1955 г. в Ленинграде он защитил кандидатскую диссертацию, представляющую собой исследование некоторых сторон еще недостаточно изученной в то время проблемы — науки как специфического общественного явления. В работе наука характеризовалась «как особая форма отражения действительности в сознании людей, создаваемая благодаря усилиям всего общества и представляющая собой всеобщий духовный продукт общественного развития, а также как продукт и орудие общественно-исторической практики людей» [2]. Следует отметить, что автор акцентировал формулу К.Маркса «наука как непосредственная производительная сила общества», которая в то время рассматривалась многими как «противоречащая марксизму».

Исключительно важную роль в становлении и распространении социолого-науковедческого знания, разъяснении его сути и значения, в сплочении научного сообщества сыграл XI Международный конгресс истории науки 1965 г. (Польша), организованный Международным союзом истории и философии науки. На конгрессе много времени было отведено обсуждению науки о науке.

Особое значение для институционализации социологии науки имел советско-польский симпозиум по проблемам комплексного изучения развития науки (Львов, 1966 г.), на котором развернулась оживленная дискуссия о существовании и названии этого нового направления. Из многих возможных вариантов: «наука о науке», «наукология», «наукознание», «науковедение» — был принят именно последний [3].

Институционализация социологии науки сопровождалась появлением творческих коллективов. Возникло несколько центров социологических исследований науки, среди них Ростов-на-Дону, Киев, Ленинград, Москва. В рамках Советской социологической ассоциации был создан Исследовательский комитет по социологии и социальной психологии науки. Значительный вклад в становление социологии науки внес коллектив кафедры философии естественных факультетов Ростовского государственного университета. В 1968 г. появились две книги под одним и тем же названием «Социология науки». Одна написана Г.Н.Волковым [4], другая — группой авторов из

Ростова-на-Дону [5]. Г.М.Добров в 1965 г. возглавил подразделение в АН Украины, именуемое сегодня Центром исследования научно-технического потенциала и истории науки. С 1969 г. он начал издавать журнал «Науковедение и информатика». В Москве в 1969—1970 гг. А.А.Зворыкин сформировал отдел социологии науки в недавно созданном Институте конкретных социальных исследований АН СССР. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. социологические исследования науки разворачивались в Москве в рамках отдела науковедения Института истории естествознания и техники (ИИЕТ) АН СССР. Теоретической основой его формирования послужила программная статья С.Р.Микулинского и Н.И.Родного [6]. В Институт были приглашены специалисты по организации науки Ю.М.Шейнин и В.И.Масленников, группа системных исследователей науки И.В.Блауберг, Э.Г.Юдин, В.Н.Садовский, Э.М.Мирский, логикой научного познания занимались директор Института Б.М.Кедров, а также В.С.Библер и Н.И.Родной, психологией научного творчества — М.Г.Ярошевский. С.Р.Микулинский организовал выпуск серии сборников под общей рубрикой «Науковедение: проблемы и исследования». В 1969 г. В.Ж.Келле, работая в Институте философии АН СССР, совместно с С.Р.Микулинским разработал программу конкретного исследования деятельности академических научных коллективов, которое было проведено в 1970—1973 гг. В него включились социологи из Ленинградского отделения ИИЕТ под руководством С.А.Кугеля [7].

Для историка и социолога науки процесс институционализации интересен в целом ряде отношений. Прежде всего он наглядно фиксирует продуктивность научной деятельности, рост профессиональной культуры, междисциплинарную дифференциацию, изменение интеллектуальных традиций. Иногда этот процесс непосредственно влияет на создание идей, но гораздо чаще и в большей мере он способствует отбору, закреплению идей, обеспечивая преимущества одним из них по сравнению с другими [8]. Но еще более важным является тот факт, что институционализация позволяет зафиксировать место науки в иерархии общепризнанных ценностей, получение ею признания со стороны общества: в массовой публике, широких научных кругах, институтах образования, во власти и т.п.

Рассмотрим теперь, как конкретно протекал процесс институционализации ленинградской социологии науки. Становление социологии науки в качестве самостоятельной научной дисциплины связано с именами С.А.Кугеля, И.И.Леймана, И.А.Майзеля и некоторых других ученых.

Пионерскими были работы И.А.Майзеля, посвященные изучению науки как общественного явления [9], взаимосвязи науки и производительных сил общества [10], науки и общественного прогресса [11].

В 1963 г. И.А.Майзель опубликовал монографию «Коммунизм и превращение науки в непосредственную производительную силу». В конце 1960-х гг. он разработал целостную социологическую концепцию науки, в которой анализировались внутренние и внешние аспекты ее функционирования, ее взаимосвязь с материальным производством и другими социальными институтами. В 1965 г. в Ленинграде был создан общественный Институт социальных исследований (директор В.П.Рожин); отделом социальных про-

блем науки руководил Ю.С.Мелешенко, ведущий специалист в области философии техники. В это же время были проведены исследования, связанные с изучением деятельности ученых академических учреждений в области фундаментальных наук. Руководил этими работами И.И.Лейман, философ, методолог науки.

В начале 1960-х гг. появились и другие авторы в Ленинграде, работающие над социолого-наукоеведческой темой, вышла в свет книга В.Я.Ельмеева «Наука и производительные силы общества» [12]. Через три года В.Я.Ельмеев в соавторстве с М.Я.Корнеевым опубликовал работу «Возрастание роли науки в строительстве коммунизма» [13]. Поднятая этими авторами тема оказалась востребованной и привлекла многих молодых исследователей.

Крупномасштабные эмпирические исследования по социологии науки в Ленинграде начались примерно с середины 1960-х гг., и связаны они с именем С.А.Кугеля. Исследования проводились в наукоеведческой парадигме, основная задача — улучшение учебного процесса в вузах. Первый проект под руководством С.А.Кугеля касался молодых инженеров. Как отмечал сам автор, «это исследование было востребовано временем. Повышение качества подготовки молодых специалистов, как считала наша группа, связано не с учебным процессом, а с деятельностью молодых специалистов на производстве. Нашей задачей было изучить эту деятельность, трудности, с которыми сталкиваются молодые специалисты...» [14]. На основе этого исследования в 1971 г. вышла книга «Молодые инженеры» [15]. Позднее она была переведена в кратком изложении на английский язык и издана в США.

С 1967 г. С.А.Кугель работал в составе Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники Академии наук СССР (ЛО ИИЕТ АН СССР). В 1968 г. в ЛО ИИЕТ был создан первый в стране сектор социологии науки, который С.А.Кугель и возглавил. Создание сектора в ЛО ИИЕТ дало устойчивую базу и постоянные стимулы развитию социолого-наукоеведческих исследований в Ленинграде.

Способствовал развитию социологии науки в Ленинграде и тот факт, что это был город науки. Здесь находилось большое число отраслевых научно-исследовательских институтов. Акцент в исследованиях ленинградских социологов был сделан на изучении именно отраслевой науки. Однако наука в Ленинграде в этот период имела отчетливо выраженную ориентацию на выполнение заказов ВПК, в связи с этим многие НИИ были «закрытыми», что значительно затрудняло, а часто делало практически невозможным проведение социологических исследований. Возникали проблемы и с публикацией данных, предоставляемых ведомственными статистическими службами.

Можно отметить некоторые отличительные черты ленинградской школы социологии науки в 1960-е гг.: С.А.Кугель и И.И.Лейман были ориентированы на эмпирические исследования, И.А.Майзель и Ю.С.Мелешенко — на общетеоретические проблемы. Достижением этих лет является то, что ленинградские науковеды провели стратификационный анализ научного сообщества; определили критерии структурирования кадров науки и задали основные структурные характеристики: квалификационные, профессиональные, демографические. Это имело не только собственно социолого-наукоеведческое,

но и более широкое, методологическое значение, в частности, для изучения мобильности кадров, для исследования социальной истории науки.

В 1960-е гг. начал складываться стиль работы ленинградских социологов науки — масштабные опросы и отчеты в отдельных институтах, при этом учитывались различные отрасли наук, а иногда — узкие направления. В эти годы существовали и проблемы. Накопление эмпирического материала опережало его теоретическое осмысление и публикацию; ограниченно использовались математические методы; теоретико-методологическое и эмпирическое направления в ленинградской социологии науки скорее тесно соседствовали, чем органически переплетались. Исследования проводились ради совершенствования научной сферы и не затрагивали вопросы коренных преобразований. Все социологические проекты были направлены на решение конкретных проблем в науке, и не проводилось ни одного с позиций антисоциалистической парадигмы. Более того, ленинградским ученым в 1950—1960-е гг. была свойственна глубокая вера в социализм, светлое будущее, для достижения которого требуется лишь исправление отдельных недостатков существующего общества. Понимание невозможности устранения этих недостатков пришло позднее, наряду с осознанием неэффективности работы административно-командной системы.

Последняя треть XX в. ознаменовалась расцветом науки о науке — науковедения. Быстро свершилась его институционализация. Оно получило общественное признание и легитимацию со стороны государственных органов практически во всех цивилизованных странах. В ряде стран образовались специализированные научные учреждения — науковедческие центры. В высшей школе вводилось изучение науковедческих курсов. Существенно расширилось издание теоретической и научно-популярной литературы науковедческого характера. Укрепились связи между исследователями науки, увеличилось число работ в области изучения науки. Количественный анализ науки оформился в особое направление — наукометрию. Утвердился и доказал свою высокую эффективность анализ сетей цитирования, все чаще опирающийся на специальные индексы ссылок.

Можно утверждать, что социологи науки Ленинграда уверенно вступили в 1970-е гг.: успешно функционировали формальные и неформальные коллективы, специалисты активно вели теоретико-методологические и эмпирические исследования, установили тесные связи с Москвой, странами СЭВ, участвовали в крупном исследовании по советско-американской научной политике. В теоретико-методологическом плане ленинградская социология науки была подкреплена работами И.А.Майзеля [16]. В начале 1970-х гг. было проведено несколько крупных социолого-науковедческих исследований под руководством С.А.Кугеля. В 1971 г. вышла в свет книга И.И.Леймана, посвященная теоретико-методологическим проблемам науки как социального института [17], в эти же годы сложилось новое направление — этика науки, связанное, прежде всего, с именами И.И.Леймана и его последователя и ученика М.Г.Лазара [18].

Основными направлениями социолого-науковедческих исследований в Ленинграде в начале 1970-х гг. стали:

1. Методологические проблемы. Наука как непосредственная производительная сила. Наука и общество. Наука как социальный институт.

2. Структура и динамика научных кадров. Новые научные направления.
3. Этические проблемы науки.

Однако в середине 1970-х гг. сложилась противоречивая ситуация. В эти годы успешно работал неформальный городской методологический семинар, активно выступали специалисты-научковеды; вышли две книги по проблемам научных кадров, получившие общественное и государственное признание; сектор социологических проблем науки ЛО ИИЕТ АН СССР начал проводить крупномасштабное исследование в ленинградских академических институтах; были организованы всесоюзные конференции «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов» и «Социологические аспекты эффективности научной деятельности». Но вместе с тем ленинградская академическая социология науки подверглась реорганизации, если не сказать «разгону». Сектор социологических проблем науки ЛО ИИЕТ АН СССР перевели в созданный Институт социально-экономических проблем (ИСЭП), где сектор был упразднен, а социолого-научковедческая тематика свернута. В 1974 г. газета «Правда» напечатала отрицательную рецензию на книгу «Социологические проблемы науки», в которой были опубликованы статьи ленинградских авторов. Эта рецензия также способствовала процессу деинституционализации социологии науки в городе.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. произошли «коренные изменения» в организации и финансировании самой науки, социология науки вступила в новый этап развития.

Таким образом, можно утверждать, что социология науки, набравшая было хороший темп, начинает замедлять свое развитие: упраздняются имеющие формальный статус научковедческие структуры, не публикуются уже ставшие известными издания, специалисты-научковеды начинают заниматься новой проблематикой. Конечно, еще выходят в свет социолого-научковедческие статьи и монографии, проводятся эмпирические исследования, но все это, скорее, следствие накопленного в предыдущие десятилетия задела. Исследователи не видят будущего: ведь наработанные результаты оказываются, как правило, невостребованными. Власти не нужны данные, полученные «сомнительной» наукой социологией. Общая социальная ситуация «застойных» лет приводит к тому явлению в области социологии науки, которое мы назвали деинституционализацией. «Печальный» вывод, сформулированный С.Р.Микулинским, звучит так: науковедение, которое должно было стать наукой «о взаимодействии элементов, определяющих развитие науки», так и не сложилось, «теоретическая разработка принципов и методологии комплексного, системного анализа развития науки... пока отстаёт» [?], разработка такой методологии все еще остается насущной задачей.

С конца 1970-х гг. в Ленинграде перестают организовываться конференции «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов», не издаются сборники по материалам этих конференций. И дело, конечно, не в том, что в научном сообществе пропал «вкус» к научковедческой проблематике и даже не в том, что в ЛО ИИЕТ был расформирован сектор социологии науки, хотя этого факта ни в коем случае не следует упускать из виду. «Глухие» застойные годы способствовали, как никакая западная пропаганда, разочарованию в идеологии коммунизма, а вместе с тем и уничтожению веры в

прогресс, основанный на принципах разума и науки. Почти 15 лет, до начала 1990-х гг., сохраняется такая ситуация. «Перестройка» и постперестроечные годы создают новые проблемы и новые иллюзии. Интерес в мире к реформам в СССР, социальный оптимизм, охвативший советское общество, несомненно, способствовали созданию некоторых предпосылок для возобновления как конференций, так и издания «Проблем деятельности...».

Девяносто годы XX столетия можно назвать «взлетом» социолого-наукоедческих исследований. Анализ архивных материалов показывает, что за последнее пятнадцатилетие увеличилось число проведенных исследований, их тематика стала разнообразной. В 1990-х гг. появились новые темы, такие как «Изучение общественного мнения о науке» (1990 г.), «Миграция ученых» (1993 г.), «Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга» (1993—1994 гг.), «Разработка мероприятий для усиления ориентации молодежи на научно-техническую деятельность и создание для нее благоприятных условий» (1995 г.), «Реформирование высшей школы: государственные и негосударственные вузы» (1998 г.), «Трансформация академической науки» (1999—2001 г.) и др.

Эти перемены в значительной степени связаны с социально-экономическими и политическими изменениями в стране, следствием которых и были реформирование науки, изменения финансирования научной деятельности и пр. Социологам науки пришлось реагировать на новые, острые проблемы, возникшие в сфере науки и высшего образования. Вместе с тем санкт-петербургские науковеды, являясь частью научной системы, сами были вынуждены решать непростые задачи, в частности, искать новые источники финансирования. В это время были созданы российские фонды, начали свою работу в нашей стране зарубежные фонды, были определены программы Санкт-Петербургской Администрации и Санкт-Петербургского научного центра, дающие ученым возможность получения дополнительного финансирования.

Начало 1990-х гг. характеризовалось огромным интересом мирового сообщества к событиям в СССР. В этот период Санкт-Петербургский филиал ИИЕТ РАН вновь стал центром науковедческих исследований, имеющих общегосударственный и международный масштаб. Этому способствовало возвращение С.А.Кугеля в СПбФ ИИЕТ РАН и организация в филиале Центра социолого-наукоедческих исследований. «Второе дыхание» обрели и всесоюзные конференции «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов».

В 1990-х гг. инновации охватили и область социолого-наукоедческого образования. На этой волне по инициативе Исследовательского комитета социологии науки Международной социологической ассоциации и Российского общества социологов возникла и получила признание Международная школа социологии науки и техники.

В постсоветское время появились новые формы взаимодействия с западными коллегами: совместные исследования и проекты. В работе ежегодных сессий Международной школы социологии науки и техники стали принимать участие крупные зарубежные исследователи — директор Института социологии Академии наук Венгрии, профессора П.Тамаш, С.Эрли (Великобри-

тания), М.Кайзер (Норвегия), Э.Кауконен (Финляндия), Ю.Д.Райкович (Сербия), Я.Рабкин (Канада), Н.Торен (Израиль) и др.

Что происходило в мире петербургских социологов науки в начале нового века? В 2000-х гг. в Российском государственном педагогическом университете (РГПУ) им. А.И.Герцена на кафедре теории и истории социологии, заведующим которой является профессор А.В.Воронцов, проводилась научно-исследовательская работа по теме «Проблемы социологии образования и науки». Курс по социологии науки в РГПУ читала доцент Ю.В.Рахманова. В Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусства курсы по науковедению и социологии науки преподавала доцент Т.А.Петрова.

В Центре независимых исследований под руководством В.М.Воронкова в 2001 г. были завершены исследовательские проекты «Инновационные сети и промышленная модернизация: сравнительная ситуация в Армении, Латвии и России (Санкт-Петербург)», «Исследования и разработки и система производства в процессе трансформации». В 2002 г. был реализован совместный науковедческий проект Центра независимых исследований и Института проблем переходной экономики (Москва) «Реформа бюджетных учреждений социальной сферы». В этот же период создан новый сектор в Социологическом институте РАН — сектор социологии науки и инноваций, которым руководит Е.А.Иванова. Одним из стимулов социологического изучения инновационной деятельности ученых Санкт-Петербурга стало создание и развитие инновационного бизнеса в академических институтах города.

Центр социолого-науковедческих исследований Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова РАН проводит исследования, публикует результаты исследовательской работы, организует конференции, семинары.

Центр ориентируется на российскую реальность, обучение и воспитание молодежи, опирается на поддержку РГНФ и РФФИ, Комитета по науке и высшей школы Администрации Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургского научного центра РАН. «Изменение численности, профессиональной структуры и мотиваций аспирантов институтов СПб НЦ РАН», «Трансформация академической науки России», «Образовательные стратегии выпускников вузов и проблемы их трудоустройства», «Профессиональная мобильность ученых как механизм адаптации ученых к современным условиям: методология, методы, апробация» — вот некоторые из основных проектов последних лет. Центр тесно сотрудничает с московскими социологами, проводит ежегодные сессии Международной школы социологии науки и техники, публикует международные ежегодники «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов». В 2010 г. Центр социолого-науковедческих исследований СПбФ ИИЕТ им. С.И.Вавилова РАН выпустил в свет первый номер журнала «Социология науки и технологий». Журнал издается ежеквартально, в нем публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках. При содействии 23-го комитета Международной социологической ассоциации Центр подготовил специальный выпуск (Том 1, № 4), посвященный 100-летию Роберта Мертона, первого президента 23 Исследовательского комитета социологии науки и технологий (RC23) Международной социологической ассоциации. В номере опубликованы уникальные архивные мате-

риалы, воспоминания, оригиналы писем и фото из частной коллекции. Среди авторов — В.А.Ядов, И.С.Кон, Н.В.Мотрошилова, Е.З.Мирская, И.В.Маршакова-Шайкевич, лично знавшие этого выдающегося ученого и поддерживавшие с ним профессиональные дружеские контакты.

В 2009 г. Центр стал соорганизатором Международной научной конференции «Либерализация исследований в науке и технологиях: изучение научной политики» (Канпур, Индия); совместно с Шаньдунским издательством «Образование» готовит серию изданий по истории науки и техники Китая на русском языке. Совместно с 23-м Исследовательским комитетом Международной социологической ассоциации Центр в 2009 г. провел в Санкт-Петербурге международную научную конференцию «Миграционная мобильность ученых как механизм включения России в мировое научное сообщество».

Несмотря на успехи санкт-петербургской школы социологии науки и техники, ей еще предстоит решить многие проблемы. До сих пор в социологическом сообществе города социологи науки находятся в определенном смысле в маргинальном положении: в вузах не ведется подготовка специалистов этого профиля, дополнительные учебные курсы читаются лишь в некоторых вузах города, при проведении общесоциологических конференций секции по социологии науки организуются лишь после проявления инициативы участниками мероприятия. Не всегда результаты исследований, даже поддержанные городской администрацией или Санкт-Петербургским научным центром РАН, используются в практической деятельности городских органов управления.

Изучение истории социологии науки в Ленинграде — Санкт-Петербурге показало, что ее развитие происходило в тесной связи с развитием социологии науки в России и зарубежных странах. Наличие мощного научно-технического потенциала в нашем городе исторически предопределило формирование санкт-петербургской школы социологии науки, дальнейшее развитие санкт-петербургской социологии науки может способствовать сохранению этого научного потенциала.

На базе значительного корпуса информации из архивов Москвы и Санкт-Петербурга, опубликованных научных трудов, воспоминаний выдающихся ученых, стоявших у истоков социологии науки в СССР — России, исполнители проекта провели историко-сравнительный анализ предпосылок и путей формирования социологии науки, выявили основные этапы развития социологии науки, определили объект социолого-научоведческих исследований на каждом этапе, сформулировали особенности развития социологии науки в советский и постсоветский периоды, проанализировали сборник «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов» с 1969 г. по 2009 г., а также сделали краткий обзор деятельности Международной школы социологии науки и техники, собрали материалы и опубликовали очерки научной, педагогической и научно-организационной деятельности ведущих петербургских социологов науки С.А.Кугеля, И.И.Леймана, И.А.Майзеля.

Кроме того, были охарактеризованы особенности преподавания социологии науки в пяти университетах Санкт-Петербурга: Санкт-Петербургском государственном университете, Российском государственном педагогическом

университете им. А.И.Герцена, Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств, Санкт-Петербургском государственном морском техническом университете, Государственном университете — Высшей школе экономики (Санкт-Петербургском филиале); опубликовано учебно-методическое пособие.

На основе материалов, собранных за трехлетний период работы над исследовательским проектом, опубликована монография и еще одна подготовлена к печати, вышли в свет учебно-методическое пособие, 19 статей и тезисов докладов.

Наше исследование создает определенную базу для развития социологии в целом, для разработки новых идей в социологии науки. Социологический мониторинг научной деятельности за пятидесятилетний период позволяет создать методологический и эмпирический фундамент для дальнейших исследований истории социологии науки, определить механизмы возможного влияния социолого-научоведческих исследований на организацию науки. Полученные результаты и опубликованные работы могут быть использованы в методическом отношении при подготовке учебных курсов по истории социологии науки, а в эмпирическом — при организации социолого-научоведческих исследований в академических и отраслевых институтах.

Литература

1. Боричевский И.А. Выступление на объединенном заседании научного общества марксистов и конференции психоневрологической академии от 11 апреля 1926 г. Архив РАН. Ф. 238. Оп. 1. Ед. 129. С. 79–80.
2. Майзель И.А. Специфические особенности науки как общественного явления: Автореф. дис... канд. филос. наук. Л., 1955.
3. Майзель И.А. Научоведение: становление и развитие // Доклады пленарного заседания VI конференции «Научоведение на рубеже столетий (XX–XXI вв.): традиции и новации» (Санкт-Петербург, 29–30 января 2002 г.). СПб., 2002. С. 3–12.
4. Волков Г.Н. Социология науки. М.: Политиздат, 1968.
5. Социология науки / Под ред. М.М.Карпова, А.В.Потемкина. Ростов-на-Дону: РГУ, 1968.
6. Микулинский С.Р., Родный Н.И. Наука как предмет специального исследования // Вопросы философии. 1966. № 5.
7. Келле В.Ж., Кутель С.А., Макешин Н.И. Социологические аспекты организации труда научных работников в сфере фундаментальных исследований // Социологические проблемы научной деятельности. М., 1978.
8. Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М.: Онега, 1995. С. 8–15.
9. Майзель И.А. Специфические особенности науки как общественного явления // Сборник аннотаций научно-исследовательских работ. Л.: ЛИИВТ, 1955.
10. Майзель И.А. Производительные силы общества и наука // Труды ЛИВТа. Л., 1961.
11. Майзель И.А. Современная наука и общественный прогресс // Методическое пособие в помощь лектору. Л., 1969.

12. Ельмеев В.Я. Наука и производительные силы общества. М., 1959.
13. Ельмеев В.Я., Корнеев М.Я. Возрастание роли науки в строительстве коммунизма. Л., 1962.
14. Кугель С.А. Записки социолога. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 35.
15. Кугель С.А. Никандров О.М. Молодые инженеры. М.: Мысль, 1971.
16. Майзель И.А. Наука как фактор социальной саморегуляции. М., 1970.
17. Лейман И.И. Наука как социальный институт. Л.: Наука, 1971.
18. Лазар М.Г. Этика науки. Л., 1986.

Л.В.Сморзнов*

Формирование «способностей государства» в ходе административной реформы в России (2003–2010 годы)

Рассматриваются проблемы административной реформы в современной России в аспекте концепции «способностей государства». Анализируются виды способностей и их трансформация в условиях перехода от политики стабилизации к политике модернизации (развития). Особое внимание уделяется процессу формирования российской системы оценки эффективности государственного управления, а также таким составляющим административной реформы, как открытость власти, ее коммуникационные способности и внедрение этических кодексов в систему государственной службы.

Задача политико-административного преобразования России в последнее десятилетие фактически сводилась к трем составляющим: (1) усиление политико-административной *автономии государства*, его независимость от частных социальных интересов, будь то интересы корпораций, отдельных экономических групп или региональных политико-экономических кланов; автономия государства позволяла самостоятельно формулировать государственно-публичную политику; (2) повышение уровня политико-административных *способностей государства* осуществлять цели государственной политики, выполнять свои регулирующие функции по отношению к национальной экономике и обществу; способности государства позволяли осуществлять цели более эффективно и качественно; (3) придание развитию экономики, общественным процессам и жизнедеятельности самого государства *ориентации на интересы народа*, на обеспечение прав и свобод личности. Что касается административной реформы (2003–2005, 2006–2010 гг.), то ее задача в целом сводилась к *добавлению способностей государства к государственной автономии с целью повышения влияния публичных интересов на государственную политику и ее реализацию* [1].

Хотя суть административной реформы связана с проблемой способностей государства к управлению, тем не менее самого термина «способности государства» в документах нет. Вместе с тем значения этого термина пронизывают общую идеологию российской административной реформы.

Категория «способности государства» в современной теории публичного/государственного управления

Использование термина «способности государства» связано с рядом концептуальных движений в публичном управлении. *Во-первых*, способность государства управлять первоначально рассматривалась в рамках концепции

* **Сморзнов Леонид Владимирович** — доктор философских наук, заведующий кафедрой политического управления факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель проекта «Способность государства» и системы оценки эффективности государственного управления: международный опыт и современная административная реформа в России» (07-03-00553а).

развития стран. Всемирный банк стимулировал исследования способностей государства для развивающихся стран, обращая внимание прежде всего на институциональные способности, позволяющие государству эффективно проводить свою политику развития. Тематика способностей государства здесь возникает после взвешенной оценки регулирующей способности рынка и его провалов, а соответственно, восстановления значимости государства в управлении развивающимися социальными системами. Этот же подход применяется к странам «третьей волны» демократизации для оценки экономических реформ и консолидации демократии.

Во-вторых, широкому распространению термина «способности государства» послужила и трансформация методологических установок публичного управления: последовательный переход от концепции нового государственного менеджмента к концепции политических сетей и интеграция этих двух концепций в теории нового способа управления — «governance». Новый государственный менеджмент попытался включить в публичное управление элементы управления бизнесом, но оказалось, что публичное управление, хотя и восприняло некоторые его компоненты, тем не менее стало сопротивляться узкой рыночной направленности изменений в публичном секторе и государственном управлении. Теория политических сетей восстанавливала в новых условиях взаимосвязи гражданского общества, бизнеса и государственного управления, подчеркивая тот факт, что эффективность и справедливость последнего определяется новыми сетевыми отношениями, сотрудничеством и ответственностью. Между тем теория политических сетей слабо откликалась на вопросы, как осуществляется публичное управление, как взаимодействуют его участники и каков механизм этого сотрудничества. В этом отношении теория «governance» и направлена была на то, чтобы подчеркнуть и описать способы и методы нового управления. Особое внимание при этом уделялось тому политическому аспекту, что публичное управление связано с выбором и осуществлением политики. Не случайно то обстоятельство, что «governance» трактуется здесь через понятие политико-административного режима с его сложным и многоуровневым характером: режимы права, административных правил, юридических установлений и практик, которые ограничивают, предписывают и направляют правительственную деятельность. Понятие режима не сводится к наборам правил, регуляций и практик; новая парадигма публичного управления акцентировала динамический его характер и связывала с деятельностью. Деятельностный характер публичного управления и нашел выражение в том числе в использовании концепта «способности».

В-третьих, способность государства теснейшим образом связана с его действенностью, включая его различные смысловые значения — качественность, производительность, эффективность. Результативность государственной деятельности определяется его способностями, последние являются платформой для нее. Набор способностей государства, определяющий эти его характеристики, зависит от многих обстоятельств, в том числе и от национально-государственных особенностей. При этом многие уровни и структуры государственного управления, направленные на реализацию различных политических и управленческих задач, дифференцированы по необходимым способностям. В этом отношении не случаен интерес к различным видам

государственных способностей: институциональных, технических, административных, политических, фискальных и др. Существует множество подходов к определению того, что собой представляют эти способности и какую позицию они занимают в отношении роста действенности государственного управления. Ясно одно, что без четкого понимания существа и дифференциации способностей государства невозможно определиться с результативностью его деятельности. В связи с этим проблема способностей публичного управления приобретает прикладной характер, ее конкретное изучение и измерение позволяют осуществлять более тонкую настройку государственных функций и способов их эффективного осуществления.

В-четвертых, чисто рыночные экономики несовместимы с формированием стабильных демократий. Во всех современных демократических странах присутствует смешанная экономика, включая общественный сектор, действуют право и институты регуляции классовых конфликтов, поддерживаются конкуренция и неприкосновенность собственности. Высокая степень социального сплочения и способность к политическому компромиссу представляются решающими предпосылками устойчивой политики реформ. Факты ясно показывают сейчас, что главный урок переходов в том, что рынки не функционируют без поддержки институтов государства, выполняющего свои базовые задачи, и здорового гражданского общества. Продвигается идея преобразования политики роста и перераспределения доходов в политику поддержки условий развития, включающую базовое образование, здравоохранение, поддержку малого бизнеса, политическую стабильность, безопасность собственности, инновационные инвестиции, усовершенствование менеджмента. Из этого определения следует задача повышения компетентности правительства, т.е. рост способностей государства устанавливать цели политики, а также определять способы и инструменты их достижения в согласии с заинтересованными группами и гражданским обществом.

В-пятых, политические и административные режимы государств не являются статичными величинами, испытывая как внешние, так и внутренние влияния и давление. Многообразие способов деятельности, дающих одинаковые результаты, не определяется строгими рамками теории политико-административных режимов, порождая сложные сочетания методов осуществления государственной власти в конкретно-историческом и национальном аспекте развития политической системы общества и его политических институтов. В этом отношении способности государства выступают конституирующими факторами разнообразия политико-управленческих режимов. Анализ особенностей государственного управления в аспекте способностей государства в современном обществе (общество знаний, сетевое общество, коммуникационное общество и т.д.) продемонстрировал повышение координирующей функции государства и трансформацию его основных управленческих элементов.

Политика развития и способности государства

В условиях политики развития повышается координирующая роль государства и его «трансформативных» способностей [2]. Координация выступает в формах непрямого, стимулирующего, сетевого взаимодействия, находя

выражение в создании соответствующих институциональных форм. Институционализация координации создает пространство для проявления и развития «трансформативных» способностей государства.

В целом способность органов власти проводить политику развития определяется не только имеющимися ресурсами, но и условиями организации управления. Это означает преобразование ряда значимых процессов и структур. Российская административная реформа пока слабо ориентирована именно на те преобразования, которые связаны со способностями государства. А это *идеологические способности государства*, т.е. способности к производству легитимных идей, обеспечивающих легитимацию проводимой политики, идентификацию государственных служащих с проводимой политикой и доверие населения к ней. Это и *способности государства обеспечить такую структуру управления*, которая бы учитывала современный характер самоорганизующихся областей общественной жизни, автономию государственной власти и ее умение создавать благоприятные политико-административные режимы развития. К совокупности способностей следует отнести и так называемые *технические способности*, т.е. умение создать экспертную среду, обеспечить необходимый качественный и количественный состав государственных служащих, их способности работать в новых условиях.

К важным способностям государства относятся и *способности к внедрению выработанных политик развития*, которые бы противодействовали как партикуляристским интересам отдельных социальных групп, так и корпоративным интересам бюрократии. Модификация этих способностей, конечно же, определяется особенностями складывающихся федеративных отношений, уровнем самостоятельности региональной власти, развитостью регионального сообщества, сочетанием экономических, социальных, политических и культурных составляющих регионального развития. Значимым моментом является развитие интеграционной составляющей развития региона, его *способность учитывать свои связи и вовлеченность в более широкие сети взаимодействий*, и создавать это сетевое взаимодействие, учитывая собственную политику развития, а также политику развития сотрудничающих структур.

Результаты исследования продемонстрировали тесную зависимость формирования автономного государства от характера политико-административного режима [3]. Политические трансформации потребовали реформирования политико-административных отношений и условий формирования государственной службы. В этом отношении политико-административные трансформации следует рассматривать в качестве важнейшего условия, обеспечивающего повышение уровня способностей государства к управлению. Вместе с тем зависимость административной реформы от политического режима при слабом влиянии на процесс административного реформирования гражданского общества порождает ряд противоречий и несогласованностей в ходе реформы.

На основе сравнительного анализа глобальных и контекстуальных систем оценки эффективности государственного управления в аспекте концепции «способности государства» выявлены особые характеристики складывающейся российской национальной системы оценки эффективности государственно-

го управления [4]. Российская Федерация включена в глобальные экономические, политические и социокультурные процессы и испытывает на себе влияние тех же вызовов, что и ведущие западные демократии. Это требует поиска адекватных ответов на них, что вовсе не исключает, а скорее, наоборот, предполагает обращение к успешному опыту административного реформирования западных государств. В то же время российский контекст осуществления реформ достаточно специфичен и требует безусловной корректировки как программы реформирования, так и систем оценки эффективности государственного управления в условиях реформ.

Способности государства и эффективность государственного управления

Исключительно важным в этом аспекте решения проблем политико-административного строительства представляется определение социального качества эффективности государственного управления посредством использования такой характеристики, как способность государства.

Экспансия государства с ее директивным способом распределения ресурсов и благ подменялась экспансией рынка с доминированием «права сильнейшего» и очевидными прорехами в социальной политике. Отсюда наиболее актуальной проблемой в сфере оценки эффективности государственного управления становится проблема гармоничного совмещения рыночного и общественного подходов к оценке эффективности. Это доказывает растущий интерес к данной проблематике со стороны западных и отечественных социологов, политологов, экономистов, правоведов.

Как продемонстрировало исследование, международные системы оценки эффективности государственного управления достаточно слабо отражают два крайне важных в российском контексте административных реформ аспекта: (1) стратегический и комплексный характер реформирования и (2) необходимость развития системы внешней (прежде всего со стороны институтов гражданского общества) оценки эффективности реформ. Здесь важным и перспективным инструментом оценивания и последующей корректировки хода реформ представляется *оценивание программ и политик* (*programme/policy evaluation*). Оценивание подразделяется на внутреннее и внешнее. Очевидно, что для российских условий предпочтительным видом оценивания является внешнее. Здесь, помимо мониторингов, проводимых научным сообществом, важно создание системы публичной отчетности и контроля за действиями органов государственной власти. Внешний контроль должен концентрироваться на качестве выполнения государственными органами их функций, проверять целевое использование средств бюджетов различных уровней, осуществлять ревизию контрактов. Необходимо обеспечивать его реальную объективность и независимость контроля.

Оценивание программ и политик призвано также исправить ситуацию в современной российской практике административных реформ доминирование краткосрочных и среднесрочных задач и целей. Здесь главный риск реформ заключается в упущении стратегических целей модернизации, направленных в конечном итоге на изменение взаимоотношений государства и общества. Это может привести к искажению смысла и содержания административной

реформы. Стратегический подход к оценке эффектов позволяет корректировать политический курс и менять приоритеты административной реформы.

Оценки эффективности государственного управления в стране, включая региональную специфику, а также их действенность как механизмов стимулирования деятельности госслужащих показывают, что в России складывается национальная система оценивания. Особенности таких применяемых у нас систем оценки эффективности государственного управления, как бюджетирование, ориентированное на результат (БОР), международная система оценки качества ISO 9000, Доклады о результатах и основных направлениях деятельности (ДРОНД), Доклады о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти и их планируемых значениях на 3-летний период, оценка эффективности госуправления на основе индикативного планирования, пока еще не совсем скоординированы, но процесс оценивания уже включен в систему российского государственного управления в качестве значимого элемента. К существенным недостаткам и узким местам формирующейся системы оценки эффективности деятельности исполнительных органов государственной и муниципальной власти следует отнести ряд моментов.

Во-первых, хотя ряд критериев оценки эффективности исполнительных органов государственной власти имеет отношение к структурным и деятельностным характеристикам, однако вся система слабо «работает» на оценку доли деятельности органов власти в социально-экономической эффективности соответствующей сферы активности. Во-вторых, ДРОНДы и в целом система оценки эффективности носят внутренний характер. В данной системе отсутствует «внешняя инстанция оценивания», в качестве которой могли бы выступить финансовые органы государства (Центробанк, например), независимые оценочные агентства, экспертные центры и группы, научно-исследовательские структуры. В-третьих, отсутствие системы оценивания планов и программ (система оценки политики) является показателем несистемного подхода к построению процесса оценок эффективности деятельности исполнительных органов власти. В-четвертых, в сложившейся системе оценивания эффективности деятельности исполнительных органов власти преобладает узко экономический подход, часто сводимый к оценке эффективности расходования бюджетных денег. В-пятых, система оценки деятельности органов исполнительной власти не ориентирована на стимулирование использования ими своих конкурентных преимуществ для повышения эффективности, с одной стороны, расходования средств, а с другой — их «зарабатывания». То есть она не рассчитана на оценку такой ресурсной составляющей деятельности государственных органов, как их способности (эффективное использование имеющегося потенциала для роста). Анализировались уровень и качество управленческих процедур, а также исполнимость решений органов государственной власти.

Административная реформа в регионах России

Разработанные концептуальные основы и критерии системы мониторинга внедрения моделей эффективности государственного управления на феде-

ральном и региональном уровне (Северо-Западный федеральный округ) в аспекте оценки хода осуществления основных направлений второго этапа административной реформы (2006–2010 г.) позволили конкретизировать представления об административной реформе в регионах.

Мониторинг хода административной реформы и внедрения моделей оценки эффективности государственного управления во всех субъектах Федерации, входящих в Северо-Западный федеральный округ (Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская и Псковская области, республики Коми и Карелия, Санкт-Петербург), в 2007–2009 гг. продемонстрировал несовпадение уровней и темпов осуществления реформы в регионах [5]. Мониторинг проводился с учетом влияния политико-административных режимов на ход административной реформы, а также с учетом активизации антикоррупционной составляющей административной реформы. В результате мониторинга выявлено, что в субъектах СЗФО административная реформа проводится неравномерно в отношении наличия соответствующих программных документов, формирования органов управления реформой, состава этих органов, учета особенностей регионов, сочетания административной реформы с другими реформами и политикой развития. Основная часть обследуемых регионов не имеет собственных механизмов оценки эффективности государственного управления, ориентируется на общие практики и стандарты. В ряде регионов проводится оценка эффективности применения административных регламентов и стандартов государственных услуг в отдельных исполнительных органах государственной власти, проводится мониторинг применения административных регламентов, принятых в 2007 г. Формируется региональная система социальных норм и нормативов по бюджетным услугам, производится оценка себестоимости платных бюджетных услуг, что обуславливает прозрачность бюджетных расходов. Исследования общественного мнения населения о качестве и необходимости предоставления бюджетных услуг используются региональными органами власти для корректировки управленческих практик.

Все административные реформы в российских регионах в 2006–2008 гг. осуществлялись по одному образцу, исходя из общих принципов, заложенных в принятой федеральным правительством Концепции административной реформы. Вместе с тем опыт реализации указанной концепции в ходе конкретных административных преобразований на региональном уровне показал существенные различия отдельных субъектов РФ с точки зрения их способности к осуществлению реформ, направленных на совершенствование механизмов государственного управления. Часто работа по проведению административной реформы тормозится факторами институциональной слабости подготовки реформы и конъюнктурного к ней отношения. Для развития способностей государства в большинстве субъектов РФ предусмотрены минимальные условия, а в некоторых субъектах они отсутствуют вообще. Создается впечатление некоторого формализма в проведении реформы, сведения ее к выполнению «спущенных сверху» рекомендаций, притом что сами региональные власти должны быть кровно заинтересованы в улучшении механизмов государственного управления.

В процессе проведения мониторинга в субъектах СЗФО были исследованы изменения «способностей государства» в ходе реализации административной реформы. Выявлено, что рост способностей напрямую зависит от включенности органов исполнительной власти субъектов этого федерального округа в процесс реформирования. Неравномерная динамика реализации административной реформы в субъектах СЗФО определена различиями в обладании материальными и человеческими ресурсами, которые могли быть привлечены, характеристиками политико-административных режимов субъектов, степени готовности (обученности) государственных гражданских служащих, институтов гражданского общества и населения, методологическими основаниями программ, планов конкретных шагов. Сделан анализ развития таких «способностей государства» в ходе административной реформы субъектов СЗФО, как правительственные, административные, менеджеральные, политико-коммуникативные, экспертные, информационные, институциональные, способности формировать политику, политические способности, способности государства по сокращению расходов при повышении качества предоставляемых гражданам услуг (управление, ориентированное на результат), способности развития человеческих ресурсов, способности к формированию новых форм взаимодействия с негосударственными организациями и населением, способность к управленческим инновациям (ИТК).

Исследовался процесс формирования особого вида способностей государства в ходе проводимой административной реформы. Особое внимание уделялось формированию способностей к открытости деятельности; формированию коммуникационных способностей; развитию институциональных способностей и этических стандартов поведения [6].

Мониторинг административной реформы в субъектах Северо-Западного федерального округа в части повышения способностей органов государственной власти к открытости и прозрачности деятельности позволил сделать некоторые выводы. Реализация административной реформы актуализировала проблему открытости и прозрачности деятельности органов государственного управления субъектов Северо-Западного федерального округа. Условия реализации мероприятий административной реформы стимулировали заинтересованность органов исполнительной власти регионов в повышении плотности взаимодействий с институтами гражданского общества и гражданами, выстраивании устойчивых отношений региональных органов исполнительной власти с общественными и некоммерческими организациями регионов. В процессе реализации административной реформы определились формы, методы и площадки взаимодействия органов исполнительной власти регионов и общественных организаций и граждан.

Регионы СЗФО по-разному решили для себя проблему кодификации этических принципов профессиональной деятельности госслужащих. В большинстве случаев органы государственной власти пошли по пути закрепления некоторых этических норм и правил поведения в системе должностных регламентов и инструкций. В подобных документах регламентируются вопросы взаимодействия госслужащих с населением, со СМИ и работа с информацией. В рамках исследовательского проекта автор выявил специфику коммуникационных способностей государства.

С практической точки зрения исследование дает представление о механизмах использования коммуникационных способностей государства для максимизации эффективности управленческих решений и проведения реформы.

Литература

1. См.: Сморгунов Л.В. Административная реформа в России: автономия государства и его способности к управлению // Проблемы современного государственного управления в России. Вып. 1 (6). М.: ЦУП, 2007. С. 5–32; Его же. Концепция «способностей государства», конструктивизм и развитие теории государственного управления // Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации: 6-я ежегодная международная конференция факультета государственного управления МГУ им. М.В.Ломоносова (29–31 мая 2008 г.): Материалы конференции / Отв. ред. И.Н.Мыслева. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 403–419.

2. См.: Сморгунов Л.В. Знание и координационная функция современного государства // Мир и политика. 2009. № 10. С. 32–42.

3. См.: Кулакова Т.А. Политико-административные режимы в аспекте концепции «способности государства» // Демократия и управление: Информационный бюллетень Исследовательского комитета по сравнительной политологии РАПН, 2007; Курочкин А.В. Федеративные отношения и региональные политические режимы в РФ // Сравнительный федерализм и российские проблемы федеративных отношений: Сборник статей / Под ред. Л.В.Сморгунова, Ю.Н.Солонина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 173–186; Сморгунов Л.В. Способности государства и соотношение административных и демократических режимов правления // Демократия в современном мире / Под общ. ред. Я.А.Пляйса и А.Б.Шатилова. М.: РОССПЭН, 2009. С. 63–74.

4. См.: Курочкин А.В. Эффективность государственного управления: проблема определения в контексте «способности государства» // Демократия и управление. Информационный бюллетень Исследовательского комитета по сравнительной политологии РАПН, 2007; Сморгунов Л.В. Система оценки эффективности государственного управления в РФ: проблемы и перспективы развития // Там же. 2009. № 1 (7). С. 18–24.

5. См.: Сморгунов Л.В. Административная реформа в регионах: стратегия развития // Северо-Запад: Сегодня и завтра. Журнал Ассоциации экономического взаимодействия субъектов Северо-Запада Российской Федерации. Санкт-Петербург, 2008, сентябрь. С. 34–35; Волкова А.В. Административная реформа 2006–2008 гг. в Вологодской области // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии (СП-РАПН) № 2 (6). СПб., 2008. С. 11–16; Курочкин А.В. Сравнительный анализ стратегий административных реформ в субъектах РФ Санкт-Петербурге и Ленинградской области // Там же. 2008. № 1 (5). С. 5–11; Шерстобитов А.С. Мониторинг хода административной реформы в Архангельской области // Там же. № 2 (6). СПб., 2008. С. 44–45 и др.

6. См.: Волкова А.В. Административная реформа и проблема формирования профессиональных этических кодексов в современной России // Материалы Международного научно-образовательного форума «Омега». СПб.: Изд-во

РГГМУ, 2009; Шерстобитов А.С. Коммуникационные механизмы взаимодействия федерального центра и регионов и эффективность административной реформы // Современный федерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе. Труды Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 21–22 ноября 2008 г.) / Под ред. Ю.Н.Солонина, Л.В.Сморгунова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.

*О.Н.Бахтина,
Е.Е.Дутчак,
В.А.Есипова**

Рукописи на бересте в XX веке: сакральные и социальные аспекты крестьянской литературы

В статье на примере Томской коллекции берестяных рукописей рассматривается феномен крестьянской кириллической книжности XX в. Возрождение традиции письма на бересте анализируется в контексте процессов освоения русскими таежных районов Сибири. Комплекс литургических, уставных, четьих текстов на бересте, дневниковые записки колонистов позволяют понять механизмы самосохранения общины-изолята в инокультурной среде.

Традиционный микросоциум сохраняет единообразие в понимании своего прошлого, настоящего и будущего, определяет пределы изменчивости, тем самым защищает себя от необратимых социокультурных деформаций разными способами, в том числе и с помощью создаваемых им текстов. Получение достоверного знания о процессах формирования и функционирования

крестьянской литературы сегодня актуально как для теории гуманитарной науки, так и для решения конкретных практических задач описания и использования этого материала.

О письме на бересте в XX в. хорошо известно специалистам. Однако, как правило, такого рода сведения носят отрывочный характер и остаются для историка кириллической книжности скорее экзотикой, нежели полноценным объектом исследования.

Томская коллекция берестяных рукописей в этом смысле уникальна, поскольку представляет собой достаточно обширный информационный массив. В настоящее время в государственных хранилищах Сибири мы выявили 64 манускрипта разного объема и содержания: 39 единиц хранения находятся в Томском областном краеведческом музее (ТОКМ), 13 — в Научной библиотеке Томского государственного университета (НБ ТГУ), 11 — в Институте истории СО РАН (ИИ СО РАН) и одна — в Отделе редких книг и рукописей ГПНТБ Новосибирска.

Следует отметить, что Томская коллекция бересты — это часть более обширного собрания кириллических книг XVI–XX вв., которым владела

* **Бахтина Ольга Николаевна** — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета, руководитель проекта «Рукописи на бересте в XX веке: сакральные и социальные аспекты крестьянской литературы» (10-04-00087а).

Дутчак Елена Ерофеевна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета, исполнитель того же проекта.

Есипова Валерия Анатольевна — доктор исторических наук, заведующая сектором отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета, исполнитель того же проекта.

община-изолят, складывавшаяся на протяжении 1890–1930-х гг. в ходе крестьянских миграций в Нарымский край [1, 2].

Ее появление в слабо освоенном русскими в конце XIX в. бассейне р. Кеть было вызвано растущим воздействием модернизации на крестьянское хозяйство и, как следствие, всплеском эсхатологических настроений. Коллектив нелегалов серьезно пополнился, видимо, в 1920–1930-е гг. стремившимися уйти от тягот Гражданской войны и коллективизации. По имеющимся данным, в первой половине XX в. на притоках Кети — реках Елтыревой, Жегаловой и Дунаевой — проживало более 10 семейных кланов Бочкаревых, Коноваловых, Хохловых, Воробьевых, Тиуновых, Пастуховых и др. В условиях тайги поселенцы сумели сохранить крестьянский образ жизни: распахивали участки земли, сеяли хлеб (рожь, ячмень), выращивали овощи, собирали орехи, ловили зверя и рыбу [3].

Охотник К.А.Россомахин, посетивший в 1950 г. «поместье» (самоназвания поселений) Коноваловых, так описывал их жилище: «Пятистенный срубленный дом “покраской”» [т.е. с покрашенным полом; краска готовилась из речного ила, смешанного с кедровым маслом. — *Прим. авторов*]. В доме была русская печь и своего рода камин, служивший для освещения комнаты. Дом состоял из прихожей, большой комнаты и молельни». Ему запомнилось большое количество книг, в том числе на бересте, и удивило отсутствие икон, которые заменяли кресты («все было в крестах»). И далее приведем слова К.А.Россомахина: «Обычай у них был, как у всех кержаков, для гостей отдельная посуда. Гостям варили отдельно с солью, которую давали промысловики. Себе же готовили без нее, пекли хлеб, варили кашу, заправляя ее кедровым маслом, из овощей делали патоку. Посуда была в основном деревянная, глиняная, много берестяной, котлы из красной меди, чугуны. Старухи ходили в черных длинных сарафанах, дочь Наталья в кофте и юбке. Одежда была льняная, крашеная, краску делали сами из речного ила. Спали на полу на дерюгах. Крестились в семье двумя перстами, денег не брали, жили без паспортов, вели свое летоисчисление» [4].

Эти сведения: двоеперстие, книги в молельне, особенности повседневного уклада — недвусмысленно указывали на «старобрядческое происхождение» таежных насельников. Но тогда вставал вопрос — к какому именно течению староверия они должны быть отнесены. Поиск ответа на него затруднялся тем, что в 1989 г., когда о существовании поселений в Прикетье стало известно томским археографам, собственно общины уже не существовало. Последняя из жительниц «поместий» — В.И.Тиунова, вывезенная из тайги сыном в г. Колпашево, в силу очень преклонного возраста не могла внятно рассказать о религиозной жизни общины. Долгое время мы склонялись к тому, что перед нами староверы-странники. И лишь в ходе работы с книжным собранием стало ясно, что в данном случае речь может идти о хорошо известном по сибирским материалам явлению «безотчетливых». Этим термином В.А.Липинская предложила называть всех осознававших себя противниками «никоновских» реформ, но затруднявшихся с определением своей принадлежности к конкретному старообрядческому согласию [5, с. 117, 126] и, добавим, в силу этого открытых к заимствованиям в конфессиональной и бытовой сферах.

Именно эту особенность — «безотчетливость» — отражает самоназвание поселений — «поместья» (а не «скит», «пустынь», «келья» и пр.), отсутствие икон и состав рассматриваемого собрания. В частности, входящие в него богослужебные, уставные и четьи тексты (например, Евангелие апракос и тетр, Псалтырь, Треника, Часослов, Месяцеслов, Апокалипсис, Слово Ефрема Сирина об антихристе, Видение Григория, обширные выписки из сочинений Иоанна Златоуста и Пролога, житийные тексты, причем *нестарообрядческие* и пр.) сами по себе не позволяют с уверенностью назвать их владельцев староверами-странниками. Даже явное желание остаться в отдалении от населенных пунктов не может служить приметой исключительно бегунской конфессиональной традиции, поскольку пустынножительство было известно всем направлениям староверия независимо от степени радикальности исповедуемого вероучения. Тем самым лишь язык и графика написанных таежными насельниками текстов более или менее достоверно характеризуют их авторов как воспитанных в старообрядческой традиции.

Итак, что представляет собой Томская коллекция рукописей на бересте? По внешним признакам все рукописи делятся на три группы: 1) тетради, сшитые нитками, некоторые из них имеют обложку из более плотной бересты; 2) отдельные листки (записки и рисунки); 3) «карман» из бересты, сшитый нитками. Формат рукописей разный. Он, вероятно, зависел от величины берестяной заготовки и предназначения текста. Самая большая по формату рукопись коллекции — это фрагмент Евангелия от Матфея (ТОКМ, № 7368), его размеры в сантиметрах — $25,5 \times 18,5$; самая маленькая — записка на бересте (ТОКМ, № 7058) — $7,5 \times 6,8$.

При описании рукописей на бересте, на наш взгляд, следует обратить внимание на существенные особенности берестяного материала для письма [6], какой слой бересты использовался, на какой стороне, внешней или внутренней, был нанесен текст и чем (в нашем случае имеются рукописи на бересте, написанные простым карандашом, чернилами и процарапанные острым предметом, шилом или иглой). В подавляющем большинстве случаев текст написан полууставом, лишь записку на бересте (ТОКМ, № 7059) и записи на фрагменте месяцеслова (ТОКМ, № 7334) мы определили как полуустав с элементами скорописи. Предварительный анализ говорит о наличии 7 различных почерков. Для окончательных выводов нужно провести более тщательное палеографическое исследование с учетом особенностей графики позднего полуустава и нанесения текста на бересту (рис. 1).

Рукописи коллекции можно назвать украшенными. Широко используется написание тонких инициалов с орнаментальными отрогками, выделение чернилами другого цвета заголовков. Своеобразным украшением можно считать и рисунок ключевой зерно курочки во фрагменте из Пролога, относящийся к «Слову о Федоре купце иже взяв злато оу жидовина давъ поручинца образъ Христовъ» (ТОКМ, № 7061). На обложке фрагмента канона изображены (высветлены) контуры деревьев (ТОКМ, № 6146). Некоторые рукописи содержат владельческие записи — «Наташа», полагаем, это Н.Ф.Коновалова; «тетка Тоня», возможно, это — А.Пастухова; «Елена» и «Мария». Видимо, речь идет о Марии и Елене Коноваловых, которые детьми были вывезены в тайгу и умерли там в преклонном возрасте (рис. 2).

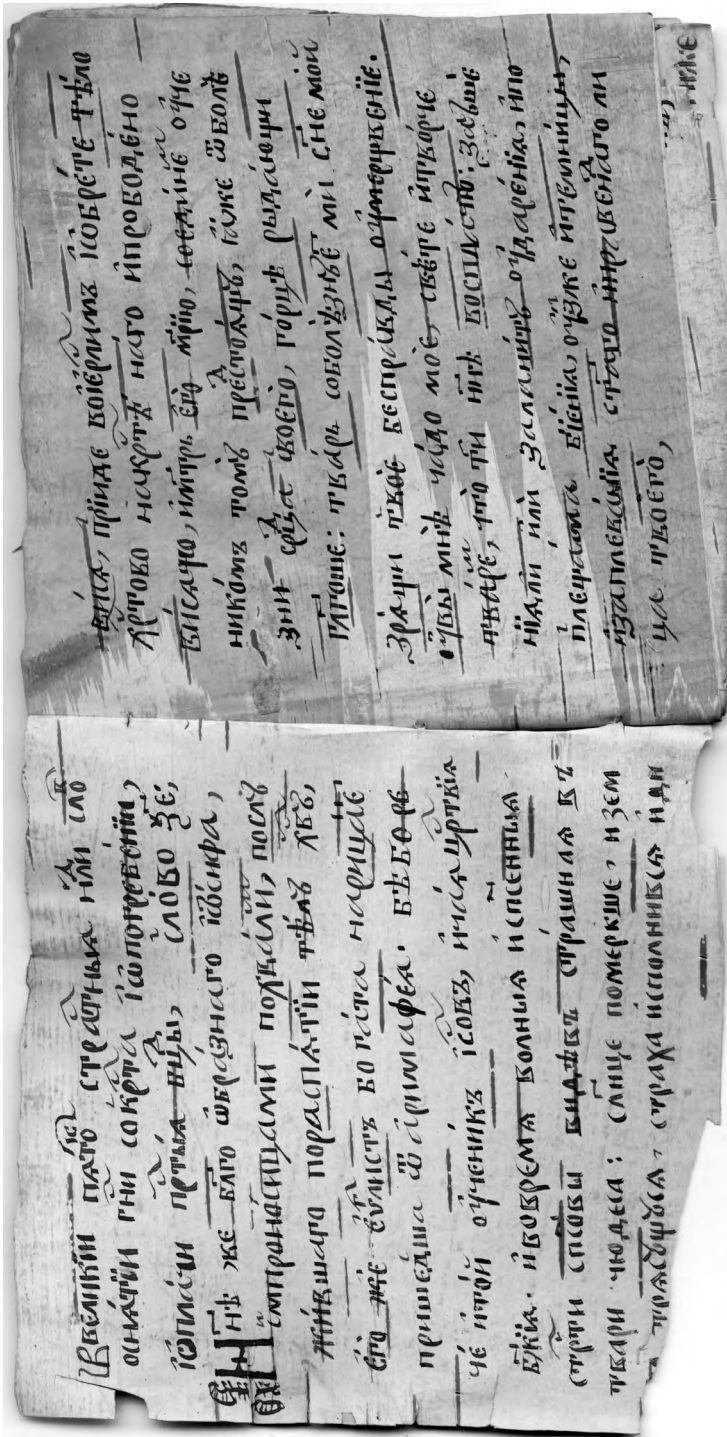

Рис. 1. Рукопись на бересте «Слово в пяток страстной недели»

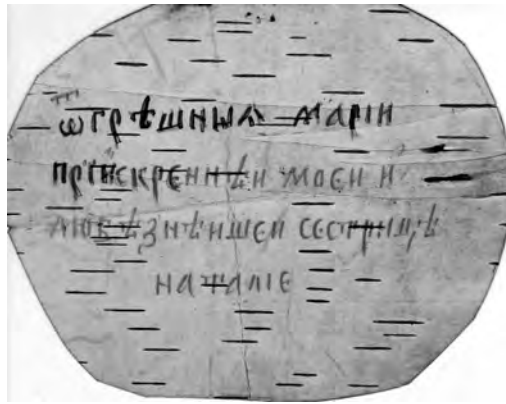

Рис. 2. Записка на бересте от Марии Коноваловой к сестре Наталье

По функциональному признаку рукописи на бересте также делятся на группы. К первой мы отнесли фрагменты служебных, уставных и четвых текстов малого формата: отрывки из Евангелий (ТОКМ, № 7056, 7368), канона (ТОКМ, № 6149), устава (ТОКМ, № 7057), рождественского богослужения (ТОКМ, № 7050), месяцеслова (ТОКМ, № 7334), лунный календарь (ТОКМ, № 7384) и др. Именно «фрагментарность» и небольшие размеры текстов этой группы делают обоснованным предположение Л.Н.Приль о том, что они — изготовленные из материала более прочного, чем бумага — использовались в то время, когда жители «поместий» оказывались вне дома: ловили рыбу, собирали ягоды и т.д. Косвенным подтверждением этого предположения могут служить сборники, составленные, видимо, из необходимых в дороге «пар» текстов, как например, сборник форматом всего $12,6 \times 10,5$ см с канонам Христу и выписками из сочинений Ефрема Сирина (НБ ТГУ, В-5902).

Вторая группа представлена четырьмя текстами, в их числе выписки из Пролога (ТОКМ, № 7051), «Житие Авраамия Ростовского» в I редакции (ТОКМ, № 7335), Житие Иоанна Златоуста (ИИ СО РАН, № 3/92) и др. Именно эта группа позволяет увидеть прагматический аспект обращения к письму на бересте — бытовую ситуацию отсутствия бумаги. Например, в одном из писем, адресованном Наталье Коноваловой, содержится просьба написать ответ, а для этого, как сообщает корреспондентка, «кладу лесток бумаги для писма» [7]. О сложностях с бумагой свидетельствуют мелкий, убористый полуустав некоторых из созданных насельниками рукописей и специфическая манера «экономии» листа, когда один текст записан поверх другого, в результате заполненными оказываются не только поля, но и пространство между строками [8].

Возможно, в этой ситуации берестяная копия уставного или четвего произведения заменяла отсутствующий в данной библиотеке экземпляр книги и была сделана для восполнения этого пробела. Рукописи на бересте становились своего рода множительным аппаратом для передачи необходимых конфессиональных текстов в пользование соседям, о чем свидетельствуют две записки, адресованные Наталье Коноваловой: «Книга свитых слов... и многа

слов Ефрема С(и)рина, слово Авраама и Исаака//Иосифа многа слов но все ни пирипишишь» и «...я бы и вчера пришла но я читала тебе (твою) книгу, апрастала, благодарю за книгу... Благодарю за то что ты мне другу дала но я не прочитала» [9]. Особо отметим здесь возможность заимствования технологии обработки бересты у коренного населения Сибири, в течение длительного времени широко использовавшего этот материал как в быту, так и для письма [10, с. 106–122].

И третья группа, на наш взгляд, наиболее интересная для палеографов, историков, диалектологов, представлена рисунками животных (рис. 3); хозяйственными записями (например, счет яиц, снесенных курами «Голубька... Кинарейка...») (рис. 4); письмами и записями личного характера, среди которых можно встретить не только описание происходящего: «1924 года пасха была 23 апреля было студено снегу было много ходили на лыжах везде...», «...Мы жили первую весну на новом месте в сестриный избе...» (ТОКМ, № 7106), но и размышления о своей жизни: «...Были маладыи и теперь состарерись ташили юнаи гадочик етемы речькам и пришнии залатыи денечки» (ТОКМ, № 8621/1071). Авторами большинства записей, если не всех из них, являются женщины («проводила пасху», «щитала» и т.д.).

Рис. 3. Рисунок медведя на бересте

Без преувеличения «жемчужиной» Томской коллекции являются дневниковые записи таежных насельников. События 1923–1929 гг. отражены в «Островном летописце», его автором могли быть два человека — либо Г.Коновалов, умерший в 1929 г., либо некий Григорий, память о нем как о человеке, построившем упоминаемый в тексте «ветряк», сохранила последняя жительница «поместий» В.И.Тиунова. Своего рода продолжением «местной летописи» является «Книга Пасхальная», написанная на бересте Натальей Коноваловой в 1956–1975 гг. [11] (рис. 5).

Важно подчеркнуть, что в этих бытовых по характеру текстах просматривается сохранение не только древнерусского летописного повествовательного канона [12], но и принципов оформления кириллического текста. Так, «Книга Пасхальная» содержит заставки и концовки, а сама она пишется по правилам церковнославянской орфографии и каллиграфии и, как установлено Г.Н.Стариковой, с четким разделением сфер: конфессиональное в ней оформляется полууставом, а личное, интимное — гражданской скорописью [13].

Эти тексты в совокупности с бытовыми и хозяйственными записями позволяют делать обоснованные суждения о языке, на котором писали и говорили таежные насельники. Так, Г.Н.Старикова на их примере отметила восстановление *и/ы* на месте бывших слабых редуцированных или между согласными, чаще — перед плавными. Названная черта, считает исследовательница, «характерна для большинства акающих среднерусских, а также уральских и сибирских говоров, вторичных по своему образованию» [2, с. 121].

Томская коллекция на бересте позволяет не только определить прежние места проживания ее владельцев, увидеть процесс обучения письму, но и обратиться к важнейшей для понимания феномена поздней кириллической традиции проблеме — какую роль в целом могла играть христианская книжность в среде крестьян-колонистов?

О роли кириллической книги в складывании, например, системы авторитетов староверия писали практически все исследователи, начиная с академика Н.Н.Покровского. Теоретически дело обстоит следующим образом: человек сначала создает или сохраняет конфессиональный текст, где фиксируются важные для него смыслы и устанавливается идейная граница с иноверным миром, а далее с помощью этого текста и на его основе пытается упорядочить собственную жизнь. На практике мы видим, что, апеллируя к одному и тому же набору авторитетных текстов (в любой общинной библиотеке можно обнаружить Евангелие, Псалтырь, Апокалипсис, Книгу о вере, сочинения Ефрема Сирина и Иоанна Златоуста и т.д.), коллекции старообрядческих общин существенно различаются по структуре и глубине модификаций [14].

Еще более сложной оказывается ситуация при исследовании сообществ, которые прямо не соотносят себя с определенным течением староверия, но тем не менее сохраняют и кириллическую книгу, и письмо кириллицей.

Следовательно, выявление общих для старообрядческих и нестарообрядческих таежных автономных поселений сакральных и социальных аспектов крестьянской литературы позволяет продолжить, во-первых, изучение региональных особенностей народной кириллической книжности, начатое В.И.Мальшевым, Н.С.Демковой, Е.И.Дергачевой-Скоп, Е.К.Ромодановской, Е.Б.Смилянкой, Т.Ф.Волковой и др. Во-вторых, на материале томских рукописей на бересте дает возможность установить, являлась ли традиция рукописания (конфессионального и бытового) самостоятельным средством поддержания единства изолированного от внешнего мира и ограниченного в ресурсах крестьянского коллектива.

В этом случае показательным становится не столько само письмо на бересте, сколько попытка таежных насельников путем освоения и сохранения кириллицы адаптироваться к новым условиям жизни и выработать эффективные средства внутригруппового взаимодействия [15, 16]. На примере

текстов, читаемых и создаваемых таежными насельниками Прикетья, мы можем увидеть, что кириллическое письмо становится своего рода «культурной памятью» — особой формой трансляции и актуализации культурных смыслов, продиктованной потребностями и интересами группы [17, 18].

Рассмотренная в контексте истории освоения русскими крестьянами северных районов Сибири Томская коллекция рукописей на бересте становится основой для постановки ряда вопросов: во-первых, о принципах введения в научный оборот столь своеобразных письменных источников, существенно расширяющих наши представления о репертуаре и путях формирования крестьянских библиотек XX столетия; во-вторых, о функциях христианской кириллической книги в конструировании взаимодействий разного типа и направленности: человек — текст /общество /природа. И, наконец, о способах, с помощью которых сообщество без четко оформленной конфессиональной доктрины и поддержки мирян-единоверцев на протяжении почти столетия выживало в условиях тайги и, даже контактируя с местными сибирскими народами, сохраняло осознание самих себя как православных людей, чья миссия сродни апостольской [19]. Полагаем, что их решение позволит понять, каким образом русский крестьянин-колонист в отрыве от культурной метрополии в чужеродной природной и социальной среде мог воспроизводить и сохранять базовые этноконфессиональные признаки.

Примечания

1. Бахтина О.Н. Сибирская крестьянская библиотека. Новые поступления Томского областного краеведческого музея // Государственные и частные библиотеки. Русская книга в дореволюционной Сибири. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1987. С. 139–161.

2. Бахтина О.Н. Берестяные книги в фонде редких книг Томского краеведческого музея / О.Н.Бахтина, Е.Е.Дутчак, Г.Н.Старикова // Провинция в русской культуре. II Ремезовские чтения. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2008. С. 110–121.

3. Приль Л.Н. Старообрядческие общины Прикетья и Причулымья в XIX – 80-х гг. XX в. (Опыт реконструкции жизнедеятельности): Автореф. дис... канд. ист. наук / Л.Н.Приль. Томск, 2002.

4. Колпашево // Архив археографической экспедиции ТГУ (ААЭ ТГУ). Тетр. 1. Л. 15–16.

5. Липинская В.А. Конфессиональные группы православного населения Западной Сибири // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 113–127.

6. Есипова В.А. Рукописи на бересте: проблемы описания и терминологии / В.А.Есипова, Т.Э.Куклина, А.М.Данченко // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2011. № 1 (13). С. 121–127.

7. Томский областной краеведческий музей (ТОКМ). Ф. 12676/18.

8. Томский областной краеведческий музей (ТОКМ). № 7112, 7113, 7338, 7339.

9. Томский областной краеведческий музей (ТОКМ). Ф. 12676/31 и 21.

10. Есипова В.А. Бумага как исторический источник (по материалам Западной Сибири XVII–XVIII вв.). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2003.

11. Публикации: Приль Л.Н. «Островной летописец» // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Томск: ТГОИАМ, 1995. Т. 8. С. 183–222; Мальцев А.И. «Книга пасхальная» — берестяной старообрядческий дневник за 1956–1975 гг. // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск: Наука, 1998. С. 263–272.

12. Бахтина О.Н. Старообрядческая библиотека XX века. Функциональный аспект // Теоретические и прикладные аспекты филологии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 258–261.

13. Старикова Г.Н. «Женские записки» старообрядческой коллекции: к проблеме единства содержания и формы текста // Вестник Новосибирского государственного университета. 2011. № 3 (в печати).

14. Бахтина О.Н. От «книги читаемой» к «человеку читающему»: из опыта работы археографической экспедиции Томского университета (1986–2006 гг.) // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья. Ч. 2: История, книжность и культура русского старообрядчества / О.Н.Бахтина, Е.Е.Дутчак. Ярославль: Ремдер, 2008. С. 285–299.

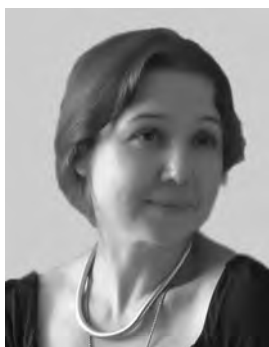
15. Приль Л.Н. Аспекты старообрядческого дневника: «Божий мир» и «апостольская община» // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Томск: ТГОИАМ, 1996. Т. IX. С. 150–164.

16. Дутчак Е.Е. Формирование этноконфессиональной идентичности в периоды социальных трансформаций, или Зачем крестьянину-колонисту христианская книга? // Россия и Запад в переходную эпоху от Средневековья к Новому времени (XVI – первая половина XIX в.). Екатеринбург, 2011 (в печати).

17. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

18. История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / отв.ред. Л.П. Репина. М.: Кругъ, 2006.

19. Примеры обратной ситуации см.: Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на севере Сибири, 1890–1914 гг. // Российская империя в зарубежной историографии. М.: Новое издательство, 2005. С. 199–227.

*И.А.Шалина**

Новгородское искусство первой половины — третьей четверти XVI века (сводный каталог памятников)

Предпринятое авторским коллективом комплексное, многоаспектное исследование произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства, созданных новгородскими мастерами в первой половине — третьей четверти XVI столетия, позволяет реконструировать и представить в наиболее полном объеме художественную жизнь Великого Новгорода; выявить десятки новых, пересмотреть атрибуцию или существенно уточнить датировку многих ранее известных памятников. Результатом проекта стало создание сводного каталога произведений новгородского искусства XVI в. и общедоступной электронной базы данных.

Представляемый научный проект предусматривал изучение всего новгородского художественного наследия первых трех четвертей XVI в., исполненного местными мастерами, как в самом Новгороде, так и в других центрах Руси. Этот значительный период совпадает с эпохами правления московского великого князя Василия III (1505–1533) и царствования Иоанна Грозного (1533–1584). Вместе с тем это время владычества в Новгороде знаменитых архиепископов: Макария (1526–1542), занявшего кафедру после длительного времени ее «вдовства», Феодосия (1542–1551), сменившего его Серапиона II Курцева (1551–1552), затем архиепископов Пимена (1552–1570), низложенного Грозным после разорения Новгорода, и Леонида (1571–1575). С уходом последнего архиепископская кафедра была превращена в митрополицию и началась новая страница церковной истории Новгорода (этим и определяется верхняя хронологическая граница исследования).

В отличие от немногочисленных научных обращений к той или иной области художественной жизни эпохи [1, 2, 24], было предпринято комплексное исследование всех дошедших до нас памятников декоративно-прикладного (шитья, скульптуры, литургической утвари) и изобразительного искусства (иконописи, миниатюры) в контексте истории развития новгородской архитектуры. Создание сводного каталога предполагало широкомасштабное выявление в музеях, рукописных фондах, частных и церковных собраниях всех дошедших до нас произведений, связанных с деятельностью новгородских мастеров того времени. Согласно музейной практике, их каталогизация и систематизация включали всестороннее изучение каждого как с иконографической, исторической, технологической, так и с художественной стороны.

Примечательно, что избранный период, непосредственно связанный с уничтожением последних проявлений независимости Великого Новгорода и как будто предполагавший сильное влияние Москвы, как показали исследования, оказался временем невероятного расцвета и художественной цель-

* Шалина Ирина Александровна — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела древнерусского искусства Государственного Русского музея, руководитель научных проектов «Новгородское искусство первой половины — третьей четверти XVI века (сводный каталог памятников изобразительного искусства и архитектуры)» (08-04-00331a) и «Автоматизированная информационная система “Новгородские памятники изобразительного искусства и архитектуры второй трети XVI века на Северо-Западных землях Московской Руси”» (09-04-12137в).

ности новгородского искусства, творческого взлета местных мастеров, нашедших новый и совершенно самостоятельный изобразительный язык. В памятниках, которые удастся связать с этим периодом, почти не прослеживается московского влияния — вывод неожиданный, идущий вразрез с утвердившимся в науке мнением о путях развития новгородского искусства XVI в. Это демонстрируют как возведенные здесь архитектурные сооружения и целые монастырские ансамбли, иконы, написанные и украшенные миниатюрами рукописи, так и многочисленные памятники прикладного искусства — деревянной резьбы, изделий из драгоценных металлов, шитья,ковки и пр. Поэтому значительное число памятников, ранее связываемых со столичной культурой, было решительно пересмотрено в пользу новгородской атрибуции, что, в свою очередь позволило реконструировать искусство Новгорода XVI в. как цельный художественный процесс.

Своеобразие местной культуры этого времени определялось рядом причин. Завершение многовекового периода независимости древнего города и драматический процесс его вхождения в состав единого государства, продолжавшийся более четверти века, сопровождались, с одной стороны, экономическими успехами, с другой — заметным духовным упадком. Это становится очевидным при рассмотрении икон и лицевых рукописей, создание которых наиболее точно выражает внутреннее состояние художественного центра. Таких памятников оказалось немало, что свидетельствует о продолжении традиции, но все они отличаются заметным архаизмом стиля и письма, восходят к иконографии и образцам предшествующего столетия и с трудом укладываются в определенные хронологические рамки. Ярким примером служит группа Царских врат первой четверти XVI в. (ГТГ, ГРМ, ЦМиАР, ГЭ) [3, 4], которые явно связаны с одной мастерской, обслуживавшей провинциальные храмы и монастыри и отличавшейся едиными художественными приемами. К ней тяготеют и собственно новгородские памятники, выполненные в ведущих мастерских города, например икона «Битва новгородцев с суздальцами» [5, ил. 164], Царские врата из собрания Н.П.Лихачева (ГРМ) [5, ил. 133], также отличающиеся заметной архаизацией стиля.

С другой стороны, появление в Новгороде иного рода произведений, подобных страстному и пророческому рядам 1509 г. большого иконостаса Софийского собора, судя по источникам и стилю, написанных московскими мастерами [6], подтверждает мысль о сильном влиянии столичных идей при архиепископе Серапионе. Эти идеи активизировались после отстранения владыки, с уходом которого были разрушены последние видимые атрибуты новгородской независимости. Изучению созданных во второе десятилетие памятников было уделено немалое внимание, однако присущие им особенности показали определенную «чужеродность» их единому, стилистически узнаваемому пласту новгородского искусства второй и третьей четверти XVI в.

Поскольку принято считать, что ведущие направления новгородского искусства первой половины столетия связаны с Москвой, окончательно подчинившей себе Новгород, все происходившие здесь наиболее яркие и самобытные явления чаще рассматривались либо как провинциальные, архаизирующие, либо как развивающиеся под непосредственным влиянием столицы, обаянием искусства которой объясняли появление высокохудожественной продукции.

Это касалось памятников, стиль которых отличался от традиционного искусства древнего Новгорода, почему они приписывались художникам промосковских эстетических вкусов. Работа над созданием сводного каталога полностью опровергает и это мнение.

Еще в XIX — начале XX в. сложилось довольно размытое понятие *Макарьевская школа живописи* [7]. В историю искусства [8] это понятие ввели знатоки рукописного наследия, признавшие существование при дворе архиепископа Макария особой мастерской, в которой были объединены писцы и миниатюристы, что определило кодикологическую и художественную близость новгородских книг второй четверти XVI в. [9]. Исследователи не исключали возможности создания в ней целого ряда живописных произведений. Некоторое время назад мы предприняли попытку более глубокого изучения этого явления, выделали основные иконы владычных художников, сформулировали особенности их стиля и художественной образности [10].

Однако только в процессе создания сводного каталога удалось определить и последовательно рассмотреть все произведения, связываемые с деятельностью Макарьевской мастерской. Это стало возможным благодаря параллельному изучению лицевых рукописей, созданных в скриптории Святой Софии при непосредственном участии Макария, шитья, исполненного во владычной мастерской, а также икон, рисунок для которых, как и для шитых произведений, значили одни рисовальщики — создатели миниатюр. Комплексное изучение дошедших до нас памятников позволило отчетливо выделить тот круг произведений, который с большой долей вероятности можно теперь связывать с мастерами и традициями архиепископской мастерской в Новгороде.

Поскольку личность владыки Макария оказалась ключевой для понимания тех изменений, которые в столь короткий срок произошли в художественной жизни Новгорода [11], изучению его жизни и проводимых им реформ мы уделили особое внимание. Важным этапом в формировании духовных взглядов и художественных вкусов будущего святителя, любви к книжному письму и иконописанию стало его игуменство в Пафнутьево-Боровском монастыре, известном высокими традициями и вниманием к внешнему благолепию. Вместе с тем назначение на новгородскую кафедру, пустовавшую перед тем в течение 17 лет, свидетельствует о промосковской ориентации Макария, преданности его официальным идеям эпохи, в том числе и взглядам иосифлян. Действительно, пребывание Макария в Новгороде отмечено активным церковным строительством (только за первые десять лет возведено 27 храмов, получивших богатое убранство); обновлением местных святынь, реконструкцией и украшением Софийского собора (в нем формируется высокий иконостас, иконы окладываются драгоценным убором, возводится резной амвон) (рис. 1). Но главное детище Макария — составление Великих Четых Миней, для чего создается скрипторий, где переводят, переписывают огромное число книг, богато иллюстрированных миниатюрами. Очевидно, что на годы грандиозного размаха художественных работ в Новгороде должен был приходиться и расцвет иконописания, лицевого шитья и декоративно-прикладного искусства в целом. Это подтверждает значительное число памятников, выявленных, атрибутированных и датированных в процессе работы над проектом.

Рис. 1. Икона «Огненное восхождение пророка Ильи на небо». 1530-е гг. Новгород, мастерская архиепископа Макария. Частное собрание при Фонде Святого и Всехвального апостола Андрея Первозванного (Москва)

Новый художественный стиль Новгорода можно проследить, начиная с иконы Богоматери Грузинской 1523 г. (ГРМ), написанной для Успенского собора Тихвинского монастыря накануне появления Макария в Новгороде [12, с. 196]. Наряду с усилением монументальности образа, в живописи проявляется графичность, которую предшествующие исследователи связывали с московским искусством. Между тем именно этот памятник отражает новый этап развития новгородского искусства макарьевского времени, для которого

выразительность линии становится главным художественным эффектом. Это подтверждает Евангелие, написанное по заказу самого Макария (ГИМ, Муз. 3878) для Пафнутьево-Боровского монастыря «в память по своей душе и по своих родителях» и сохранившее подробную запись о создании книги в Новгороде в 1532 г. [13].

Внушительный перечень мастеров различных специальностей, трудившихся над изготовлением этой роскошной рукописи, высокие художественные достоинства позволяют предполагать ее создание в крупной мастерской. Наряду с не свойственными новгородской культуре хрупкостью и элегантностью образов, нежным разбеленным колоритом, определяющей становится роль контура, уверенной линии легкого подвижного рисунка. Созданный мастером мир оказывается весьма далеким от традиционных представлений о новгородском искусстве: не остается и следа от характерной живописной пластики, интенсивности колорита, мощи и экспрессии образов.

Бликий характер имеет другое Евангелие, исполненное на год позже по заказу новгородца Перфирья Пенкина и вложенное им в 1534 г. в Александро-Свирский монастырь (ГИМ, Муз. 352) [9]. В миниатюрах этой рукописи еще более заметно нарастание графичности и декоративности (рис. 2). Очевидно, что вклеенные иллюстрации обеих книг исполнены разными мастерами, но их кодикологические особенности, тип неовизантийского орнамента и заставок позволяют связывать их с одной художественной мастерской, в которой, по мнению Е.И.Серебряковой, выполняли орнаментуку всех трех комплектов Великих Четых Миней архиепископа Макария, работа над которыми началась около 1529 г. Это приводит к мысли о создании большого владычного скриптория при Софийском доме именно в те годы. Все связываемые с ним многочисленные и близкие по стилю рукописи обладают индивидуальными графическими манерами, что говорит о большом числе работавших там изографов.

Важнейшим памятником скриптория является лицевое Житие Нифонта (ГИМ, Муз. 340) 1530-х гг. [14], миниатюры которого отличаются легким и быстрым перьевым рисунком, просвечивающим сквозь полупрозрачную раскраску. Графические манеры рукописи позволяют предполагать, что их авторы выполнили подготовительные рисунки целого ряда новгородских икон. Первой манере, отличающейся большей традиционностью, иконописной устойчивостью небольших, но вполне монументальных композиций, невысокими, чуть угловатыми фигурами, близка храмовая икона церкви Феодора Стратилата на Ручью (НГОМЗ) [5, ил. 216–220]. Ее миниатюрно исполненные клейма сродни иллюстрациям житийного цикла, а изысканность центральной фигуры мученика, одетого в богато украшенные доспехи, напоминает декорацию книжных переплетов. Эти наблюдения позволяют датировать икону рубежом 1530–1540-х гг., а в ее знаменщике — видеть одного из рисовальщиков архиепископского скриптория.

Утонченность образов иконы находит аналогии в рисунке миниатюр других рукописей, например в дополненных в 1540-е гг. листах Толковой Палеи 1477 г. (ГИМ, Синод. 210). Уточнение даты этих иллюстраций, ранее относимых ко второй половине XVI в., стало возможно при сравнении их с датированной шитой пеленой «Богоматерь Молебная, с причащением

Рис. 2. Евангелист Лука. Миниатюра Евангелия Апракос. 1534 г., из Александро-Свирского монастыря. Новгород, архиепископская мастерская (ГИМ, Муз. 352)

Марии Египетской» 1542 г. из Преображенской церкви на Розважи улице (ГРМ) [15, ил. 35], рисунок которой значил мастер того же круга.

С другой манерой «Жития Нифонта» с еще большей уверенностью можно связывать икону «Андрей Юродивый в житии» (ГРМ) [12, с. 131] (рис. 3), ранее соотносимую с московским искусством начала XVI в. В процессе работы над проектом были проведены исследования, подтверждавшие новгородское происхождение памятника. В ИК-лучах зафиксирован подготовительный рисунок, характер которого повторяет графический стиль макарьевских миниатюр. Еще одно наблюдение доказывает создание иконы в большой мастерской, где функции рисовальщика и живописца были разделены: в слое подготовительного рисунка повсеместно видны буквенные обозначения цветов, рекомендуемых иконописцу для последующей раскраски, что встречается лишь на иконах, написанных в крупных центрах, где работа распределялась между различными мастерами. Заметим, что создание немалого числа житийных икон с редкой иконографией (Андрея Юродивого, Иоанна Милостивого, Федора Стратилата, Варлаама Хутынского) подтверждает совместную работу над ними изографов и миниатюристов, украшавших рукописи с аналогичными житийными лицевыми циклами.

Формообразующий подготовительный рисунок стал основой художественных приемов новгородского искусства всей второй четверти XVI в., причем не только иконописи, но и шитья, даже памятников прикладного искусства. Он ощутим, например, в таких монументальных произведениях, как резные фигуры амвона Софийского собора, созданного, согласно летописи, архиепископом Макарием в 1533 г. [15, ил. 38–39]. Целый ряд других икон, ранее связываемых с московским влиянием и отнесенных к началу XVI в., теперь с полным правом можно считать работой владычных мастеров Софийского дома. Это храмовая икона «Рождество Иоанна Предтечи» 1530-х гг. [5, ил. 163], видимо, ставшая благодарением самого Макария за рождение в великокняжеской семье вымоленного им Иоанна Васильевича.

Внимание к этому событию подтверждают исследования архитектурных ансамблей Новгорода, где в 1532 г. появляется несколько приделов с таким посвящением. Новое отношение к форме, которая все более превращается в уплощенный объем, очерченный и фиксированный на плоскости жестким контуром единого и цельного силуэта, позволяет пересмотреть датировку целой группы икон, прежде всего «О тебе радуется» (ГРМ), «Огненное восхождение пророка Ильи» (частное собрание), а также «Св. Георгий» (НГОМЗ), «Троица Ветхозаветная» (ГРМ) (рис. 4), две иконы, обычно датируемые началом XVI в., «Чудо архангела Михаила о Флоре и Лавре» (ГТГ) [12, с. 126; 5, ил. 201, 202, 171, 172]. Приемы исполнения их восходят к манере иллюстраций Христианской топографии Козьмы Индикоплова (РГБ. Ф. 173. Собр. МДА, 102), которые Е.И.Серебрякова датирует теперь рубежом 1530–1540-х гг. и связывает создателей с Царским списком Великих Четых Миней, тогда же исполненного в мастерской Макария.

Крайним по экспрессивности графического языка и наиболее выраженной роли подготовительного рисунка является направление, которое, на наш

Рис. 3. Икона: Андрей Юродивый, с житием в 18-ти клеймах. 1530–1540-е гг. Новгород, архиепископская мастерская. Государственный Русский музей. Фрагмент

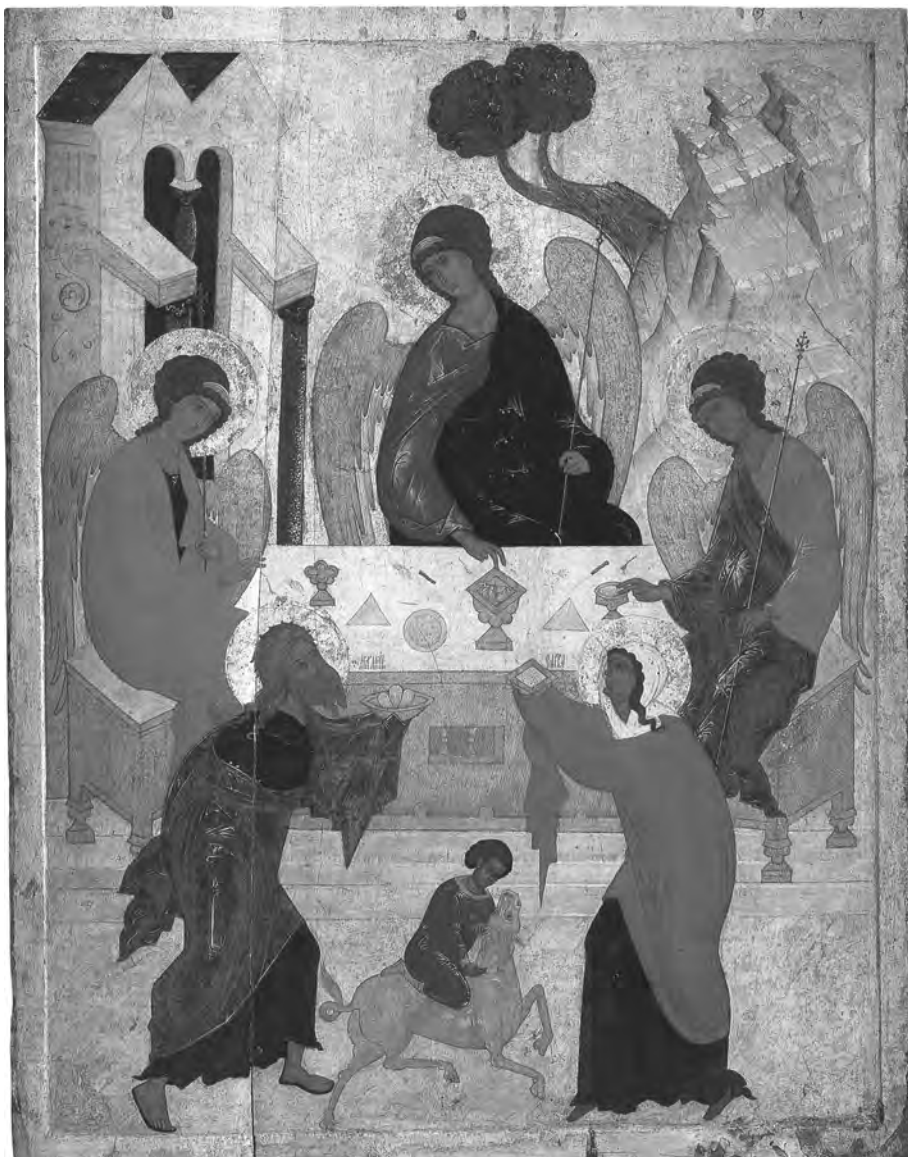

Рис. 4. Икона «Троица Ветхозаветная». 30–40-е гг. XVI в.
Новгород. Государственный Русский музей

взгляд, занимало в мастерской ведущее положение и сформировалось к 1540-м гг., совпав с последним периодом пребывания Макария в Новгороде. Ранним примером такого стиля являются иллюстрации Софийского списка Христианской топографии Козьмы Индикоплова, около 1541 г. (РГАДА, Оболен, 159) и примыкающих к нему рукописей, например миниатюр Успенского списка Христианской топографии, 1542 г. (ГИМ, Син. 997), Апокалипсиса 1530–1540-х гг. (ГИМ. Хлуд. 7) (рис. 5), отмеченных ярко вы-

раженным маньеристическим началом. К этому направлению относятся иконы, в которых определяющим стал чрезвычайно энергичный рисунок: «Покров Богородицы» из собрания Н.П.Лихачева (ГРМ), мотивы и приемы которой буквально повторяют «Топографию» и позволяют видеть в их исполнителях того же мастера; храмовый образ церкви Спаса Преображения на Нередице (НГОМЗ) [12, с. 134; 5, ил. 177], где все отмеченные черты принимают экстремальное выражение.

Рис. 5. «Богородица на престоле (Рай)». Фрагмент иконы «Страшный Суд». 1540-е гг. Новгород, архиепископская мастерская, Государственный Русский музей

Особое направление Макарьевской мастерской представлено иконами иконостаса Рождественского придела Софийского собора, которым мы посвятили отдельное монографическое исследование [16]. Рождественские иконы отличаются подвижностью построения, красочными эффектами с мерцающими красками, придающими живописи качество драгоценной поверхности. Бурное движение, сложные ракурсы, закрученные концы тканей, истонченные

силуэты фигур демонстрируют неумную графику изографов, что позволяет датировать комплекс концом 1540-х гг. и видеть в нем работу ведущих мастеров архиепископской мастерской. С рождественскими иконами можно объединить целый ряд памятников других музейных и частных собраний, например образ Ветхозаветной Троицы (ВСМЭ), вложенный новгородцем в Покровский Суздальский монастырь [17, № 31].

Окончательно сложившийся к середине столетия единый стиль Макарьевской мастерской приобретает художественную цельность и отточенность приемов. Примечательно, что они проявляются и в памятниках середины столетия, т.е. написанных теми же художниками уже после отъезда в 1542 г. Макария в Москву, что заставляет пересмотреть традиционную точку зрения о переезде вместе с ним изографов новгородской мастерской. По-видимому, многие из них, выполняя московские заказы, оставались в Новгороде и продолжали работать в созданном здесь скриптории. Об этом свидетельствуют и сами рукописи, написанные здесь и сохранившие вкладные записи: Апостол Михалицкого монастыря 1545 г. (РНБ, Соф. 45), Псалтирь 1548 г. (ГИМ, Увар. 82), Апостол 1540-х гг. (РНБ, Ф. I. 60), Топография Козьмы Индикоплова (РГБ. Собр. МДА. 102).

Наряду с «маньеристическим» направлением, художественный стиль мастерской развивался в другом, более традиционном направлении, но авторский рисунок и здесь предопределял графический характер живописи. Такова икона начала 1540-х гг. «Премудрость созда себе храм» (ГТГ) из Мало-Кириллова монастыря [5, ил. 205–207]. Иконы этого направления также отражают определенную рукописную манеру, прежде всего миниатюр Топографии Козьмы Индикоплова (РГБ. Собр. МДА, 102) и Жития Феодора Эдесского с деяниями апостолов Петра и Павла (БАН, 34.3.5). Памятники исполняла иная группа мастеров 1540-х гг., сохранивших традиционные для новгородского искусства пластику объемов, устойчивость композиций и насыщенный колорит. С их деятельностью явно связано несколько икон, которые происходят, как мы установили, из Антониева монастыря в Новгороде. Этому комплексу посвящены отдельные статьи, в которых особое внимание уделено иконам-спилкам из собрания В.А.Прохорова и Н.П.Лихачева (ГРМ): клеймам житийной иконы св. Георгия 1544 г., иконам-притчам (ГРМ), некогда составлявшим северную дверь соборного монастырского иконостаса, фрагментам Страшного Суда, а также сени и столбикам от несохранившихся Царских врат [18, 19].

Происхождение икон из Антониева монастыря подтверждают как письменные источники, так и стилистическая близость с памятниками этого ансамбля (НГОМЭ). Колористическая звучность сочетается в них с декоративностью плотной красочной поверхности, каллиграфичностью линии, орнаментальностью изображений, уподобляющих иконное поле богато украшенной миниатюрной заставке. Другая примета — замысловатая архитектурная графика, напоминающая формы храмов второй четверти XVI в., например церкви Сретения 1535 г. в самом Антониевом монастыре. Все эти иконы чрезвычайно близки миниатюрам рукописи Козьмы Индикоплова, около 1550 г. (МДА, 102), иконный характер которых отразил художествен-

ный вариант стиля середины века, культивировавший не только утонченную графику и стремительность рисунка, но и колористическую насыщенность образов. Возможно, такой стиль более импонировал архиепископу Феодосию, сменившему на кафедре Макария.

Художественное единство отмеченных памятников, куда входит и большая группа других миниатюр и шитых пелен, покровов, деревянной резьбы, произведений из драгоценных металлов, не означает, что в эти десятилетия в Новгороде не было иных направлений в искусстве. В городе работало сразу несколько посадских мастерских, обслуживавших потребности многочисленных городских и пригородных церквей: с одной из них связано создание праздничного ряда иконостаса Преображенского собора на Нередице [5, ил. 195–197], с другой — два более поздних ансамбля — Антониева монастыря, церкви Петра и Павла в Кожевниках [20].

Среди продукции мастерских встречаются как произведения высокого качества, так и менее совершенные иконы, отвечавшие вкусам посадского населения города. Те же явления мы наблюдаем в шитье, произведениях резьбы и изделиях из металла. Определенное падение мастерства, наблюдаемое в памятниках 1560–1570-х гг., могло быть связано с отъездом лучших новгородских мастеров в Москву для работы в царских палатах — именно на эти годы приходится создание самых известных лицевых рукописей грозненской поры и икон кремлевских иконостасов, среди которых в процессе работы над каталогом были выделены и собственно новгородские памятники.

Целую группу икон и изделий прикладного искусства, ранее связываемую с искусством других центров, мы склонны теперь приписывать работе новгородских мастеров [например, 12, с. 37, 38]. Прежде всего это относится к собранию икон Соловецкого монастыря, написанных при игумене Филиппе, тесно связанном с Новгородом, где были многочисленные родовые владения семьи Кольчевых и в сфере владычной юрисдикции которого находились Соловки. Духовную связь игумена с новгородской культурой, а также активное участие в проводимой здесь монастырской реформе подтверждает создание в Новгороде большинства храмовых икон иконостасов Соловецких храмов [21. № 9, 41 и др.].

Много открытий сделано в области новгородского лицевого шитья второй—третьей четверти столетия, о котором до сих пор нет ни одного обобщающего исследования; произведения остаются не выявленными в музейных собраниях, а большая часть опубликованных атрибутированы как московские памятники XV–XVI вв. В результате работы над проектом Е.Ю.Катасоновой выделено шитье 1540–1560-х гг., которое впервые связано с деятельностью архиепископской мастерской Новгорода [22]. Выявленные в музейных собраниях и сведенные воедино в каталоге, они не только были датированы, но для многих из них установлено происхождение. Так, покров преп. Варлаама Хутынского (ПГИАХМЗ), традиционно датируемый XVII в., признан утраченным во время войны с раки чудотворца и вложенным, согласно ранее существовавшей вкладной надписи (теперь ее нет), в 1541 г. в Хутынский монастырь Марфой Богдановой, женой Куракова (рис. 6).

Рис. 6. Шитый покров: Преподобный Варлаам Хутынский. 1541 г.
Из Спасо-Преображенского Хутынского монастыря близ Новгорода.
Вклад Марфы Богдановой Кураковой. Новгород. Псковский государственный
объединенный историко-архитектурный художественный музей-заповедник

Рис. 7. Шитый покров: Преподобный Никита Новгородский. Конец 1550-х гг.
Новгород. Из Новгородского Софийского собора.
Новгородский государственный объединенный музей-заповедник

Многие из опубликованных в музейных каталогах новгородские памятники получили новую датировку, например покров Ионы Отенского начала 1540-х гг., хоругвь «София Премудрость Божия» конца 1550-х гг. Обширная группа шитья, в свое время связанная Н.А.Маясовой [23] с московской мастерской боярыни Настасьи Овиновой и датированная началом XVI в., отнесена Е.Ю.Катасоновой к искусству новгородских мастериц архиепископской мастерской Софийского дома 1550–1560-х гг. (пелены Иоанна Новгородского и Никиты Новгородского с митрополитом Петром (ГММК) (рис. 7), покров на гроб Арсения Коневского в Коневском монастыре из музея в Куопио, Финляндия). Следует отметить, что все атрибуции и датировки были основаны не только на изучении документальных и архивных материалов, иконографии и стиля памятников, но и на технологическом исследовании приемов и особенностей шитья.

Таким образом, составленный в процессе работы над проектом сводный каталог памятников иконописи, миниатюры, шитья, деревянной резьбы, изделий из металлов, созданных в Новгороде или в других городах Руси новгородскими мастерами в первые три четверти XVI в., впервые демонстрирует значительный пласт художественного наследия крупнейшего древнерусского центра, не только не потерявшего яркости и самобытности после утраты городом независимости, но во многом определившего высокий уровень и особый характер искусства Московского царства середины — второй половины столетия.

Литература

1. Гордиенко Э.А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001.
2. Сорокатый В.М. Храмовое строительство и иконостасы Великого Новгорода в середине — второй половине XVI в. // Древнерусское искусство: Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003.
3. Лаурина В.К. Об одной группе новгородских провинциальных царских врат // Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 145–178.
4. Каталог собрания ЦМиАР. Сер.: Иконы. Вып. I: Иконы Твери, Новгорода, Пскова XV–XVI вв. / Ред.-сост. Л.М.Евсеева, В.М.Сорокатый. М., 2000. Кат. № 36. С. 161–163 (Е.А.Озерская).
5. Новгородская икона XII–XVII веков / Авт.-сост. Д.С.Лихачев, В.К.Лаурина, В.А.Пушкарев. Л., 1983.
6. Сарабьянов В.Д. Иконостас Софии Новгородской 1509 года: новгородская основа и московские традиции // От Царьграда до Белого моря: Сборник статей по средневековому искусству в честь Э.С.Смирновой. М., 2007. С. 485–526.
7. Щепкин В.Н. Новгородская школа иконописи по данным миниатюры // Труды XI Археологического съезда в Киеве в 1899 г. М., 1902. Т. 2. С. 183–208.
8. Кондаков Н.П. Русская икона. М., 1914. Т. 1. С. 28, 42, 47; Т. 2. С. 255, 287 и др.
9. Серебрякова Е.И. Об орнаментальном убранстве рукописей Макариевской книгописной мастерской // Русское искусство позднего средневековья: XVI век. С. 426–439, с библиогр.

10. Шалина И.А. Макарьевская школа живописи в Новгороде // Государственный Русский музей. Страницы истории отечественного искусства XVI—XXI века. Вып. XI. СПб., 2005. С. 5—26.
11. Андреев Н.Е. Митрополит Макарий как деятель религиозного искусства // *Seminarium Kondakovianum*. VII. Praha, 1935. С. 227—243.
12. «Пречистому образу Твоему поклоняемся...». Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. СПб., 1995.
13. Георгиевский В.Т. Евангелие 1532 г. архиепископа Новгородского Макария, хранящееся в Пафнутиевском Боровском монастыре // *Светильник*. 1915. № 1. С. 8-15; № 3—4. С. 3—7.
14. Щепкин В.Н. Житие Нифонта лицевое XVI века // Российский исторический музей: Описание памятников. Вып. 2. М., 1903.
15. Плешанова И.И., Лихачева Л.Д. Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л., 1985.
16. Шалина И.А. Иконостас придельного храма Рождества Богородицы Софийского собора в Новгороде / Серия «Выдающиеся иконостасы Древней Руси». М., 2011.
17. Иконы Владимира и Суздаль // *Древнерусская живопись в музеях России*. М., 2006.
18. Шалина И.А. Житийные клейма иконы святого Георгия из собрания Государственного Русского музея и живопись Новгорода второй четверти XVI века // *Искусство Христианского мира*. XI. М., 2009. С. 336—358.
19. Шалина И.А. Об одной группе новгородских памятников второй четверти — середины XVI века в собрании ГРМ // *Страницы истории отечественного искусства*. ГРМ. Вып. XVIII. СПб., 2010. С. 110—132.
20. Сорокатый В.М. Иконостас новгородской церкви Петра и Павла в Кожевниках // *Древнерусское искусство: исследования и атрибуции*. СПб., 1997. С. 286—309.
21. Сохраненные святыни Соловецкого монастыря. Каталог выставки. М., 2001.
22. Катасонова Е.Ю. Группа памятников новгородского шитья 1540—1560-х гг. // *Убрьсь. Церковное шитье: история и современность*. Вып. 13/14. СПб., 2010.
23. Катасонова Е.Ю. Два новгородских лицевых покрыва XVI в. // Там же. Вып. 12. СПб., 2009. С. 46—54.
23. Маясова Н.А. Светлица новгородской боярыни в Москве // ПКНО. Ежегодник. 1985. М., 1987. С. 330—344.
24. Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XVI—XVII веков / Ред.-сост. И.А.Стерлигова. М., 2008.

*Н.Ю.Васильев**

Зарубежный дизайн 1960–1990-х годов

В статье рассматриваются новаторские поиски и разработки в формообразовании зарубежного дизайна 1960–1990-х гг. как систематизированная структура концептуально-поисковой художественной деятельности и одновременно как методологический поворот в проектировании, оказавший значительное влияние на формообразование во взаимосвязанной системе проектных искусств.

Коллажное формообразование трактовано как намеренный отказ от визуальной целостности, органичной структуры, единой стилистики, символики, функции и традиционных масштабных соотношений объекта проектирования.

Экспериментальный дизайн в странах Запада в 1960-е и 1970-е гг. приобрел не столько функциональное, сколько художественное значение (арт-дизайн) и был направлен на преодоление стереотипности предметов, на отказ от однообразия интерьеров, а также на снятие монотонности городской среды. С того времени коллаж стал использоваться как мощное средство художественной выразительности и не потерял своей значимости до сих пор. Особенно ярко механизм коллажного формообразования проявился в дизайне, причем раньше, чем в иных проектных искусствах. Эта сторона творческого процесса, до сих пор остающаяся актуальной, в центре внимания автора данной статьи.

Если зарубежный промышленный дизайн достаточно хорошо изучен, то авторский дизайн постмодернизма до сих пор еще не был предметом серьезного научного анализа. Он рассматривался главным образом в некоторых персональных творческих монографиях, где вопросы методологии формообразования практически не раскрывались. Между тем именно в этот период в сфере дизайна была освоена многосмысловая трактовка коллажа, созревшая в значительной степени под влиянием семиотических концепций философов (У.Эко, Р.Барта) и архитекторов-теоретиков (Р.Вентури, Ч.Дженкса, П.Портогези). Новая трактовка коллажа значительно изменила профессиональные представления о формообразовании во всех проектных искусствах.

Американский архитектор, дизайнер, теоретик Роберто Вентури показал, что не случайно новые приемы в дизайне и архитектуре были восприняты как удар по устоявшемуся профессиональному вкусу («Сложность и противоречия в архитектуре». 1962; «Уроки Лас-Вегаса». 1972, вместе с Д.Скотт Браун). Он и другие авторы (Ч.Дженкс, П.Портогези, А.Бранци, Б.Мунари) обратили пристальное внимание на символическую и культурную составляющую архитектурной формы. Они и сами опробовали ряд приемов создания смыслового коллажа, связав его с историческим контекстом.

Общекультурное распространение постмодернизма в 1980-е гг. убедительно обосновал итальянский писатель и семиотик Умберто Эко,

* **Васильев Николай Юрьевич** — искусствовед, аспирант НИИТИАГ РААСН, руководитель проекта «Зарубежный дизайн 1960–1990-х годов» (08-04-00242а).

непосредственно общавшийся с ведущими мастерами архитектуры и дизайна. Проанализированы теоретические тексты выдающихся мастеров проектных искусств, таких как Б.Мунари, называвшего дизайн средством возврата творческой фантазии в архитектуру, Г.Пеше, А.Бранци, порицавших отрыв архитекторов-модернистов от реального потребителя и указавших путь приближения архитектуры к человеку через дизайн. Особое место отведено широкомасштабной теоретической деятельности Алессандро Мендини, который ввел понятия «редизайн» и «банальный дизайн». Согласно своей теории, Мендини подвергал редизайну уже успевшие стать классикой дизайна произведения, тем самым превращая их в новые, ироничные объекты.

В начале XX в., задолго до постмодернизма коллаж как особый тип композиции, как художественный прием сложился в творчестве П.Пикассо и кубистов. Однако очевидно радикальное отличие этого приема, представлявшего собой соединение или изображение разных материалов и фактур, которые «работают» в необычном сочетании, от современного коллажа — многосмыслового. Так, М.Дюшан создал скандально известное произведение «Мона Лиза» не столько для эпатажа, сколько для демонстрации коллажа нового типа с использованием общеизвестных символов, так называемых гиперссылок. Метод был подхвачен художниками поп-арта («Мэрилин Монро» в плакатах Э.Уорхола и др.).

Смысловой коллаж с гиперссылками на целую цепь культурных кодов назван автором данной работы объектно-ориентированным, так как цитаты и гиперссылки стали особой формой предъявления проектных достижений в формообразовании предшественников и призваны придавать дополнительную сложность и глубину новым произведениям, теснее связывать их с культурным контекстом [1].

Использование гиперссылок в концептуальном дизайне ведущих мастеров постмодернизма позволило связать образы проектируемых предметов с профессиональными символами и мифологемами, создать подчеркнуто индивидуальные образы произведений. К примеру, образ Микки-Мауса был использован Аратой Исодзакэ в проекте «Тим Дисней Билдинг» (рис. 1), что позволило создать неординарный коллаж с гиперссылками и сделать архитектурное произведение намного более сложным.

Так, коллажная методология постмодернизма, которая построена на использовании прототипов, извлеченных порой сразу из нескольких видов искусств, продемонстрирована на таких произведениях А.Мендини, как кресло под названием «Пруст» (барочная форма, раскраска, напоминающая увеличенный под лупой фрагмент холста живописца-пуантилиста и название, отсылающее к сложнейшему ассоциативному мышлению французского писателя (рис. 2)).

Для подтверждения осмысленности такой «междисциплинарной» трактовки коллажного формообразования переведены и рассмотрены не публиковавшиеся на русском языке тексты Мендини, провозгласившего «свободное объединение вкладов многих дисциплин, всегда представленных вместе и никогда — самих по себе, всегда используемых в соотношении с другими и никогда — изолированно» [2, с. 37] (рис. 3).

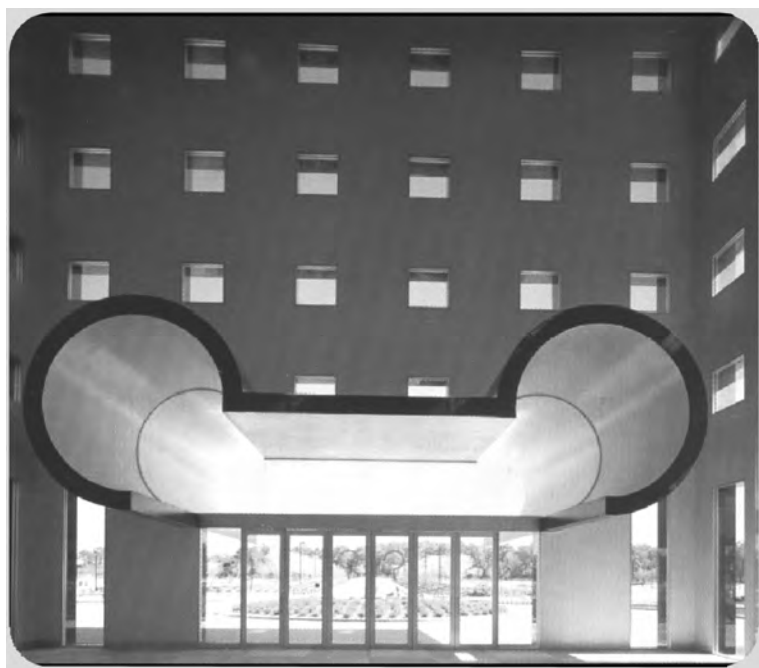

Рис. 1. Тим Дисней Билдинг. Орландо, Флорида, США, 1987–1990

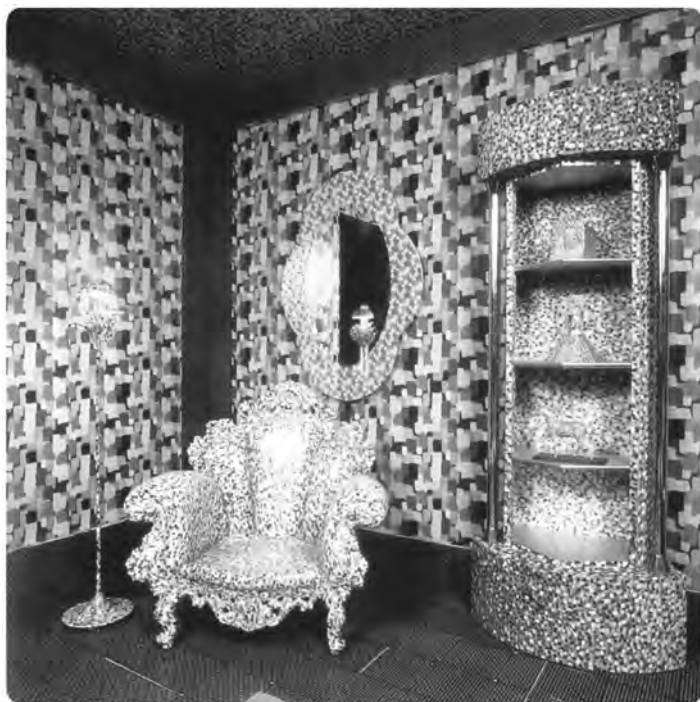

Рис. 2. Мендини. Пруст в инсталляции. Интерьер интерьера. Милан, 1991

Рис. 3. А.Мендини, Ф.Старк, группы «Студия Алхимия» и «Кооп Химмельблау». Музей в Гронингене

Процесс разрушения рациональной эстетики модернизма захватил Италию, лидировавшую в промышленном дизайне в период модернизма («туринская школа» во главе с братьями П.-Дж., Л. и А. Кастильоне, фирма «Оливетти» — с Э.Соттсассом). Массовое выступление многочисленных радикальных итальянских архитектурно-дизайнерских групп («Суперстудио», «Архизум», «УФО», «Группо Струм», «Группо 9999», «Каварт», «Либидарх», «Зиккурат» и др.) на 15-м Миланском триеннале (1969) вылилось в самостоятельное течение, отрицавшее утилитарность, что породило термин «анти-дизайн». Междисциплинарный характер произведений, созданных участниками этих групп, проявился в проектировании градостроительных объектов чисто художественными средствами, в отличие от прагматики реального городского планирования и в противовес распространению унифицированной корбюзинской среды (работы Дж.Маринелли и др.). К концу 1960-х гг. на первый план вышла самоценность проекта как художественного произведения (например, работы флорентийской группы «Суперстудио» выполнены в технике фотоколлажа, а не традиционных чертежей).

Существенную роль приобрела игровая составляющая дизайнерского произведения, когда публика вовлекается в игру, подразумевающую угадывание разнообразных смыслов, заложенных в него. «Зашифрованными» в данном случае могут стать и истинная функция объекта, и источники цитат, формирующих его облик, и многое другое. В этом отношении характерен «Ринг для переговоров» (рис. 4), в котором совмещены, с одной стороны, смысловые аспекты, такие как бизнес и спорт, а с другой — стилистические аспекты — ар-деко и поп-дизайн, поэтому его надо назвать каноническим примером новой методологии формообразования. Не случайно во многих изданиях фигурирует одна и та же его фотография: на боксерском подиуме восседают участники творческих акций группы «Мэмфис» (Э.Соттсасс, М. де Люкки, М.Умеда, Н. де Паскье, Ж.Соуден и др.).

Рис. 4. «Tawaraya», М.Умеда, группа «Мэмфис», 1981

Анализ подобных коллажных работ показал, что эстетика абсурда, действенность которой была открыта в начале XX в., также вошла в массовый дизайн, легко перенимающий идеи именитых профессионалов. В становлении нового дизайна стилистика авангарда стала основой геометризации форм и дала методологию коллажа; эстетика ар-деко обусловила декоративную стилизацию; дадаизм, сюрреализм и поп-арт предопределили развитие объектно-ориентированного коллажа, увлечение игрой и связь с массовой культурой.

Выставки и конкурсы на «бумажные» проекты стали полигоном для отработки новых принципов формообразования, не очевидных в промышленном дизайне.

Антифункциональная направленность нового дизайна ярко проявилась в выставочных объектах для галереи «Студия “Алхимия”» (рис. 5) и была характерна для работ группы «Мемфис», созданной Э.Соттассом (1981). В нее вошли архитекторы, которые, по выражению М. де Люкки, «все как один почувствовали стремление рисовать, раскрашивать, украшать, короче, непосредственно проектировать» [3, с. 48], независимо от функции и технологии. Таков был «редизайн» А.Мендини (для «Студии Алхимия»), который, к примеру, к вертикальной спинке стула «Зигзаг» Г.Ритвельда прибавил поперечный, превратив ее в крест, поставленный на искусстве авангарда и на традиции создания практичного предмета. Этот прием определен как ирония над рестайлингом (чисто внешним обновлением уже готовых вещей с коммерческой целью) и одновременно — насмешка над функциональностью промышленного дизайна. Все такие произведения сопоставимы с декоративным искусством и не рассчитаны на производство в крупной серии.

Рис. 5. Микеле де Люкки. Лампа. 1976

Итальянцы А.Мендини, Э.Соттасс, М. де Люки, другие члены «Студии “Алхимия”» и группы «Мэмфис» оказали влияние на архитектуру и дизайн Японии. Как важный факт такого творческого взаимодействия показан итальянский первоисточник ранних работ виднейшего японского архитектора А.Исодзаки, на который указывал он сам (как участник проектов группы «Мэмфис», автор ювелирных украшений для фирмы «Клето Мунари»).

Все рассмотренные примеры такого рода позволили выявить два типа объектно-ориентированного коллажа с использованием элементов поп-культуры: буквальный как соединение разнородных фрагментов (к нему тяготеет Грейвз) и более сложный, метафорический (характерный для творчества Исодзаки).

Дизайн известного мастера архитектуры и историка римского барокко П.Портогези, как и произведения Дженкса, всегда виртуозно исполнен. В отличие от других зодчих-постмодернистов, Портогези много высказывался о своем дизайне (о мебели для дома Балди 1960 г. и др.), поэтому процитированы его тексты, отражающие желание «сделать ту же самую вещь в меньшем масштабе», как и в архитектуре, сделать «попытку найти современный язык, который мог бы символически выразить привычные ценности») [4, с. 39].

В качестве своего кумира Портогези назвал Тонета, предвосхитившего стилистику модерна и ар-деко. Подсвечники и вазы с колоннами, тарелки с изображением городских кварталов, витражи с крупными орнаментами, созданные Портогези, несомненно, контекстуальны и отражают тенденцию «освобождения декорации», что, по его собственной оценке, стало важнейшим творческим достижением постмодернизма.

Итак, авторский дизайн взял на себя функции связи с наследием, включая авангард и ар-деко, и стал результатом творческой переработки образов массовой культуры. Отказ от прежней эстетики, обусловленной технологией массового производства и функциональностью, позволил сделать акцент на новизне и эмоциональном воздействии художественных образов, которые следует признать явлением органичным и нельзя путать с эклектикой.

Формотворческие принципы создания коллажа выразились в своеобразном «разрушении объекта» (термин введен автором данного исследования) как метода проектирования, опирающегося на цитаты и гиперссылки ради взаимодействия с культурным контекстом. Объект проектирования становится, таким образом, объектом культуры и встраивается в «ткань» городской среды с ее системой культурных связей.

Выявлено шесть типов намеренного «разрушения» объекта: символическое, визуальное, структурное, стилистическое, функциональное и масштабное. Установлена также форма синтеза всех этих приемов для создания сложного, противоречивого, динамичного и многослойного образа.

Символическое разрушение объекта — это введение в его художественный облик «опознавательного знака», гораздо более значимого, работающего на ином культурном и смысловом уровне, чем сам предмет или здание. Такой знак несет черты личности, мифа — профессионального или общекультурного символа, часто заимствованного из массовой культуры (кино, комиксы, мультипликация, реклама). Это может быть также ордер в дизайне и архитектуре или технологический фетиш — часть механизма (шестерни, трубы и клапаны, клепаная поверхность, часто включаемые в интерьеры и наружные элементы зданий вопреки функциональной необходимости). Суть такого «разрушения объекта» — в желании представить исходный элемент не в своих привычных образе, роли и масштабе, а в «заимствованной» ситуации, сделав частью мультфильма, кино, учебника по истории архитектуры.

Стилистическое разрушение объекта — это совмещение исторических или современных стилей в пределах одного объекта, например классической архитектуры и конструкций в духе хай-тек. К этому ведет концепция реставрационной деятельности анастилоз, согласно которой нельзя подделываться под старину. На этом же построен арт-дизайн постмодернизма как переосмысление исторических аналогов.

Визуальное разрушение объекта — это приемы, идущие от живописи и predeterminedные использованием декора для создания различных иллюзий, маскирующих исходную форму и функцию объекта.

Масштабное разрушение объекта — это намеренное изменение привычных соотношений всех его частей, из-за чего требуется определенное усилие для распознавания, какой масштаб является реальным.

Структурное разрушение объекта — это сознательное искажение композиционной и тектонической целостности исходного для коллажа материала, предвосхитившее архитектурную деконструкцию.

Функциональное разрушение объекта — это изменение его назначения в процессе переосмысления формы и конструкции, в том числе это «вынужденный дизайн» с использованием выброшенных предметов или «маскировка» одного объекта под другой.

К синтезу всех названных способов разрушения объекта относятся многие зрелые работы крупных мастеров, рассмотренные как новые формальные и смысловые структуры. Такие произведения цельны и на первый взгляд непротиворечивы, потому что ироничная игра творца со зрителем скрыта внутри множества культурных кодов, «замешанных» в «тесто» произведения. При таком уровне мастерства принцип коллажа становится неочевидным и, как отмечал У.Эко, «в системе постмодернизма можно участвовать в игре, даже не понимая ее» [6, с. 76].

На этом принципе основаны работы Р.Вентури, Ч.Дженкса, Г.Пеше, Ф.Старка, а также практически все средовые проекты А.Мендини для обустройства городских площадей (Ганновер, Неаполь). Их может украшать стул, установленный на гигантский пьедестал, или гипертрофированная по размеру рука, нарочито окрашенные в несуразные цвета. Их формы интерпретируются или сверхусловно, или, наоборот, сверхнатуралистично ради игры с абсурдными ситуациями, на которых «замешан» многосмысловой коллаж как главный творческий принцип постмодернизма.

Выявленный автором данной работы метод «разрушения объекта» показал его богатые возможности, направленные на возвращение в творческий инструментарий элементов классической архитектуры. Объект как часть или целое обозначены, но как будто перестают существовать [6]: разобраны на части, разбиты, растворены, перекрашены; зритель вовлекается в игру, требующую знания специфического контекста [7]. И здесь на стороне эрудитов-архитекторов оказалось большое преимущество. Успех их дизайнерских произведений predeterminedил значимость метода «разрушения объекта» и в архитектурном проектировании.

В заключение отметим, зарубежный дизайн 1960–1990-х гг. следует рассматривать как систематизированную структуру концептуально-поисковой художественной деятельности и одновременно как методологический поворот

в проектировании, оказавший значительное влияние на формообразование во взаимосвязанной системе проектных искусств [8]; авторская модель коллажного формообразования в дизайне этого периода основана на использовании гиперссылок, обусловленных воображением и эрудицией художника. Коллажное формообразование трактовано в данном случае как намеренный отказ от визуальной целостности, органичной структуры, единой стилистики, символики, функции и традиционных масштабных соотношений объекта проектирования. Установлено, что такая методология не только противоречит стереотипам классической эстетики и постулатам модернизма, но одновременно является основой нового формообразования, обусловившего рождение новой постмодернистской эстетики.

Литература

1. Complexity and Contradiction in Architecture. The Museum of Modern Art Press, New York 1966.
2. Mendini A. Design and Architecture / Edited by P.Weiss. Milano: Electa, 2001.
3. Bulegato F., Polano S. Michele de Lucchi. Milan: Electa, 2004.
4. Paolo Portogesi designer. Cura e testi Cristina Di Stefano, Donatella Scatena con un'autoversia di Paolo Portogesi. Roma: Diagonale, 1998.
5. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / Пер. с итал. СПб.: Эксмо, 2002.
6. Venturi R.; Scott Brown, Denise; Izenour, Steven. Learning from Las Vegas: The Forgotten Symbolism of Architectural Form. Fifteenth printing. 1997.
7. Jencks C. La bataille des etiquettes. Modernisme tardif contre postmodernisme // Nouveaux Plaisirs d'Architecture. Les Pluralismes de la Creation en Europe et Etats-Unis depuis 1968 vus a Travers les Collections du Deutsches Architecturmuseum de Francfort. Paris: Centre George Pompidou / CCI. 1985.
8. Аронов В.Р. Теоретические концепции зарубежного дизайна. М: ВНИИТЭ, 1992.

Комплексное изучение человека. Психология. Педагогика

*Н.Л.Карпова,
М.М.Данина,
Н.В.Кисельникова,
А.И.Шувиков**

Кинотерапия как средство психологической реабилитации и коррекции

Представлены результаты исследования возможностей использования кино в различных психотерапевтических направлениях, а также психологии киновосприятия. Рассматриваются возможности кинотерапии в реабилитационной и коррекционной работе, а также специфика кинотерапии как средства развития продуктивного мышления в системе семейной групповой логопсихотерапии. Представлена авторская методика анализа психотерапевтического потенциала фильма.

Значительное число современных психологических исследований посвящено изучению негативного влияния кинофильмов, рекламы и другой видеопродукции, транслируемой средствами массовой информации и культуры, на психоэмоциональное состояние людей, их установки и поведение. Достаточно изучено воздействие фильмов с агрессивным содержанием на степень напряжения, тревожности и уровень агрессии у зрителя. В то же время практически отсутствуют работы, в которых выявляются компоненты фильмов, оказывающие на аудиторию воспитательное, развивающее и психотерапевтическое воздействие, способствующие укреплению психического здоровья и развитию продуктивного, оздоравливающего мышления.

В научной и научно-практической литературе выделяются 4 главных направления психологического анализа кино: 1) как динамической системы зрительных и слуховых образов и их восприятия [1, 4, 14]; 2) как продукта

* **Карпова Наталия Львовна** — доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО, руководитель проекта «Кинотерапия как средство психологической реабилитации и коррекции» (09-06-00406а).

Данина Мария Михайловна — научный сотрудник Психологического института РАО, исполнитель того же проекта.

Кисельникова Наталия Владимировна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Психологического института РАО, исполнитель того же проекта.

Шувиков Александр Иванович — магистр, режиссер ФГУП «Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Культура», исполнитель того же проекта.

Кроме авторов статьи, основными исполнителями проекта являлись А.А.Кисельников и Л.В.Егорова.

творческой деятельности [2, 3]; 3) как социально-психологического феномена и средства массовой коммуникации [16]; 4) как средства психотерапевтического воздействия и коррекции [8, 15].

Кинотерапия как вид арт-терапии

Терапия с помощью разных видов искусств в последние годы приобретает все большую популярность в психотерапевтическом сообществе. Метод арт-терапии можно отнести к наиболее древним и естественным формам коррекции эмоциональных состояний, которым многие люди пользуются самостоятельно. По мнению ряда специалистов, кинотерапия в широком смысле — метод, входящий в систему арт-терапии: в ее основе лежит использование художественных фильмов в качестве своеобразных терапевтических метафор. В узком смысле кинотерапия — специфический инструмент воздействия на человека, входящий в состав различных психотерапевтических систем.

В Большой медицинской энциклопедии 1949 г. впервые появилась статья о кинотерапии как новом методе лечения в клинике: «Теоретически рассуждая, можно создать специально подобранные фильмовые программы, составленные на основе научного изучения восприятий зрителей различных категорий, в том числе и больного, которые будут иметь определенное положительное психотерапевтическое воздействие» [11]. В те годы данная проблема была сформулирована теоретически, в настоящее время уже созданы программы психотерапии, основанные на подборке фильмов под определенные психотерапевтические цели (А.Вудер, Е.П.Кораблина, А.А.Плескачевская и др.).

Кинотерапия в узком смысле слова, как уже было сказано, представляет собой специфический инструмент воздействия на человека, входящий в состав различных психотерапевтических систем, а также является инструментом различных психотерапевтических школ: психоаналитической, онтопсихологической, гуманистической и др.

Кино в психоанализе. Согласно К.П.Корбуту, в современной психоаналитической теории кино существует несколько подходов к анализу кинофильмов, которые достаточно часто и осознанно смешиваются критиками для более полного понимания кинофильмов: 1) анализ литературной истории фильма, анализ характеров героев; 2) анализ фильма как отражение субъективности режиссера; 3) анализ зрительского отношения; 4) анализ кино как средства художественного выражения [9].

Кино в гуманистической психотерапии (или кинотерапия в гуманистической модели). В гуманистической модели психотерапии арт-терапия — особое направление, которое в качестве основного средства развития личности клиента использует объекты искусства. Кинотерапия в данной системе арт-терапии способствует достижению таких целей, как самопознание и раскрытие внутренних резервов личности; эффективная саморегуляция; обучение; решение жизненных задач; налаживание межличностных и межгрупповых взаимоотношений.

Правила и принципы взаимодействия участников в гуманистической модели кинотерапии отражены в таких компонентах как роли участника

кинотерапии; расстановка приоритетов между сопереживанием, анализом и сотворчеством. При этом выделяют различные уровни анализа фильма: 1) интерпретация сюжета, погружение в метафору, совместное эстетическое переживание; 2) работа с символами и их возможными смыслами; 3) проекция как основной механизм восприятия киноматериала; 4) спонтанное обсуждение.

Механизмы кинотерапии описываются в работах [8, 15]. Авторы выделяют:

а) *механизм проекции* — посредством него в восприятии кино происходит моделирование художественных и сюжетных форм в соответствии с психотерапевтическим запросом личности. Выделяют следующие уровни функционирования проективных механизмов: 1 — моторный; 2 — аффективный; 3 — объективный (режиссерский); 4 — субъективный (зрительский);

б) *механизм идентификации* — он может иметь место как по отношению к главным героям фильма, так и по отношению к любым другим образам, использованным в кино, вплоть до распределенной идентификации;

в) *механизмы гештальт-терапии* — достигается путем использования выразительных средств для передачи определенного эмоционального состояния, напряжения и др.;

г) *механизм «маски»* — он заключается в возможности непрямого сопоставления художественно-символического содержания фильма с реалиями собственной жизни, возможности отстраненного наблюдения, опосредованного ролью, что позволяет адекватно оценить его.

Кино в онтопсихологии. Практической целью онтопсихологии является достижение соответствия человека своей внутренней сущности, его аутентичности своему бытию, своей природе. Подобно всем психологическим школам, возникшим на основе клинического опыта, онтопсихологии как таковой предшествовала успешная методика лечения неврозов, психозов и психосоматических расстройств. Теоретические обобщения данной практики позволили А.Менегетти [12] сформулировать оригинальную концепцию психологической структуры человека, в соответствии с которой психика человека складывается из ряда основных инстанций и процессов, среди которых *искаженные проявления жизни*, организованные в виде психологических комплексов, и *сознательно-логическое «я»* — психологическая инстанция, являющаяся единственной осознанной частью нашей психики и склонная отождествлять себя со всей психикой человека.

Кинотерапия (она же — *синемалогия*) является методом изучения структуры и механизмов бессознательного. Цели синемалогии: научить человека быть внимательным к своему образу мышления; повысить способность личности к критическому осмыслению жизненных ситуаций, активизировать практический природный ум в тех областях и контекстах, в которых субъект стремится достичь лидерства; наиболее важный и очевидный результат с точки зрения участника — приобретение способности точно видеть и понимать реальность, зрело анализировать социальные роли и идеологии, характеризующие отношения между индивидом и обществом. Процесс синемалогии состоит из трех этапов: представление фильма и его демонстрация;

обсуждение после просмотра фильма; онтопсихологическая интерпретация образов фильма.

Таким образом, знакомство с практикой использования метода кинотерапии в отечественной и западной психотерапии показало, что, во-первых, в настоящее время преимущественно используются готовые художественные, документальные и некоторые другие виды фильмов, которые, с точки зрения психотерапевта, являются созвучными проблеме человека или группы людей, нуждающихся в психотерапевтической помощи, или содержат в себе определенные указания на пути решения данной проблемы. Во-вторых, отбор таких кинофильмов, как правило, происходит интуитивным способом, с опорой на личное и профессиональное «чутье» терапевта. Такой подход в подборе средств взаимодействия психотерапевта и клиента сложно назвать научно обоснованным.

Механизмы кинотерапии

Анализ многочисленных исследований показывает, что достижение психотерапевтического эффекта осуществляется посредством включения в деятельность терапевта смысловых инвариантов, обеспечивающих динамику личностных особенностей, желаемую клиентом. В кинотерапевтическом продукте данные инварианты также имеют место. Чем более насыщен ими фильм, тем больше оздоравливающего смысла он несет, тем выше его коммуникативный потенциал в психотерапевтическом общении.

Комплексное и системное исследование феномена кинотерапии позволило выявить его специфику, психологические основы и функции. Специфика кинотерапии определяется тем, что ряд терапевтических приемов здесь реализуется не собственно в содержании, например в речи героев, их поступках (как это бывает на классическом психотерапевтическом сеансе — через речь и поведение терапевта, обращенные к клиенту), а посредством работы оператора (наложения кадров, крупных планов, стоп-кадров, манипуляции с четкостью, яркостью, приближенностью-отдаленностью картинки и звуков и т.п.), введением музыкального сопровождения, повторами определенных эпизодов, переносами действия во времени. В этом смысле кинорежиссер обладает большей степенью свободы в обращении с материалом, чем психотерапевт. Все вышесказанное делает поиск «терапевтического» кинофильма тонкой и требующей обоснованного подхода работой.

Условиями эффективности кинотерапии выступают: со стороны реципиента: развитое киновосприятие, владение киноязыком; со стороны фильма: соответствие фильма ценностям и целям зрителя — пациента и его родственников, содержание в фильме соответствующих психотерапевтических техник и паттернов.

Возрастающая популярность кинематографического материала позволяет использовать его и как средство обучения, и как средство психологического воздействия с целью реабилитации или коррекции личности пациента в психотерапии. Но способность воспринимать кино в его целостности — не врожденное свойство человеческой психики. Анализ основных законов воздействия элементов «киноязыка» на человека требует специального изучения.

Если кинозритель не владеет адекватным киноязыком, фильм остается непонятным на уровне перевода образов в смыслы. Следовательно, киноязыку требуется учиться специально. В исследованиях С.В.Соколовой убедительно показано, что школьники не умеют видеть фильм таким, каким он создан его авторами, а значит, встает вопрос о том, как научить их технике киновосприятия. Для руководителей процесса кинотерапии поучительным будет знакомство со статьей [4].

Кинотерапия в семейной групповой логопсихотерапии

С 1986 г. кино используется в авторской системе групповой логопсихотерапии Ю.Б.Некрасовой [13] — коррекционной работе с заикающимися подростками и взрослыми. О работе групп Ю.Б.Некрасовой были сняты научно-документальные фильмы «Человек может все» (1986, Т/О «Экран», реж. А.И.Шувилов), «Я, конечно, вернусь...» (1988, Т/О «Экран», реж. А.Гарибян). Киносъемка велась и в логопсихотерапевтической группе 1993 г. В процессе всех киносъемок обнаруживалось, что у участников групп стали проявляться спонтанные психотерапевтические эффекты, способствующие восстановлению нарушенного речевого общения.

С 1995 г. в группах семейной логопсихотерапии под руководством Н.Л.Карповой [5] метод кинотерапии стал уже активно и целенаправленно развиваться, и в 2001 г. был снят научно-документальный фильм «Человек может все — 2, или 15 лет спустя» при участии героев фильма «Человек может все» (Центр «СКИП-фильм», реж. А.И.Шувилов). С 1995 г. участники проходят все стадии встречи с кино: организуется просмотр фильмов о работе предыдущих групп, ведется видеосъемка групповых занятий с целью подбора материалов для будущих научно-методических фильмов и просмотр видеозаписей занятий с их обсуждением. Также в группах осуществляются просмотр и обсуждение специально подобранных художественных и документальных фильмов. Эффекты от просмотра фильмов «Человек может все» и «Человек может все — 2» как самими участниками групп, так и их гостями и заинтересованными зрителями были описаны в совместной статье [7].

В отличие от игрового кино, которое используется во всех классических кинотерапевтических методах, фильмы о системе логопсихотерапии — это документы, в которых представлена реально проживаемая жизнь конкретных групп социореабилитации, дающая многомерные возможности для переживания и сопереживания. К 2008 г. метод кинотерапии в системе семейной групповой логопсихотерапии уже строился на основе нелинейности процессов просмотра, участия и создания кинофильмов, что требовало отделить его от классического метода кинотерапии, принятого в мировой практике. На материале имеющихся у авторского коллектива научно-документальных фильмов «Человек может все» и «Человек может все — 2» были выявлены диагностические возможности кинотерапии: а) отзывы на данные фильмы кандидатов в группы семейной логопсихотерапии, их родителей и родственников отражают систему функционирования речевой проблемы заикающегося и его ближайшего окружения, а также мотивацию лечения — это позволяет гово-

речь о проективной функции кинотерапии; б) более 330 отзывов на фильмы студентов-психологов, практикующих психологов, логопедов и социальных работников Москвы, Самары, Таганрога и Владивостока подтвердили психотерапевтический потенциал данных фильмов.

Проведенный в 2009–2010 гг. анализ методов работы в группах с фильмами различных жанров (документальные, художественные, мультипликационные), обладающими психотерапевтическими функциями, позволил выделить и описать формы кинотерапии в системе семейной групповой логопсихотерапии и их специфические возможности:

1. *Просмотр фильмов* о работе логопсихотерапевтических групп с последующим отзывом. Целью данного метода является изменение привычного опыта просмотра кинофильмов как развлекательных, интеллектуальных и др., открытие возможности относиться к фильму как к элементу терапии. Сама установка на «лечебный показ» побуждает зрителя (пациента и его родственников) искать в кинотексте и видеоматериале терапевтический дискурс. В связи с этим процесс просмотра фильма теряет свою привычность, а воспринятое каждым отдельным участником содержание становится диагностическим показателем системы функционирования речевой проблемы для самого заикающегося и его ближайшего окружения, а также показателем мотивации к излечению. Задачами данного этапа кинотерапии являются эмоциональное «заражение»; объективация проблемы заикания (на уровне самосознания); осмысление собственных возможностей, связанных с излечением; возникновение специфической мотивации к работе в группе семейной логопсихотерапии; «импринтинг» образа психотерапевта, обнаружение доверия к методике; моделирование поведения пациентов и их родственников в дальнейшем процессе работы; самораскрытие в отзыве о фильме; появление нового смыслового пространства для общения с психотерапевтом; косвенная коммуникация с героями фильма.

2. *Видеосъемка работы*. Уже с первой встречи с кандидатами в группу ведется видеосъемка (съемка консультации), далее проводятся съемка сеанса эмоционально-стрессовой терапии, съемка основного этапа реабилитации (ежедневной работы и еженедельных экзаменов), съемка на контрольно-поддерживающем этапе. Здесь выделены следующие разновидности видеосъемки (для последующего показа группе):

а) *режиссерская съемка* — постановочные сцены, выбор средств съемки, разработка «сюжета», «сценария съемки». Психотерапевтическая задача данного типа съемки — закрепление на уровне поведения разнообразных важных элементов психотерапевтического процесса, выработка и закрепление навыка публичного выступления, расширение коммуникативного диапазона личности участника группы. Поскольку общение двух людей при данном типе съемки происходит опосредованно, в качестве средств выступает как сама камера, так и «сценический образ», «сюжет» снимаемого фрагмента. Происходит расширение коммуникативных границ личности;

б) *съемка кем-либо из руководящего состава группы* — фиксация важных событий в истории группы для дальнейшего анализа или иллюстрации некоторой проблемы. Психотерапевтическая задача данного типа съемки — выработка навыков самоанализа; трансформация смыслов на

основании увиденного материала; объективация не замеченной ранее проблемы личности или группы в целом; выявление коммуникативных особенностей группы в целом и ее членов в отдельности. Данный тип съемки дает «протокольный» материал к обсуждению особенностей коммуникации в группе или же частных проблем ее членов;

в) *съемка кем-либо из участников группы* — фиксация субъективно значимых ситуаций, разворачивающихся в группе. Психотерапевтическая задача данного типа съемки — создание возможности увидеть некоторый значимый «кусочек реальности», имеющий место в работе группы, более внимательно, чем обычно; диагностика отношения человека к происходящему в группе (фокус внимания, тип фиксируемых событий, значимость тех или иных элементов); создание собственной «картины» работы группы и ее экспликация для других участников с целью обогащения их представлений.

3. *Обсуждение фильмов и киноматериалов (видеозаписей занятий)*. Для того чтобы сделать обсуждение фильмов более продуктивным, в 2009 г. был разработан и проведен цикл занятий, направленных на обучение участников группы распознаванию психотерапевтических паттернов в киноматериале, кинотексте. Обучение данному специфическому навыку велось поэтапно: *1-й шаг* — подробное описание выделенных психотерапевтических паттернов, описание их критериев, приведение соответствующих примеров; *2-й шаг* — группа придумывает примеры для каждого паттерна, руководитель процесса корректирует и подтверждает групповые решения; *3-й шаг* — организуется просмотр короткометражных фильмов или мультфильмов, содержащих не более 5 основных паттернов, во время которого каждый участник группы ведет протокол индивидуального анализа. Последующее групповое обсуждение позволяет дополнить эти протоколы; *4-й шаг* — проведение цикла занятий по переносу усвоенных схем работы психотерапевтических паттернов на события собственной жизни, личные проблемы.

Психотерапевтические задачи данного этапа — децентрация, переключение внимания с узколичностных проблем, обучение схемам психотерапевтического анализа любых жизненных ситуаций, создание предпосылок к ауто-терапии.

4. *Создание собственного фильма группы с учетом усвоенных психотерапевтических паттернов*. Целью фильма является передача своего опыта решения проблем речевого общения последующим группам семейной логопсихотерапии. Данный этап позволяет аккумулировать и закрепить все, что было усвоено, обнаружено и осознано за предыдущие занятия и, таким образом, продлить терапевтический эффект. Обращенность коммуникации участников группы вовне позволяет сделать внутригрупповой опыт понятным для новых людей. Закрепленный в форме образов опыт решения проблем речевого общения доступен также самим участникам группы и является средством ауто-терапии.

В научно-практическом плане в 2009–2010 гг. была проведена работа шести групп семейной логопсихотерапии в Москве, Владивостоке, Таганроге и Самаре, в которых участвовали 59 заикающихся и более 110 их родственников, а также более 80 выпускников предыдущих групп и их родственников. Различные виды кинотерапии применялись на всех этапах работы

групп. Для анализа эффективности был разработан *диагностический блок* с целью исследования динамики личностных характеристик под воздействием кинотерапии. Наряду с использованием традиционных методов — проективные рисунки «Я и моя речь», «Я среди людей», опросник САН, тест «Ригидность», модифицированная шкала самооценки Дембо-Рубинштейна, методика «Мнемошахматы» (В.В.Нурковой), личностный семантический дифференциал — проводился анализ свободных самоотчетов о просмотренных фильмах по авторской методике АППФ (М.М.Данина, Н.В.Кисельникова) и авторской (М.М.Данина) анкете «Использование психотерапевтических паттернов в обыденной жизни»). Данный диагностический блок был апробирован в группах семейной логопсихотерапии полностью в Москве, частично — в Таганроге и Владивостоке.

Методика исследования психотерапевтического потенциала фильма

М.М.Данина и Н.В.Кисельникова [6] впервые предприняли попытку применить психологически ориентированный анализ кинотекста к фильмам, направленным на достижение психотерапевтических целей, под которыми подразумеваются когнитивные, эмоциональные и поведенческие преобразования. Традиционно в ситуации психотерапевтического общения достижение этой цели осуществляется посредством включения в деятельность терапевта специальных техник, обеспечивающих динамику личностных особенностей клиентов. Несмотря на существующие отличия в теории и методологии разных школ психотерапии, используемые на практике техники имеют сходные эффекты, идентичные алгоритмы, общее смысловое содержание. Группы психотерапевтических техник, объединенные данными свойствами, мы называем психотерапевтическими паттернами.

Было высказано предположение о том, что в кинотексте могут содержаться психотерапевтические паттерны, заложенные туда авторами (осознанно или неосознанно). Чем более насыщен ими фильм, тем больше оздоравливающего смысла он несет, тем выше его коммуникативный потенциал в психотерапевтическом общении. Подчеркнем, что кино имеет ряд преимуществ перед традиционным общением в ситуации психотерапии: помимо наглядности и доступности материала, которые являются скорее организационными преимуществами, кино создает безопасное пространство самопознания и трансформации, позволяет легче усвоить конкретные модели поведения, демонстрирует альтернативы, исполняет неосуществимые фантазии, желания и многое другое.

На основе анализа большого массива психотерапевтической литературы была разработана подробная карта психотерапевтических паттернов, включающая более 20 паттернов-целей (они сами по себе в интроецированном виде могут выступать как позитивный психотерапевтический эффект) и более 20 паттернов-средств (они являются «вспомогательными», определенными «каналами», облегчающими трансляцию психотерапевтического содержания). Далее была разработана методика анализа кинофильмов на предмет содержания в них психотерапевтических паттернов. Методика анализа психотерапевтического потенциала фильма (АППФ) состоит из двух основных блоков: 1) структурированный перечень компонентов психотерапевтического общения,

вызывающих развитие саногенного мышления; 2) перечень характеристик формальной (образной) стороны фильма (характеристики монтажа, кадра, озвучивания и т.д.).

В начале исследования была поставлена цель выделить наиболее общие, универсальные психотерапевтические паттерны, наличие которых в кинофильме оздоравливающе воздействует на зрителей и развивает продуктивное мышление. В ходе эмпирического исследования проверялась гипотеза о том, что распознавание специфических паттернов фильмов может способствовать развитию продуктивного мышления, что, в свою очередь, будет проявляться в увеличении частоты и вариативности вербальных конструкторов, отражающих структуру саногенного (оздоравливающего) мышления. Было выявлено, что наибольшая динамика наблюдается именно относительно тех компонентов саногенного мышления, которые наиболее интенсивно проявлялись в кинофильме. С другой стороны, в группе участников семейной логопсихотерапии более высокие коэффициенты корреляции говорят о том, что представленные фильмы в большей степени соответствовали именно их специфическим задачам избавления от заикания и способствовали развитию саногенного мышления по отношению к речевому общению. Для зрителей, не являвшихся участниками групп семейной логопсихотерапии, демонстрируемое в фильмах содержание затронуло иные психологические структуры и вызвало неспецифический терапевтический эффект.

В 2009–2010 гг. были проведены лекции и мастер-классы по кинотерапии для студентов и специалистов — психологов и логопедов, социальных работников Москвы, Самары, Краснодара, Гродно. Результаты работы отражены в двух опубликованных и шести подготовленных к публикации статьях. Разработаны методические рекомендации по использованию кинотерапии в системе психологического воздействия, и подготовлено к изданию учебно-методическое пособие по кинотерапии, создан научно-методический фильм «Кинотерапия в системе социореабилитации».

Итоги проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Специально подобранные для работы в коррекционных группах кинофильмы имеют воспитательный, образовательный и психотерапевтический потенциал.

2. Наличие в структуре кинофильма специфических паттернов делает этот фильм способствующим развитию продуктивного, оздоравливающего мышления.

3. Существуют общие и специфические структуры в кинофильмах, обладающие психотерапевтическим потенциалом. Эффект от просмотра фильмов зависит от использования структур обоих типов, причем специфические структуры должны соответствовать психологической проблеме, на решение которой они направлены.

4. Повышение эффективности кинотерапии достигается за счет целенаправленного обучения распознаванию общих и специфических структур в киноматериале. Система занятий по кинотерапии должна быть направлена на решение личностных проблем пациентов.

5. Анализ специфики кинотерапии и ее содержания в рамках системы семейной групповой логопсихотерапии на разных этапах социореабилитации

позволяет рассматривать ее как модель кинотерапевтического процесса в целом. Данная модель применима к разному контингенту пациентов для решения различного рода психотерапевтических и педагогических задач.

Литература

1. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Пер. с англ.; Общ. ред. и вступ. ст. А.Д.Логвиненко. М.: Прогресс, 1988.
2. Гройсман А.Л. Основы психологии художественного творчества: Учебное пособие. М.: Когито-Центр, 2003.
3. Ершов П.М. Режиссура как практическая психология // Искусство толкования. Р-н-Д.: Феникс, 1997.
4. Жинкин Н.И. Психология киновосприятия // Кинематограф сегодня. М.: Искусство, 1971. С. 84–154.
5. Карпова Н.Л. Основы личностно-направленной логопсихотерапии: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта, 2003.
6. Карпова Н.Л., Данина М.М., Кисельникова Н.В. Паттерны психотерапевтического общения в кинофильмах: параметры анализа // Современное состояние и перспективы развития психологии общения: Материалы Международной научно-практической конференции (Гродно, 8–9 октября 2010 г.) / Редкол.: Л.М.Даукша (отв. ред.) и др. Гродно: ГрГУ, 2010. С. 130–132.
7. Карпова Н.Л., Шувиков А.И. Метод кино- и видеотерапии в логопсихотерапии // Психологические, логопедические и психотерапевтические аспекты восстановления нарушенного речевого общения при заикании: Материалы Международной научно-практической конференции памяти Ю.Б.Некрасовой (Москва, 14 октября 2004 г.). М.; Самара: Изд-во НТЦ, 2006. С. 80–84.
8. Кораблина Е.П., Акиндинова И.А., Баканова А.А., Родина А.М. Искусство исцеления души: Этюды о психологической помощи: Пособие для практических психологов. СПб., 2001.
9. Корбут К.П. Психоанализ о кино и кино о психоанализе // Журнал практической психологии и психоанализа. 2005. № 2.
10. Леонтьев А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. М.: Смысл, 2008.
11. Лондон Н. Кинематограф // Большая медицинская энциклопедия (ред. Н.А.Семашко). Т. 12. М.: Советская Энциклопедия, 1949.
12. Менегетти А. Кино, театр, бессознательное / Пер. Ю.С.Ошемковой, Е.А. Лютиковой. М.: Онтопсихология. 2001. Т. 1.
13. Некрасова Ю.Б. Лечение творчеством. М.: Смысл, 2006.
14. Петренко В.Ф., Сапсолова О.Н. Психосемантический анализ художественного фильма «Сибирский цирюльник» // Вопросы психологии. 2005. № 1. С. 56–72.
15. Плескачевская (Мельникова) А.А. Кинотренинг и сфера его применения // Психологическая газета. 1998. № 8 (35).
16. Собкин В.С., Маркина О.С. Фильм «Чучело» глазами современных школьников. М.: Ин-т социологии образования РАО, 2010.

*М.В.Воропаев**

Социализация и воспитание в виртуальной и смешанной реальностях

В статье представлен социально-феноменологический подход к изучению и описанию феноменов виртуальной и смешанной реальностей, в рамках которого они рассматриваются как разновидности социальной реальности. Автор проанализировал обширный материал психологических, социологических, философских исследований, интерпретировав его в рамках педагогической системы понятий. Рассмотрены некоторые примеры воспитания в виртуальных средах, реализуемые образовательными учреждениями и общественными организациями.

Информационное общество неразрывно связано с компьютеризацией. Именно цифровые технологии существенным образом изменили современную коммуникацию. Время и расстояние перестают быть существенным препятствием для обмена информацией.

В исследованиях лингвистов, посвященных общению в Интернете, показана еще одна особенность коммуникации в Сети — множественность диалогов и полилогов одновременно. Исследователи выявили и описали большой спектр видов общения — от фактически бессистемного до особым образом структурированного [4]. С сожалением приходится констатировать, что теорий, продолжающих идеи отечественной семиотической школы в области изучения информационных технологий, не появилось. Поэтому мы можем лишь предположить, что феномен автокоммуникации, описанный М.Ю.Лотманом и фактически являющейся перестройкой собственной личности, в виртуальных средах затруднен. В обычной реальности внутренние голоса, которые участвуют в мысленном диалоге, имеют, образно говоря, равные права. Практически все сегменты киберпространства, ориентированные на «массового» пользователя, организованы таким образом, чтобы максимально возможным образом привлечь произвольное внимание человека. Именно такой цели служат красочные баннеры, новостные ленты, контекстная реклама и т.п. В условиях такого перераспределения видов внимания автокоммуникативные цепи весьма поверхностны.

Существуют и другие особенности коммуникации в киберпространстве: ее преимущественно текстовый характер (последнее верно по крайней мере для настоящего времени) и относительная анонимность, равенство субъектов коммуникации.

Появляются новые акторы коммуникации (их можно назвать виртуальными) — это компьютерные программы, имитирующие интерперсональную коммуникацию.

Изменение характеристик коммуникационного канала и связанных с этим психологических эффектов в основном описано для случаев виртуальной реальности. Однако, согласно Марку Вейзеру (Mark Weiser) [11]

* **Воропаев Михаил Владимирович** — доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и истории педагогики Московского государственного педагогического университета, руководитель проекта «Разработка способов применения информационно-коммуникационных технологий в процессе организации социального опыта учащихся» (09-06-00954а)

современный компьютерный мир переходит из эпохи персонального компьютера в эпоху всепроникающей компьютеризации (англ. ubiquitous — всепроникающей, повсеместной; некоторые специалисты используют другой термин — Pervasive, в целом синонимичный первому, однако подчеркивающий смысловой аспект наступления [8]). Термин ubicomp используется для характеристики компьютерных устройств, природа которых не очевидна для пользователя (например, смартфоны, «тамагочи» и пр.). Если виртуальная реальность помещает человека внутрь мира, генерированного компьютером, то всепроникающая компьютеризация заставляет компьютер жить среди людей, ее особенностью является внедрение компьютерных интерфейсов в повседневную жизнь. П.Милгрэм и Ф.Кишино предложили так называемый «континуум Милгрэма». Он определяется как континуум, протяженный от базовой реальности до чистой виртуальности. Эти авторы вводят понятие смешанной реальности, которое характеризует слияние реального и виртуального миров, при котором физические и цифровые объекты сосуществуют и взаимодействуют в режиме реального времени [6]. В настоящее время развивается направление исследований, известное как «intimate computing», исследующее физические и социальные взаимосвязи потребителей с их технологиями и друг с другом через технологии. Ведущими исследователями в этой области являются Joseph Kaye, Genevieve Bell, Mizuko Ito.

Отметим, что подходы к исследованию виртуальности, содержащиеся в трудах лаборатории виртуалистики (1990-е гг., Институт человека РАН, Н.А.Носов), для нас неприемлемы, так как мы исходим из того, что виртуальная реальность, в силу пересечения с человеческим измерением, относится к категории социальных реальностей, а в силу связи с цифровыми устройствами не может быть истолкована как идеальная реальность вообще. Не вдаваясь в подробную аргументацию своей позиции, определим, что нашей философско-методологической базой в изучении феномена информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) является подход, отраженный в работах социальных феноменологов П.Бергера, Т.Лукмана, А.Шюца. Для этих авторов социальный мир является миром значений, переживаемых и интерпретируемых людьми в повседневной жизни. В рамках этой методологии все проявления виртуальности суть не что иное, как разновидности социальных реальностей¹ и в силу этого могут трактоваться как продукт двойного структурирования: со стороны субъекта и со стороны объективизированных социальных феноменов (языка, культуры и т.п.).

Учитывая сказанное выше, определим понятие виртуальной реальности.

Виртуальная реальность — это особый вид социальной реальности, субъективно отделяемый от базовой реальности, порождающим источником которой служит взаимодействие, основанное на работе компьютерных устройств, психического мира человека, с индивидами, группами, организациями, компьютерными программами.

¹ В связи со сказанным термин «киберпространство» (несмотря на широкое распространение) нам представляется не совсем точным. Пространство — это не исчерпывающая характеристика виртуальности, ведь ни время, ни система значений (как его содержание), строго говоря, не являются атрибутами пространства. Более точно говорить о виртуальности именно в терминах реальности.

В силу своей природы, виртуальная реальность имеет целый ряд особенностей.

1. Она ограничена двояко: возможностями компьютера и сенсорными возможностями человеческой психики. Виртуальная реальность, как справедливо пишет Дж.Сулер [9], имеет тенденцию разрушать факторы поддержки границы физического «Я», что приводит к проявлениям трансфера, диссоциации, эффекту растормаживания (подсознательных сил и влечений) и, по большому счету, к размыванию идентичности субъекта.

2. Виртуальная реальность динамична и неустойчива.

3. Виртуальная реальность подчинена иным, по сравнению с базовой реальностью, пространственным, временным, причинно-следственным закономерностям, что в том числе приводит к изменению восприятия человека. Как образно пишет Дж.Сулер, в мирах мультимедиа опыт человека становится сюрреалистическим.

Очевидно, что с возникновением информационного общества многие аспекты социальности начали меняться в глобальном масштабе. Эти изменения описываются и объясняются в науке различным образом: от констатации факта снижения издержек передачи информации [1, с. 19] вплоть до «демократизации социальной структуры» в целом и признания сетевых организаций социальным институтом информационного общества.

В середине 70-х гг. XX в. появился термин «социальная информатика». Российские ученые В.И.Добренков и А.И.Кравченко вводят термин «киберсоциологии» практически с тем же содержанием. С.В.Бондаренко называет новое направление социологической науки «социология виртуальных сетевых сообществ» [1, с. 52–54]. В педагогике пока не выделилось самостоятельной научной дисциплины, изучающей в комплексе все эффекты и последствия применения ИКТ. В.А.Плешаков предложил термин «киберпедагогика», но в научном сообществе он пока не стал общеупотребительным.

Мы исходим из того, что рассматривать социализацию в виртуальной реальности вне связи с социализацией в базовой реальности нельзя. По крайней мере в настоящее время для детей, подростков и юношества приобретение статусов и некоего опыта в виртуальной реальности почти всегда является вторичным, хотя и имеет существенную специфику. К рассмотрению данной специфики мы и перейдем.

Мы полагаем, что в смешанной и виртуальной реальностях механизмы социализации видоизменяются [3, с. 85–118].

Во-первых, изменяются сами субъекты-индивиды — ослабляется опора на собственную телесность, более активно проявляются глубинные, подсознательные стороны личности, часто усиливается диссоциированность личности. Виртуальный мир позволяет создавать в своей среде многочисленные олицетворения, на которые проецируются разные стороны человеческой психики.

Во-вторых, появляются новые агенты социализации: персонифицированные техногенные акторы (компьютерные программы, способные имитировать интерперсональную коммуникацию) и техногенные мета-акторы (определенные смешанные и виртуальные реальности с заданными закономерностями и взаимосвязями). Французский ученый Б.Латур рассматривает технологии как вполне развитые социальные акторы [5].

В-третьих, происходит размывание границ традиционных социальных организаций (в силу интерференции коммуникаций, наложения разных временных и пространственных структур, в которых существуют социальные агенты).

В-четвертых, те же причины, которые ослабляют традиционные «сильные» социальные связи, усиливают слабые связи, которые раньше было сложно или просто невозможно поддерживать, что, в свою очередь, приводит к развитию сетевых социальных общностей.

В-пятых, в рамках смешанной и особенно виртуальной реальности развиваются игровые миры, «население» которых составляет сотни миллионов человек и которые в настоящее время становятся глобальным фактором социализации.

В-шестых, сетевые общности в силу исторических обстоятельств являются носителями определенных культурных традиций. Например, М.Кастельс выделял в культуре Интернета четыре слоя: техномеритократическую культуру, культуру хакеров, культуру виртуальной общины и предпринимательскую культуру [2, с. 80].

В-седьмых, большая часть сегментов киберпространства тормозит развитие произвольной регуляции у детей, подростков и молодежи. К сожалению, этот вывод в настоящее время можно обосновать лишь логически, экспериментальных данных на этот счет в доступной нам литературе нет.

Однако, несмотря на возникновение новых феноменов в области социализации, по сути своей этот фундаментальный процесс остается прежним, по крайней мере — пока. М.Кастельс пишет, что в подавляющем большинстве случаев использование Интернета является инструментальным, тесно связанным с работой, семьей и повседневной жизнью пользователей Сети. Свыше 85% всех случаев использования Интернета приходится на электронную почту, и большая часть объема последней связана с выполнением различных функций, конкретными задачами, контактами с родными и друзьями в условиях реальной жизни [2, с. 143]. Ролевые игры и конструирование идентичности в качестве основы онлайн-взаимодействия составляют лишь малую долю системы социальных связей, основанную на Интернете, и этот вид практики большей частью характерен для подростков. Эти выводы иллюстрируются результатами крупного международного исследования, проведенного MTV, Nickelodeon и Microsoft (2007 г.): молодежь ценит технологию не саму по себе, а как инструмент общения и развлечений, почти все молодые люди используют технологии для усиления, а не для замены взаимодействия «лицом к лицу» [7].

Как мы уже отмечали ранее, важная проблема, которая возникает перед воспитанием (и воспитателями) в виртуальной и смешанной реальностях — это сохранение целостности личности при множественности сфер и видов социализации и стирании границ между ними. Проиллюстрируем попытки ее решения на примере организации воспитания в образовательном учреждении (а именно школе), вовлеченном в сферу информационно-коммуникационных технологий. Сразу же отметим, что практически не будем касаться вопросов медиаобразования и предупреждения компьютерной аддикции. Они требуют специального анализа.

В целом образовательное учреждение может быть представлено в виртуальной реальности определенным контентом, нормами и ценностями, субъектами и акторами воспитания — индивидами, программно-аппаратными моделями и специально сконструированными виртуальными реальностями.

Противоречие между глобальностью и массивностью происходящих технологических и социальных изменений и кажущейся традиционностью школьной жизни приводит к тому, что эти изменения пока что не осознаются адекватно. Проблема информатизации школы в сознании педагогов связывается с работающим компьютерным классом, а тот факт, что почти все учащиеся и половина учителей часами «сидят» в социальных сетях (например, «ВКонтакте») и решают посредством этого общения достаточно много «служебных» задач, и то, что с родителями классные руководители часто общаются с помощью SMS-сообщений, игнорируется.

По нашему мнению, организация воспитания в виртуальной и смешанной реальностях школы связана с тремя аспектами (проявлениями) внедрения ИКТ в образование.

Во-первых — с замещением привычного коммуникационного канала на цифровой и связанными с этим изменениями характера самой коммуникации. Это может быть частичное замещение, как при некоторых вариантах дистанционного обучения. Возможно и полное замещение коммуникационных каналов между многими субъектами и формирование на этой основе сегмента виртуальной или смешанной реальности со специфическими характеристиками.

Во-вторых — с возможностью управления (как технического (программного) так и социального) характеристиками виртуальной и смешанной реальностей (например, запрет/поощрение агрессии, предписанный набор способов межсубъектного взаимодействия и т.п.).

В-третьих — с появлением программ (в том числе подобию искусственного интеллекта), выступающих или акторами коммуникации (аналог *non-player character* (NPC) в играх), или акторами управления (АСУ, ERP-системы, т.е. системами, частично или полностью автоматизирующими функции управления).

Тем самым организация воспитания в виртуальной и смешанной реальностях сводится к следующим направлениям:

1. Организация общения, отношений, деятельности воспитанников в базовой реальности с учетом их включенности (настоящей и возможной) в виртуальную и смешанную реальности. В основном содержание этого блока разрабатывается медиаобразованием.

2. Организация общения, отношений, деятельности воспитанников в виртуальной и смешанной реальностях, которая может включать:

— организацию межперсонального общения посредством личного участия педагога в общении;

— управление (формирование), в том числе ограничение доступа и обеспечение навигации к контенту в Интернете;

— разработку (управление характеристиками) техногенных акторов коммуникации, рассчитанных на имитацию межперсонального общения;

— разработку (управление характеристиками) автоматизированных систем управления образовательными учреждениями, косвенно учитывающих воспитательные эффекты;

— разработку (управление характеристиками) виртуальных и смешанных сред, создающих условия для решения задач воспитания.

В современных условиях лишь участие педагога в различных формах коммуникации с воспитанниками в виртуальной реальности и управление контентом распространены в массовой педагогической практике. Но несмотря на распространенность научная разработанность этих аспектов педагогической деятельности остается незначительной.

В связи с тем, что пока воспитательная деятельность образовательных учреждений в смешанных и виртуальных реальностях еще очень далека от системы, ограничимся анализом наиболее часто встречающихся примеров.

Например, проблема внедрения технологий ограничения и контроля также понимается исключительно в смысле ограничения доступа учеников к запретному контенту. Между тем эта проблема гораздо шире. Чем в большей степени организация «погружается» в виртуальную реальность, тем более она изменяется. Такая организация существенно детерминирована психическим миром личности и особенностями цифровых коммуникационных каналов. Следовательно, чем более организация «погружена» в виртуальную или смешанную реальность, тем большие усилия должны предприниматься для поддержания целостности организации (в обычном своем понимании). Школьник, который с помощью Интернет выполняет учебный проект, имеет возможность запустить в боковом «окне» просмотр видеофильма, и одновременно общаться в «ISQ» (обычно, кстати, так и происходит). С проблемами подобного рода сталкиваются и «взрослые» и организация. Во многих из них наличие на компьютере сотрудника открытой программы, не относящейся к работе, как и посещение сайтов в Интернете, не связанное с работой, является служебным нарушением и соответственно наказывается.

Но до полного «погружения» школ в виртуальность еще далеко (если забыть о сетевых сообществах учителей и учащихся), и пока что одним из немногих действительно массовых проявлений ИКТ в деятельности школ является функционирование их сайтов. В нынешней практике работы органов управления образованием сайт школы оценивается или как самостоятельная ценность, или по аналогии с сайтами бизнес-организаций — в терминах «продвижения» и «посещаемости». Хотя ответ на вопрос: «А нужно ли конкретной школе, чтобы ее сайт в день посещали тысячи человек?» — далеко не очевиден, ведь по сути своей сайт школы выполняет функцию формирования образа организации в сознании некоей целевой аудитории, а также среды, в которой реализуются определенные коммуникации.

Один из самых распространенных примеров — организация коммуникации (общения) воспитанников в киберпространстве с другими индивидуальными или коллективными субъектами. Это может быть, например, предложение коллективу класса найти друзей по интересам с помощью Интернета. Воспитательными задачами здесь могут служить расширение кругозора, формирование толерантности и др.

Самостоятельной педагогической проблемой является организация социального воспитания в сетевых сообществах. Как правило, она выступает как задача отражения в Интернете деятельности уже существующих детских общественных организаций. Логика организации такой деятельности в идеале должна обеспечивать «сшивание» виртуальной и базовой реальностей посредством чередования «виртуальных» и «обычных» видов деятельности, планирование сложных проектов, реализуемых в разных видах деятельности и т.п.

Уже сейчас многие школы и отдельные педагоги организуют деятельность, целиком или полностью «погруженную» в виртуальную или смешанную реальность. При этом спектр используемых форм может варьироваться от самых элементарных до весьма сложных. Пример простейшего задания: поиск в Интернете определенного контента (например, при подготовке тематического торжественного вечера ученикам предлагается поискать нужный материал в Сети). Часто такие задания являются одними из элементов выполнения неких проектов. При этом начало и конец такого проекта находятся в базовой реальности, а некоторые этапы выполнения — в виртуальной.

В заключение отметим, что формы подобной работы бесконечно многообразны, и их выработка еще только начинается. Специфика современной ситуации такова, что уже не нужно звать детей и подростков все дальше и дальше в виртуальные миры. Они и так там достаточно глубоко. Если воспитатель и присоединяется к виртуальным путешествиям воспитанника, то только для того, чтобы, во-первых, побудить его задуматься: «Где он?», «Кто он?», «Почему он здесь?», и, во-вторых, помочь ему в развитии тех навыков и качеств, которые потом будут востребованы в базовой реальности.

По нашему мнению, виртуальная реальность провоцирует диссоциативность личности, и безопасно «путешествовать» в ней может только человек с сильно развитой, но одновременно гибкой самоидентичностью (устойчиво переживаемой тождественностью «Я»).

Воспитание в виртуальной и смешанной реальностях открывает новые, пока не изученные возможности, по сравнению с воспитанием в базовой реальности. Педагогические эффекты от воздействия на аватара (олицетворение, проекцию личности в виртуальной реальности) пока что *terra incognita* для педагогики.

Однако, по нашему мнению, основной принцип в организации воспитания в данной области можно сформулировать достаточно уверенно. Это содействие усилению связей (по структурной сложности и по интенсивности) событий, деятельности, общения, происходящих в виртуальной реальности, с базовой реальностью, в том числе за счет смещения их в область смешанной реальности. При этом отношение к жизни в базовой реальности как к приоритетной должно сохраняться и укрепляться.

Литература

1. Бондаренко С.В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов-на-Дону, 2004.
2. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.

3. Мудрик А.В. Социализация вчера и сегодня. М., 2006.
4. Holmer T. Discourse Structure Analysis of Chat Communication// Language@Internet. 2008. Vol. 5. <http://www.languageatinternet.de/articles /2008/1633>.
5. Latour B. A Collective of Humans and Nonhumans // Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies (Paperback) / Bruno Latour. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999.
6. Milgram P., Colquhoun H. A taxonomy of real and virtual world display integration // Mixed reality: merging real and virtual worlds: International Symposium on Mixed Reality (1999: Yokohama, Japan) / edited by Yuichi Ohta, Hideyuki Tamura Tokyo: Ohmsha; Secaucus, NJ: Springer-Verlag, New York, 1999. P. 5–30.
7. MTV, Nickelodeon and Microsoft challenges assumption about relationship between kids and Digital / Press Release 01.08.07. <http://advertising.microsoft.com/uk/digital-youth-relationship>.
8. Pervasive Computing Research Group (C-Comp). <http://p-comp.di.uoa.gr>.
9. Suler J. The Psychology of Cyberspace// <http://www-usr.rider.edu/~suler/psycyber>.
10. Salazar, Javier A. Analyzing Social Identity (Re)Production: Identity Liminal Events in MMORPGs // Cultures of Virtual Worlds. Vol. 1. №. 3. February, 2009 <http://journals.tdl.org/jvwr/article/viewFile/353/425>.
11. Weiser M. Some Computer Science Issues in Ubiquitous Computing. March 23, 1993 [to appear in CACM, July 1993] *Communications of the ACM*, July 1993. (reprinted as «Ubiquitous Computing». *Nikkei Electronics*; December 6, 1993; P. 137–143.) <http://www.ubiq.com/hypertext/weiser/UbiCACM.html>.

*Н.А.Журавлева**

Современные тенденции в ценностных ориентациях российской молодежи

В статье анализируются результаты многолетнего исследования динамики ценностных ориентаций учащейся молодежи в условиях социально-экономических изменений в российском обществе в 1990-е гг. и начале XXI в.

Наиболее активно личностное самоопределение в различных жизненно важных сферах (образовании, будущей профессиональной деятельности, семейной жизни, культуре, политике и т.д.) начинается в старшем школьном возрасте и продолжается в период ранней взрослости. Именно на данном возрастном этапе развития происходит интенсивное формирование собственных взглядов, убеждений, системы идеалов, ценностей и ориентаций в жизни каждого человека. В это время складывается система устойчивых взглядов на мир и свое место в нем — мировоззрение, осуществляется выбор жизненного пути, что в целом составляет основу направленности личности, ее ценностных ориентаций.

Ценностные ориентации — это относительно устойчивая, социально обусловленная направленность личности на те или иные цели, имеющие для нее смысло-жизненное значение, и на определенные способы их достижения, выражающиеся в виде каких-либо личностных качеств, образцов (способов) поведения и являющиеся относительно независимыми от наличных ситуаций [2]. Ценностные ориентации являются основаниями для оценок окружающей действительности, определяют особенности и характер отношений личности с окружающей действительностью и детерминируют предрасположенность личности к той или иной социальной активности. Поэтому принципиально важным является учет факторов, оказывающих влияние на формирование системы ценностных ориентаций личности.

Процесс формирования ценностных ориентаций — многоплановый, обусловленный многими социальными и психологическими факторами. основополагающими социальными факторами, влияющими на формирование ценностных ориентаций личности, являются макро- и микросоциальные условия ее жизни, а также ее социальные и профессиональные характеристики.

Формирование различных структур сознания личности, в том числе и ценностной структуры, в большой степени детерминировано теми социально-экономическими условиями, в которых человек осуществляет свою жизнедеятельность. Если трансформируются социально-экономические условия, то на основе жизненного опыта личности, перестройки ее жизненных планов и взаимоотношений с окружающей социальной действительностью происходит переоценка человеком системы своих ценностей. Люди изменяют свои приоритеты в ценностных ориентациях, адаптируясь к новой социальной среде.

* Журавлева Надежда Анатольевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН, руководитель проекта «Ценностные ориентации молодежи в изменяющейся России» (09-06-00530а).

Специфические условия социального бытия в период социально-экономических изменений в 1990-е гг. и начале XXI в. за счет изменения социальной ситуации развития личности не могли не сказаться на формировании ценностной подструктуры сознания молодежи [1, 3, 5, 7]. Большой интерес представляет изучение современных тенденций в ценностных ориентациях российской молодежи как важнейшей составляющей ее психологической структуры.

Цель данного исследования состоит в выявлении закономерностей динамики ценностных ориентаций учащейся молодежи под влиянием социально-экономических трансформаций российского общества с 1994 по 2006 г. Мы использовали метод поперечных «срезов», позволяющий через сравнение результатов замеров ценностных ориентаций в конкретные исторические периоды изучать их динамику. Исследовательские «срезы» осуществлялись каждые 2–3 года в течение 12 лет: в 1994, 1997, 1999, 2001, 2003 и 2006 гг.

Состояние ценностных ориентаций молодежи впервые было зафиксировано осенью 1994 г. после социально-экономического кризиса 1992–1993 гг., далее — в период, отличавшийся более высокой, по сравнению с первым, экономической стабильностью, осенью 1997 г. Третий исследовательский «срез» был сделан примерно через год после экономического дефолта августа 1998 г. — осенью 1999 г. Четвертый исследовательский «срез» был выполнен весной 2001 г. в условиях относительной экономической стабилизации. Пятый и шестой исследовательские «срезы» были осуществлены осенью 2003 г. и осенью 2006 г. — в период наметившегося экономического роста. Сравнительный анализ ранговых структур ценностных ориентаций личности в разные исследовательские «срезы» был выполнен с помощью Т-критерия Стьюдента.

В исследовании принимали участие школьники 10–11 классов Москвы и студенты московских высших учебных заведений. Общий объем выборки составил 1020 человек. На разных этапах исследование выполнялось на строго сопоставимых разнородных выборках, которые уравнивались по полу, возрасту, представительству от классов и курсов обучения, по овладеваемым профессиям, числу учащихся от того или иного учебного заведения. Для изучения ценностных ориентаций личности применялся адаптированный вариант методики М.Рокича «Ценностные ориентации» [4].

Выполненное нами исследование показало, что в условиях социально-экономических реформ наиболее динамичными, по сравнению с другими социальными группами респондентов, были структуры ценностных ориентаций учащейся молодежи (старших школьников и студентов), что объясняется в целом высокой подвижностью системы их жизненных ценностей, связанной с продолжением ее активного формирования на данном возрастном этапе развития личности.

Динамика ценностных ориентаций студентов

По сравнению с серединой 1990-х гг. (1994 и 1997 гг.) к 2006 г. более выраженными стали ориентации студентов на социальную ответственность: повысилась с 2003 г. ценность семьи (с 4-го места она передвинулась на 2-е) и с 2006 г. — собственно ответственность, которая вошла в пятерку

наиболее важных ценностей-средств, переместившись с 10-го на 5-е место (рис. 1).

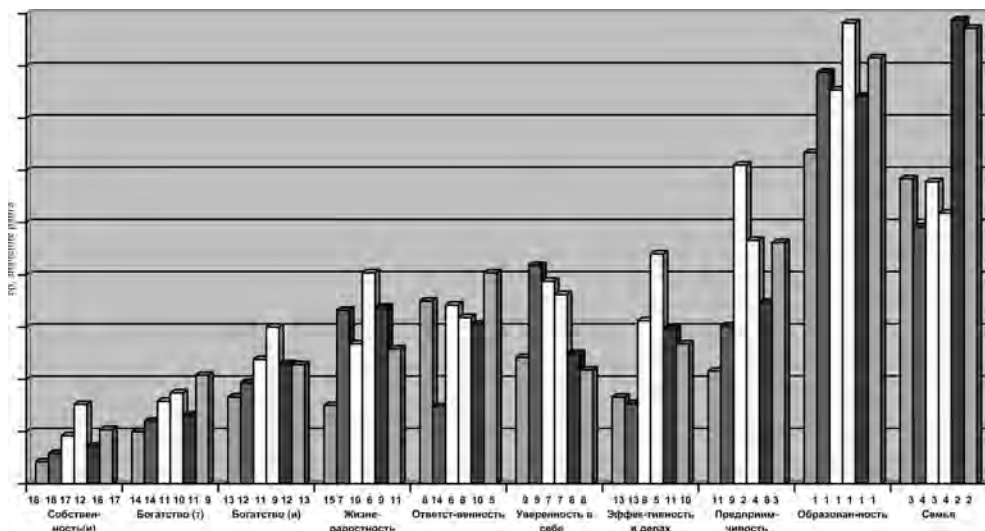

Рис. 1. Динамика ценностных ориентаций студентов, значимость которых возрастала в период с 1994 по 2006 г.

В новых социально-экономических условиях в структуре жизненных приоритетов студентов возросла значимость делового успеха и экономических ценностей. Так, к 1997 г. достоверно более высоким стал ранговый «вес» ценности образованности (сохранилось 1-е место), в 1994–1999 гг. возрос приоритет предприимчивости (с 11-го она переместилась на 3-е место), с 1994 по 2001 г. — ранговый «вес» терминальной ценности богатства (с 14-го на 9-е место) и собственности как инструментальной ценности (с 18-го на 12-е место), а также после дефолта 1998 г. ценность эффективности в делах переместилась с 13-го на 10-е место.

За прошедшее десятилетие, с середины 1990-х гг. (1994–1997) по 2006 г., более низкие ранговые позиции в иерархии ценностных ориентаций студентов стали занимать этические ценности: в 1994–2001 гг. ценность воспитанности с 6-го рангового места опустилась на 12-е, после кризиса 1998 г. честность с 3-го места передвинулась на 4-е, самоконтроль — с 5-го места на 8-е (рис. 2). В 1994–2003 гг. менее значимой для студентов стала творческая самореализация: ценность творчества с 8-го места переместилась на 13-е, широта взглядов — с 9-го на 14-е место. После дефолта 1998 г. в структуре инструментальных ценностей студентов снизился ранговый «вес» самоутверждения: ценность независимости переместилась с 4-го ранга на 6-й.

Таким образом, в период социально-экономических изменений в российском обществе (с 1994 по 2006 г.) выявлено смещение акцентов в ценностном сознании студентов с направленности на творческую самореализацию, самоутверждение и этические ценности к ориентации на социальную ответственность, достижение делового успеха и экономические ценности.

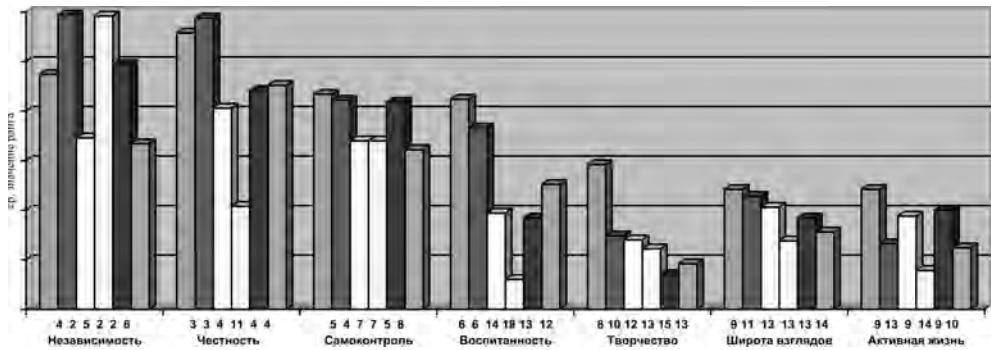

Рис. 2. Динамика ценностных ориентаций студентов, значимость которых снижалась в период с 1994 по 2006 г.

Особое внимание обращает тот факт, что в условиях экономического роста 2003–2006 гг. впервые зафиксировано существенное снижение значимости группы ценностей, «вес» которых для студентов постоянно возрастал с 1994 по 2001 г. В 2003 г. менее значимыми стали ценности социально-психологического комфорта (уверенность в себе и жизнерадостность). Ценность уверенности в себе с более высоких 5–7-х ранговых позиций, которые она занимала с 1997 по 2001 г., переместилась вновь, как и в 1994 г., на более низкую 8-ю, а ценность жизнерадостности, будучи на 6–7-х ранговых местах в период 1997–2001 гг., вновь, как и в 1994 г., опустилась на более низкое 11-е (см. рис. 1).

В условиях экономического роста аналогичная тенденция характеризовала и ряд экономических ценностей, значимость которых для студентов прежде возрастала. Так, к 2003 г. значимость инструментальных ценностей богатства и собственности снизилась соответственно с 9-го на 13-е и с 12-го на 18-е место. От «среза» к «срезу» все большую значимость для студентов продолжает приобретать терминальная ценность богатства. Высокое — 3-е — ранговое место в структуре ценностных приоритетов по-прежнему сохраняет предприимчивость.

В 2003–2006 гг. у студентов возрастала значимость целого ряда ценностей, которые в 1994–2001 гг. были менее значимыми для них. К 2003 г. вновь, как и в 1990-е гг., большую значимость приобрели ориентации студентов на воспитанность, передвинувшись с 18-го на 12-е место, и активную жизнь, переместившись с 14-го на 9-е место (см. рис. 2). Относительно низкие ранговые места у студентов по-прежнему сохраняют ценности творчества, широты взглядов и самоконтроля.

Таким образом, по результатам эмпирических «срезов» 2003–2006 гг. в период наметившегося экономического роста выявлена тенденция переосмысления (некоторого снижения) значимости экономических ценностей (богатства, собственности), ценностей социально-психологического комфорта (уверенности в себе, жизнерадостности) и возвращения к более выраженной ориентации студентов на самореализацию (активную жизнь) и этические ценности (воспитанность).

Динамика ценностных ориентаций старших школьников

При сравнении структур ценностных ориентаций старшеклассников середины 1990-х гг. (1994, 1997) и 2006 г. было выявлено, что ярче выраженными стали их ориентации на экономические и прагматические ценности. Так, с 1997 г. от «среза» к «срезу» в ценностном сознании старших школьников повышался ранговый «вес» смелости в отстаивании взглядов: с 9-го до 2-го места, в 1994–1999 гг. — материальной обеспеченности (с 8-го на 5-е место), в 1994–2003 гг. — предприимчивости (с 13-го на 9-е место). По сравнению с серединой 1990-х гг., более выраженной стала направленность старшеклассников на социальную ответственность: в период с 1994 по 2003 г. от «среза» к «срезу» все большую значимость для старших школьников приобретали ориентации на ценность ответственности (передвижение с 11-го на 3-е место), с 1997 г. возрос приоритет ценности исполнительности, которая поднялась с 19-го на 14-е место, а также после кризиса 1998 г. значительно возросла значимость семьи, переместившись с 5-го на 2-е место (рис. 3).

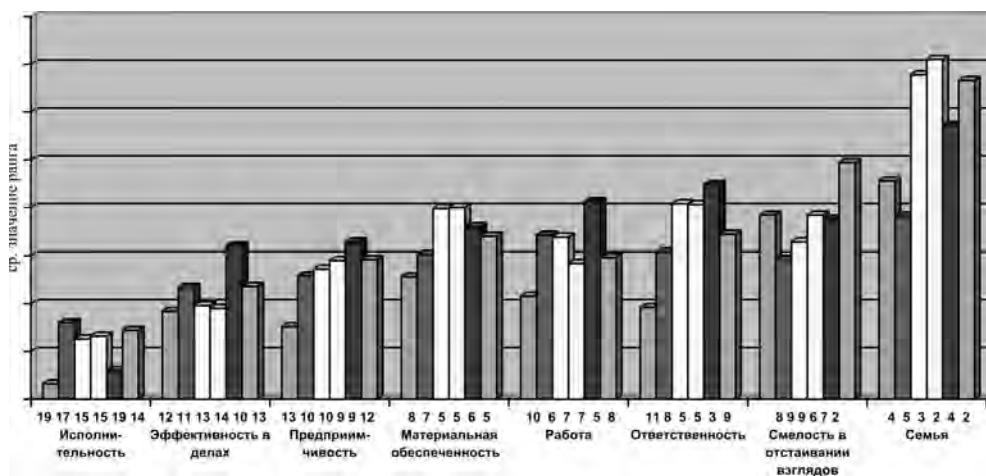

Рис. 3. Динамика ценностных ориентаций старших школьников, значимость которых возросла в период с 1994 по 2006 г.

От «среза» к «срезу» в иерархии ценностных приоритетов старших школьников снижался вес группы альтруистических ценностей: любви (со 2-го рангового места в 1994 г. на 4-е — в 2006 г.) и чуткости (с 14-го ранга в 1997 г. на 18-й — в 2006 г.). С 1997 г. менее значимой для представителей данной социальной группы стала ценность независимости (она переместилась со 2-го рангового места на 4-е), с этого же времени постепенно снизилась значимость терминальной ценности мудрости с 6-й ранговой позиции до 10-й, а в 2006 г. значимость твердой воли переместилась со 2-й на 6-ю ранговую позицию.

Таким образом, за последнее десятилетие в структуре жизненных приоритетов старшеклассников произошел переход от направленности на самоутверждение (твердость воли, независимость, мудрость) и альтруистические ценности (любовь, чуткость) к направленности на социальную ответственность (семью и

собственно ответственность), экономические и прагматические ценности (материальную обеспеченность, предприимчивость, смелость в отстаивании взглядов).

В условиях экономического роста 2003–2006 гг. в иерархии жизненных приоритетов старшеклассников было зафиксировано некоторое снижение значимости ценностей деловой и экономической активности: значимость материальной обеспеченности в 2003 г. снизилась с 5-й на 6-ю ранговую позицию, в 2006 г. менее значимой стала ценность работы, которая, будучи на более высоких 5–7-х ранговых местах в период с 1997 по 2003 г., переместилась вновь, как и в 1994 г., на более низкое 8-е (см. рис. 3). Кроме того, в 2006 г. была выявлена выраженная тенденция снижения значимости ценности ответственности: с 3–5-х ранговых мест в ряду инструментальных ценностей она опустилась на более низкое, как в 1997 г., 9-е. Ценность эффективности в делах, которая к 2003 г. приобрела большую значимость для старших школьников, став 10-й по рангу, в 2006 г. вновь вернулась на 13-е ранговое место. Все больший ранговый «вес» в ценностном сознании старшеклассников продолжает приобретать инструментальная ценность смелости в отстаивании взглядов. Высокое — 2-е — ранговое место по-прежнему сохраняет значимость семьи.

На протяжении 1994–2001 гг. в иерархии ценностных ориентаций старшеклассников приоритет группы этических ценностей постепенно снижался, а в условиях экономического роста их значимость вновь возросла. Так, к 1997 г. в ряду инструментальных ценностей значимость воспитанности снизилась с 6-го до 11-го места, а в 2006 г. ее ранг вновь стал 5-м (рис. 4). В 1994–2003 гг. ценность счастья других постепенно переместилась с 11-го на 15-е места, а ценность мудрости — с 6-го на 13-е. К 2006 г. в ценностном сознании старшеклассников был зафиксирован рост значимости этих ценностей — они вновь переместились на более высокие соответственно 9-ю, как в 1994 г., и 10-ю, как в 1997 г., строчки в ряду терминальных ценностей.

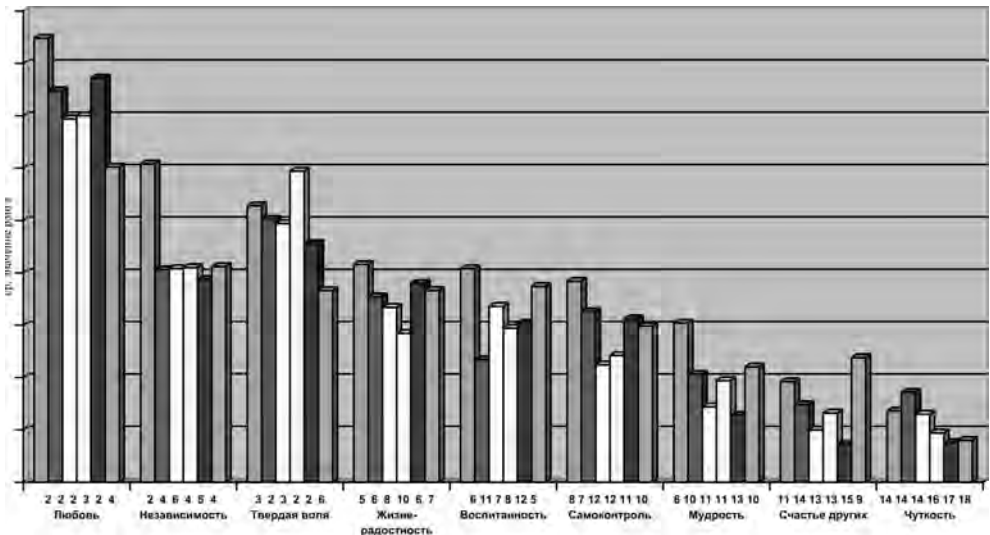

Рис. 4. Динамика ценностных ориентаций старших школьников, значимость которых снижалась в период с 1994 по 2006 г.

В период 1994–2001 гг. у старшеклассников теряла приоритет инструментальная ценность жизнерадостности, переместившись с 5-го на 10-е место, а в 2003 г. она вновь, как и в 1997 г., заняла сравнительно высокое 6-е ранговое место. С 1994 по 1999 г. происходило снижение значимости ценности самоконтроля с 8-го до 12-го места, а в 2003–2006 гг. ее ранговый «вес» снова возрос до 10-го ранга. Продолжает снижаться ценность любви. По-прежнему низкие ранговые позиции занимают ценности независимости и чуткости.

Таким образом, в условиях экономического роста в ценностном сознании старшеклассников зафиксировано возвращение более высокой значимости этических ценностей: счастья других, воспитанности, жизнерадостности, самоконтроля и мудрости. При этом несколько снизился приоритет ценностей деловой и экономической активности: работы, ответственности, материальной обеспеченности, эффективности в делах.

* * *

За последнее десятилетие в ценностных приоритетах старших школьников и студентов произошел переход от направленности на самореализацию (творчество) и самоутверждение (независимость) к направленности на социальную ответственность и экономическую активность (семья, материальная обеспеченность, эффективность в делах). В этот период наблюдалось смещение акцентов в ценностных ориентациях учащейся молодежи: от этических (честность, воспитанность, чуткость) к прагматическим (предприимчивость, смелость в отстаивании взглядов). В условиях экономического роста 2003–2006 гг. в динамике ценностных ориентаций учащейся молодежи вновь обнаружена тенденция к некоторому возрастанию значимости этических ценностей и снижению значимости ценностей экономических, поднявшихся достаточно высоко в иерархии приоритетов на рубеже веков (1999–2001 гг.).

Литература

1. Брик Л.В. Структура ценностных ориентаций молодежи: анализ факторов формирования и развития: Автореф. дис... канд. социол. наук. СПб., 2009; Васина Е.А. Ценностные ориентации современного юношества. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2007; Жапуев З.А., Волков Ю.Г. Динамика ценностей российской молодежи в современной России. Ростов-на-Дону: Антей, 2009.
2. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2006.
3. Запесоцкий А.С. Дети эпохи перемен: их ценности и выбор // Социологические исследования. 2006. № 12. С. 98–104; Котлярова В.В. Динамика ценностей молодежи России в постсоветский период: Дис... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2005; Кулакова Т.В. Ценностная структура массового сознания учащейся молодежи в транзитивном обществе: Региональный аспект: Дис... канд. социол. наук. Саратов, 2006; Локова М.Ю. Структурная трансформация ценностных ориентаций молодежи в модернизирующемся российском социуме: социально-философский аспект: Дис... канд. филос. наук. М., 2007; Максимов С.В.

Ценностные ориентации современной российской студенческой молодежи: социально-философские аспекты: Автореф. дис... канд. филос. наук. Красноярск, 2008; Петров А.В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 83–90; Семёнов В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 37–43; Соколов А.В., Щербакова И.О. Ценностные ориентации постсоветского гуманитарного студенчества // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 115–123; Суртаев В.Я. Ценностные ориентации молодежи в социокультурном пространстве. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2010; Формирование ценностных ориентаций студенческой молодежи: Материалы XI Научно-практической конференции. Мурманск: МГЭИ, 2010; Шубина О.А. Гуманистические ценности в структуре жизненных ориентаций студенческой молодежи: Дис... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2008; Якунина И.С. Динамика структуры ценностных ориентаций студенчества среднего российского города: Автореф. дис... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2007.

4. Rockeach M. Understanding Human Values. New York, 1979.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Н.А.Кренке, А.Л.Александровский, А.В.Лазукин, Е.А.Спиридонова**

Земледельцы и скотоводы бронзового и железного веков на берегах Москвы-реки: новые открытия

Статья посвящена эпохе, когда на территории Подмосковья сформировались производящие формы хозяйства, началось масштабное преобразование природных ландшафтов в культурные. В школьных, да и университетских учебниках создан некий стереотип, что первыми «настоящими» земледельцами на территории Москвы были пришедшие сюда в XI–XII вв. славяне, заставшие густые леса, которые они сводили, выжигая, а потом на освободившихся местах устраивали поля.

Полевые археологические исследования последних лет, проведенные в содружестве с географами, заставляют отказаться от подобной точки зрения.

Массовое применение радиоуглеродного датирования уточнило датировки памятников, позволило выявить относительно узкие хронологические периоды, представленные наибольшим количеством археологических остатков. Наконец, начали заполняться некоторые «белые пятна» как на археологической карте, так и во временной шкале археологических культур.

Археологические исследования в Подмосковье ведутся уже около 200 лет. Последовательность основных археологических культур региона была впервые систематически изложена в 1909 г. в статье Д.Н.Анучина «Доисторическое прошлое Москвы», опубликованной в сборнике «Москва в ее прошлом и настоящем». За многие годы исследований в столице и Подмосковье выявлены тысячи археологических памятников, кратко описанных в четырех томах Археологической карты Московской области и трехтомнике «Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты». Вступительная статья Ю.А.Краснова к «Археологической карте Московской области», изданная в 1994 г., суммировала знания об археологии региона.

Пойма Москвы-реки — это наиболее динамичная часть ландшафта речной долины. В XVII–XX вв., когда леса были сведены на значительных пространствах, паводки стали особенно высокими (во время наводнения 1908 г. улицы Замоскворечья напоминали каналы Венеции). В результате поверхность долины в пределах поймы покрылась мощным слоем аллювиальных отложений толщиной полметра и более, которые скрывали от глаз археологов древние поверхности. В то же время очевидно, что пойма интенсивно осваивалась людьми, поселения которых тяготели к речной долине. Поэтому в середине 1990-х гг. началось планомерное изучение поймы с целью выяснения «ритма» жизни Москвы-реки и обнаружения археологических памятников на ее берегах.

* **Кренке Николай Александрович** — кандидат исторических наук, сотрудник Института археологии РАН, руководитель проекта «Раскопки памятников эпохи становления производящего хозяйства в долине Москвы-реки» (10-01-18069е).

Александровский Александр Леонтьевич — кандидат географических наук, сотрудник Института географии РАН, исполнитель того же проекта.

Лазукин Александр Викторович — сотрудник Звенигородского краеведческого музея, исполнитель того же проекта.

Спиридонова Елена Александровна — кандидат географических наук, сотрудник Института археологии РАН, исполнитель того же проекта.

Уже на первых этапах работы в обрывах кромки берега были выявлены темные горизонты погребенных почв, разделенных прослойками светлого аллювия (в Курьяново напротив Коломенского, Терехово напротив Кунцева и др.). Это означало, что в истории реки имелись длительные периоды, когда она становилась маловодной, на незаливаемой пойме формировались почвы, рос лес. Радиоуглеродные даты, полученные по образцам почвенного гумуса, позволили датировать эти периоды. Оказалось, что низкие паводки приходились на интервалы 800–2500; 2700–4000; 4500–6000 лет назад. Москва-река была существенно полноводней, чем сейчас, лишь в конце ледникового периода, а в относительно недавнем прошлом, в интервалы, которые указаны выше (по археологической периодизации это эпоха неолита, бронзовый и железный века, раннее средневековье), уровень воды был ниже. Река была совсем «домашней», и люди могли без риска селиться ближе к воде.

Несколько лет после того, как почвы в толще аллювия были обнаружены, не удавалось найти значимых археологических памятников. Удача улыбнулась лишь в 2005 г. Напротив известного дачного поселка Николина Гора (10 км ниже по течению от Звенигорода) в обнажении берега, где дерн был разбит спускавшимися к водопою лошадьми 1-го Московского конного завода, обнаружили керамику бронзового века. Горизонт темной почвы, на которой лежала керамика, уходил в глубь берега. Толщина культурного слоя составляла 10–20 см. По счастливой случайности река сама облегчила работу археологам, срезав поздние напластования аллювия и образовав плоскую «ступеньку» (эрозионную террасу) на 20–50 см выше уровня находок. Раскоп охватил площадь около 150 кв. м (рис. 1).

Рис. 1. Раскопки поселения бронзового века РАНИС (Николина Гора).
Археологи А.Лазукин и М.Лавенто

Уникальность находок заключалась в том, что керамика оказалась идентичной керамике из погребений фатьяновской культуры, входящей в круг культур «боевых топоров» бронзового века. До сих пор в Волго-Окском междуречье поселения этой культуры были практически не изучены. Отдельные фрагменты керамики встречались на многослойных стоянках, но «чистые», ненарушенные культурные слои не были известны. В результате облик культуры, известной лишь по материалам раскопок погребений и отдельным находкам, оставался очень загадочным и неполным.

Открытие поселения с культурным слоем, «законсервированным» перекрывшей его 2,5-метровой толщей аллювия, открывало большие возможности. Поверхность раскопа была обильно усеяна керамикой. Скопления черепков остались лежать почти «на своих местах», как их бросили люди в древности (рис. 2). Благодаря этому удалось из мелких частей подклеить крупные фрагменты сосудов.

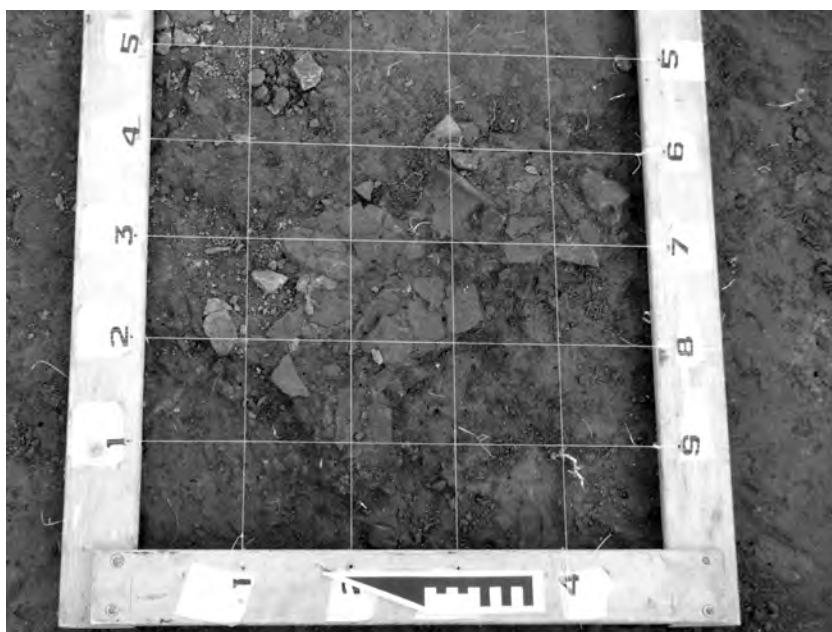

Рис. 2. Раздавленный горшок бронзового века на поселении РАНИС (Николина Гора)

До сих пор археологам была известна лишь керамика из погребальных комплексов, т.е. намеренно отсортированная, а здесь перед нами предстала «случайная выборка». Оказалось, что доля грубой, неорнаментированной керамики гораздо выше, чем считалось ранее. В то же время в коллекции есть и прекрасно сделанный лощеный сосуд, и несколько других богато орнаментированных, подобных встреченным в погребениях. Керамика эта разительно отличается от той, что использовали местные племена в позднем каменном и раннем бронзовом веке (волосовская культура) (рис. 3, 4). Недаром в науке существует общепризнанное мнение о пришлое характере фатьяновской культуры. Споры идут лишь относительно ее исходного региона.

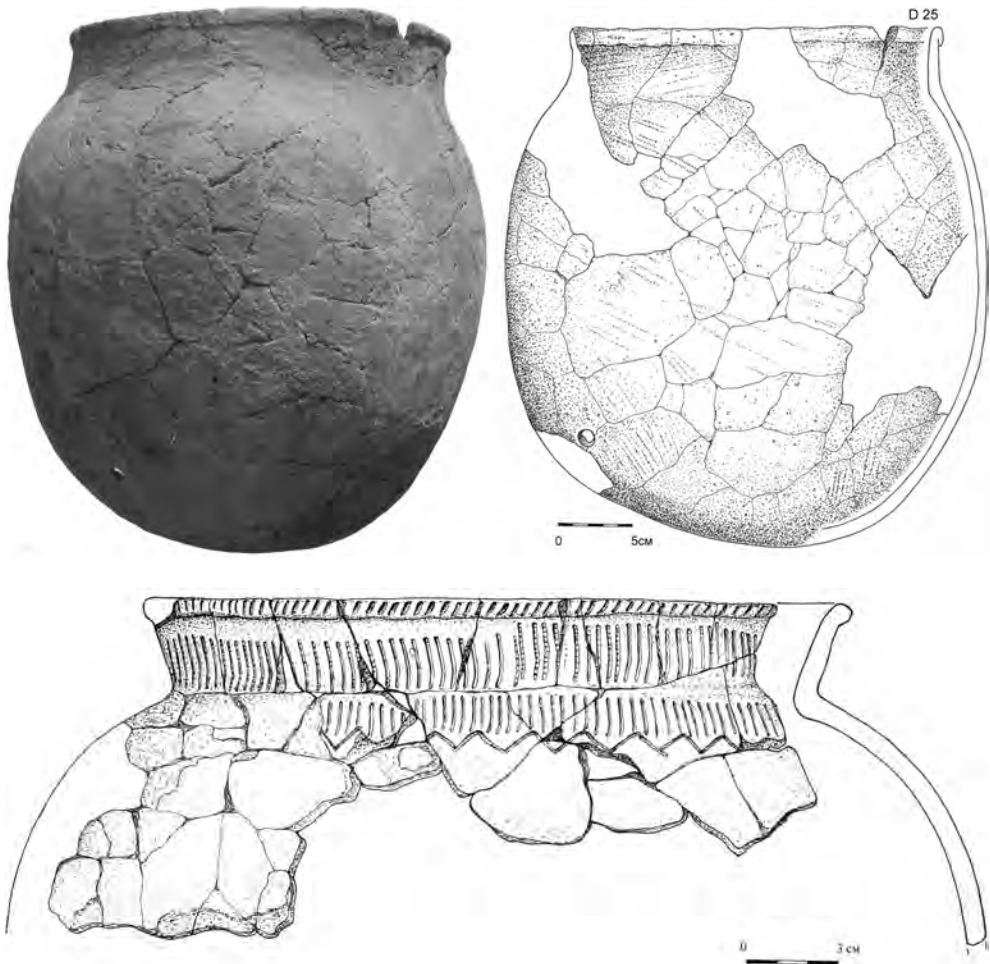

Рис. 3, 4. Горшки фатьяновской культуры с поселения РАНИС (Николина Гора). Сосуд с отверстием, вероятно, предназначался для приготовления молочных продуктов

Набор каменных орудий также оказался «неожиданным». Вместо обычных для погребений топоров раскопанный участок поселения дал целую серию однотипных инструментов. Это кремневые орудия с выделенным «жальцем», предназначенным для прокалывания либо для проветривания отверстий. Трассологические исследования помогут определить, какие материалы (кожа, дерево, керамика?) ими обрабатывались.

Угли из культурного слоя позволили получить несколько радиоуглеродных дат около 4000–4100 лет, что соответствует 2700–2600 гг. до н.э. Скорее всего, поселение было недолговременным, но считать его лишь эпизодической стоянкой также нельзя, так как отобранные из разреза образцы на спорово-пыльцевой анализ зафиксировали целый цикл перестройки растительности.

Такие трансформации могут произойти лишь за годы. То есть люди жили в этом микрорегионе достаточно долго, возможно, незначительно сменяя место поселения.

Набор пыльцы растений, извлеченной из культурного слоя, подстилавших его отложений и залегавшего выше аллювия, позволил проследить существенную динамику природного комплекса, включая антропогенные изменения. Состав пыльцы из погребенной почвы, на которой залегали культурные остатки, дал спектр, в котором преобладала древесная растительность (частота встречаемости пород в следующем порядке — ель, сосна, береза, ольха). В спектрах из основания культурного слоя, где было сосредоточено наибольшее количество культурных остатков, доминировала пыльца травянистых растений, а среди древесных преобладала сосна с участием березы и широколиственных пород. Высокое содержание пыльцы полыневых и маревых указывает на широкое развитие сорной растительности в пределах поселения.

Очень важно, что в одном из образцов встретилось пыльцевое зерно с признаками, характерными для культурных злаков. Вопрос о том, в какой мере и какого типа земледелие было распространено у населения, оставившего памятники фатьяновской культуры, остается дискуссионным, так как пока «прямых» данных практически нет. В верхней части культурного слоя и отложениях, которые его перекрывали, постепенно возрастает доля древесной растительности, лес (ель, сосна при участии березы, ольхи, широколиственных пород) опять начинает преобладать, но площадь пойменных лугов расширилась, по сравнению с ситуацией до функционирования поселения. Присутствие сорных растений, таких как крапива, подорожник, горец, кипрейных (иван-чай), свидетельствует об изменении человеком естественного покрова изученной территории.

Судьба населения фатьяновской культуры в Волго-Окском междуречье совершенно неизвестна. Если в Среднем Поволжье были обнаружены памятники, характеризующие этапы смешения пришлого и местного населения (последовательность культурных комплексов в интервале II тыс. до н.э. практически непрерывна, прослеживается их преемственность), то в бассейне Москвы-реки ситуация иная. Многочисленным городищам железного века, датированным серединой I тыс. до н.э. или чуть более ранним временем, предшествует очень незначительное количество известных неукрепленных поселений с так называемой текстильной керамикой (с отпечатками ткани, шнуров на поверхности горшков). «Фатьяновские традиции» в изготовлении керамики как будто бы прерываются.

В 2007 г. был открыт памятник, попадающий именно в эту лагуну второй половины II — начала I тыс. до н.э. Поселение расположено на высоком левом берегу р. Разводни (Сторожки) на горе Олимп, к югу от д. Дюдьково, в двух километрах от Саввино-Сторожевского монастыря. Название горе дали в начале XX в., с нее открывается красивый вид на д. Дюдьково, где жил композитор С.И.Танеев. До сих пор сохраняется прогал между деревьями, прозванный «окном Левитана», который писал этюды в окрестностях. Гора Олимп имеет необычную форму. Ее верхняя площадка напоминает каплю. Перешеек, соединяющий ее с берегом, всего в несколько метров шириной. Раскоп в 20 кв. м и шурфы заложили на верхушке горы, так как

здесь на небольшой поляне видны были заросли крапивы — верный признак человеческой активности.

Результаты оказались неожиданными: помимо культурного слоя средневековой деревни XIV—XV вв. был обнаружен горизонт с находками текстильной керамики — развал почти целого горшка. Расширение раскопа показало, что это не случайная находка, рядом оказались фрагменты других сосудов. Особенно интересно отметить, что были найдены фрагменты верхних частей горшков, форма которых напоминала фатьяновские сосуды своим высоким прямым венчиком и резко отогнутыми округлыми плечиками. Однако собственно фатьяновской керамики найдено не было, что свидетельствует о «чистоте» комплекса, не имеющего примеси более раннего материала.

Вместе с керамикой были найдены изделия из камня — отщепы (отходы обработки кремня) и, что особенно важно, сверлина от каменного топора. Эта находка выглядит как каменный цилиндр диаметром около 1 см, который образовался при высверливании отверстия в каменном топоре с помощью полой трубки (кости?). Таких находок гораздо (на два порядка) меньше, чем самих каменных топоров, и они интересны тем, что фиксируют место изготовления орудий. Единичные фрагменты текстильной керамики найдены и на соседних мысах. Можно надеяться, что дальнейшие исследования позволят обнаружить ямы от построек древнего поселения, которое, видимо, было стационарным, окруженным хозяйственной зоной. В ямах можно будет отобрать уголь для датирования и пыльцу для реконструкции растительности.

Не менее интересный памятник исследовался в 2004—2006 гг. на территории Москвы в парке «Царицыно». Это поселение располагается на мысу высокого правого берега р. Язвенки возле беседки-ротонды начала XIX в., названной «Храм Цереры». За три полевых сезона раскопано более 150 квадратных метров, что позволило получить довольно детальные сведения о памятнике. Помимо материалов эпохи Средневековья и Нового времени, на поселении возле беседки были обнаружены находки трех периодов заселения площадки — в бронзовом веке, на рубеже бронзового и железного веков, в позднем железном веке (по европейским классификациям — римское время). Наиболее ранние находки, к сожалению, все переотложенные, относились к фатьяновской культуре. Кроме керамики с очень характерными орнаментами (двойные зигзаги, выполненные мелкозубчатым гребенчатым штампом), были найдены и изделия из камня. Последние представлены сколом с лезвия полированного топора, обломком наконечника стрелы, серией из трех орудий с выделенным жалъцем. Количество фатьяновской керамики (более 1000 фрагментов), преобладание неорнаментированной посуды доказывает, что на этом месте находилось довольно долговременное поселение, нельзя предполагать, что находки происходят из разрушенных погребений.

Таким образом, в Московском регионе оказались одновременно выявленными два достоверных поселения культуры, получившей обозначение в археологической систематике как фатьяновская. Они занимали различные в ландшафтно-геоморфологическом отношении участки. Судя по находкам

в «Царицыно», можно утверждать, что люди, оставившие эти памятники, освоили не только долину Москвы-реки, но и продвинулись вглубь по ее притокам. Вероятно, подобные поселения образовывали целую систему, так как ранее неоднократно были найдены каменные топоры вдали от основной долины. Поселение на мелком притоке в «Царицыно» демонстрирует тип стационарного поселка, вокруг которого неизбежно должен был быть сведен лес, где возник «очаг» культурного ландшафта. Возможно, поселения в пойме Москвы-реки и те, что располагались на высоких мысах в узких долинах малых рек, имели различия в хозяйственной специализации.

При оценке хозяйства этих людей обычно делался акцент на их занятие скотоводством, так как кости домашних животных, положенных в погребения как заупокойная пища, легко опознавались, в отличие от сложно находимых зерен и пыльцы, для отбора которых нужно применять специальные технологии.

Второй хронологический пласт находок на поселении в «Царицыно» представлен текстильной керамикой. Форма этих горшков принципиально отличалась от фатьяновских тем, что они не круглодонные, а плоскодонные (рис. 5).

Самым существенным открытием явилось обнаружение оборонительного рва, выкопанного в период поселения с текстильной керамикой. Таким образом, поселение на мысу являлось укрепленным, прообразом будущих мощных городищ железного века. Ширина рва составляла всего около трех-четырёх метров, а глубина около полутора (рис. 6).

К этому необходимо добавить, что, вероятно, существовал и вал, скрытый в позднейшие эпохи. На дне рва обнаружены упавшие туда обугленные стволы деревьев. Угли найдены и в столбовой яме, выкопанной с уровня рва. Радиоуглеродные датировки этих углей оказались очень близкими друг другу: 2490 ± 40 , 2500 ± 40 , 2510 ± 60 . При пересчете на календарный возраст наиболее вероятным оказывается интервал 710–520 гг. до н.э. Угли упали в уже выкопанный ров, следовательно, он появился ранее указанных дат. Это одно из древнейших оборонительных укреплений в Москворецком регионе.

Преимущество двух поселений вряд ли может быть случайной. Скорее, наоборот, люди фатьяновской культуры как бы «перевели стрелку» на пути освоения территории земледельцами-скотоводами и предопределили его дальнейший ход.

В середине I тыс. до н.э. в бассейне Москвы-реки начался резкий демографический подъем. Эта эпоха представлена почти 300 поселениями. Лишь на территории современной Москвы их известно около 40. Крупные городища, укрепленные сложными фортификационными системами из валов и рвов, расположены вдоль долины реки, в нижних течениях ее малых притоков. Такой рост населения, вероятно, обуславливался очень благоприятными условиями, возросшими возможностями хозяйства. Палеоботанические исследования, проведенные во время раскопок Дьякова городища в «Коломенском», показали, что культурный слой насыщен зернами ячменя, пшеницы, проса (рис. 7). Спорово-пыльцевые спектры зафиксировали сведение и изменение состава лесов, смену коренных пород (сосна, ель) вторичными (береза и пр.). Этот процесс получил особенное развитие в первые века н.э.

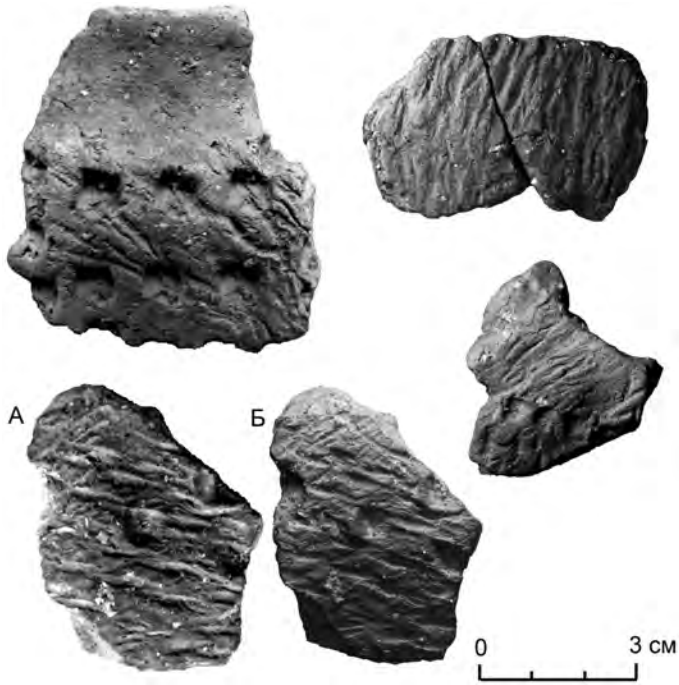

Рис. 5. Образцы текстильной керамики начала I тыс. до н.э. с поселения Царицыно 1 (Церера)

Рис. 6. Древнейший оборонительный ров возрастом 2500 лет на поселении Царицыно 1. Археолог Кира Агеева составляет научную документацию

Радиоуглеродный возраст в годах (BP)	Распределение датировок для памятников «дьякова типа» басс. Москвы-реки	Городище Дьяково	Городище Настасьино	Остальные памятники	Количество датировок
400-500		1	-	-	1
500-600		1	2	-	3
600-700		-	1	-	1
700-800		-	-	-	-
800-900		-	-	1	1
900-1000		-	-	-	-
1000-1100		-	1	-	1
1100-1200		1	-	-	1
1200-1300		1	-	4	5
1300-1400		1	-	1	2
1400-1500		1	-	2	3
1500-1600		2	-	1	3
1600-1700		9	-	2	11
1700-1800		12	-	1	13
1800-1900		23	1	4	28
1900-2000		14	5	7	26
2000-2100		7	6	6	19
2100-2200		12	6	6	24
2200-2300		11	5	8	24
2300-2400		11	4	4	19
2400-2500		8	1	2	11
2500-2600		2	2	2	6
2600-2700		3	5	-	8
2700-2800		2	2	-	4
2800-2900		1	-	1	2
2900-3000		-	-	-	-
3000-3100		-	1	-	1
3100-3200		-	-	1	1
3200-3300		-	1	-	1
3300-3400		-	1	-	1
3400-3500		-	-	-	-
3500-3600		-	-	-	-
3600-3700		-	-	-	-
3700-3800		1	-	-	1
3800-3900		-	-	-	-
3900-4000		-	-	-	-

Всего: 221

Рис. 7. Зерна культурных злаков из слоев первых веков н.э. на Дьяковом городище

Культурный слой этого времени на Дьяковом городище имеет толщину более метра и содержит находки, очень характерные для земледельцев. Это не только орудия труда (серпы, зернотерки), но и глиняные антропоморфные статуэтки. Для культур земледельцев разных эпох очень характерно почитание божеств плодородия, изготовление мелкой глиняной пластики в виде женских статуэток, персонифицировавших эти божества. Именно такими статуэтками насыщен слой городища. Сделаны они из тех самых покровных суглинков, на которых его жители выращивали урожай (рис. 8).

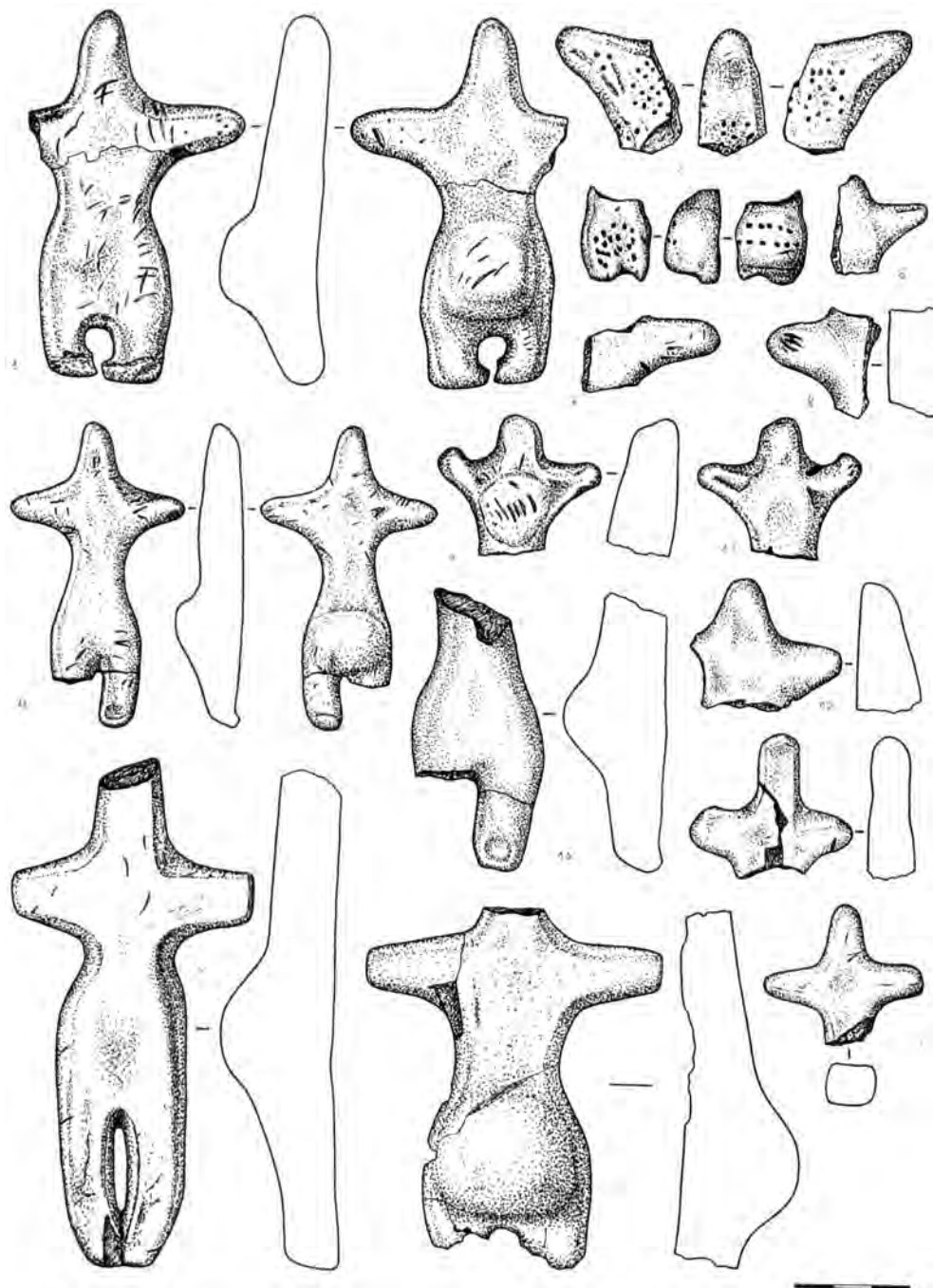

Рис. 8. Глиняные статуэтки из раскопок Дьякова городища

Преуспевавшее население городищ Москвы-реки в первые века н.э. стало расширять свои связи и перенимать новый стиль жизни. Сюда начался массовый завоз стеклянных бус, изредка попадали вещи из далеких окраин Римской империи, появилась столовая лощеная посуда. В I—II вв. н.э. возникли более тесные контакты с кочевым сарматским миром, граница которого проходила на 500 км южнее.

Факты, изложенные на этой странице, стали известными и получили интерпретацию примерно 20 лет назад. Что же нового открыто теперь? До сих пор казалось, что в железном веке население региона концентрировалось лишь в долинах относительно крупных рек — Москвы-реки, Пахры, Истры, Рузы. Внутренние районы оставались малоосвоенными. Оказалось, что это верно лишь отчасти. По мере более детального археологического изучения территории стали обнаруживать одно за другим поселения железного века на малых притоках в нескольких километрах от Москвы-реки.

Первое такое поселение в Москве было обследовано в 2000 г. на р. Раменке выше по течению от современного жилого комплекса «Золотые ключи». Без раскопок не представлялось возможным определить статус и хозяйственную направленность подобных поселений. Можно было предполагать, например, что это охотничьи займки и т.п. Раскопки в «Царицыно» приоткрыли завесу. Был уточнен возраст и характер подобных поселений. Оказалось, что жившие здесь люди «производили» большое количество мусора, использовали многочисленные горшки и часто их разбивали. Оборонительный ров им уже оказался не нужен, сюда стали сваливать разбившуюся посуду и кухонные отбросы. Такая ситуация возможна лишь на стационарном поселении. В ямах, вероятно от построек, были обнаружены обугленные зерна культурных злаков. Анализ пыльцы из этих ям показал, что лес вокруг уже потеснили, где-то рядом находились небольшие поля. Фактически подобные поселения можно рассматривать как прообраз средневековых малодворных деревень. Радиоуглеродный возраст образцов из ям и засыпанного рва указывает на I—II вв. н.э.

Если посмотреть на археологическую карту поселений железного века в бассейне Москвы-реки в целом, то оказывается, что берега густо усеяны поселениями, многие из которых существовали не одну сотню лет. Леса, по данным спорово-пыльцевых анализов, стало значительно меньше. Эта ситуация не позволяет допускать, что система земледелия этого населения была исключительно или хотя бы в преобладающей степени подсечной. Постоянные пахотные угодья должны были окружать поселения. Количество примеров обнаружения следов этих угодий пока невелико, но они есть. Под внешними валами нескольких городищ зафиксированы пахотные горизонты, возделанные пахотным орудием, сформировавшим характерную нижнюю плужную границу в почвенном профиле. При подсечном земледелии, когда зерна бросаются в теплую золу, а пни не выкорчевываются, такие изменения в почвенном профиле не происходят.

Славяне, пришедшие на эту территорию несколько столетий спустя, в первую очередь расселились там, где ранее существовал окультуренный ландшафт. Фактически это был уже третий или четвертый цикл.

Возвращаясь к метафоре начала статьи, можно сказать, что действительно наши знания не полны, звенья цепи не соединяются. Но есть факты, указывающие на то, что в действительности развитие не было поступательным. Реальные «пики» чередовались с такими же реальными «спадами». Уровень, достигнутый при формировании культурного ландшафта в бассейне Москвы-реки в первые века н.э., сейчас еще трудно с точностью оценить, но он был высоким, а причины запустения территории во второй половине I тыс. н.э. остаются пока неизвестными.

*А.Б.Бодэ, Г.Е.Дионисьева**

Историко-архитектурные обследования Сретено-Михайловской церкви (Каргопольский район Архангельской области)

Сретено-Михайловская церковь — один из самых значительных и древних памятников деревянного зодчества Каргополя. Церковь находится в стороне от дорог на месте исчезнувшей деревни. Памятник датируется 1655 г. и представляет собой один из немногих уцелевших образцов восьмигранных шатровых храмов (рис. 1). Сооружение Сретено-Михайловской церкви велось в несколько этапов, на последнем из которых здание было сильно перестроено, и его первоначальный облик оказался скрытым под слоем обшивки. Церковь бегло представлена в нескольких научных и научно-популярных изданиях [1, с. 111; 2, с. 137, 140; 3, с. 66–67]. Однако до сих пор ее строительная история и архитектурно-конструктивные особенности остаются неизученными.

Рис. 1. Сретено-Михайловская церковь

* **Бодэ Андрей Борисович** — кандидат архитектуры, заведующий сектором Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства РААСН, руководитель проекта «Историко-архитектурные обследования Сретено-Михайловской церкви в урочище Красная Ляга Каргопольского района Архангельской области» (10-04-18014е).

Дионисьева Галина Евгеньевна — ведущий архитектор Главного архитектурно-планировочного управления, исполнитель того же проекта.

Летом 2010 г. мы провели натурные обследования памятника, в результате чего удалось выявить этапы его строительной истории, определить архитектурные решения, свойственные каждому этапу, зафиксировать уникальные архитектурные детали. Стал понятен в деталях первоначальный архитектурный облик памятника, немало интересных сведений мы почерпнули из архивных источников.

Сретено-Михайловская церковь в основе представляет собой восьмерик с двумя прирубами с востока и запада (рис. 2). Восьмерик покрыт шатром, в основании которого устроен небольшой постамент. Над алтарным прирубом возвышается бочка, притвор имеет простое двухскатное покрытие. Церковь стоит на белокаменном ленточном фундаменте. Стены имеют обильно декорированную обшивку. По всем сторонам восьмерика устроены в два яруса одинаковые по величине высокие окна, внутри восьмерика образуется высокое двухсветное пространство (рис. 3).

История реконструкции памятника прослеживается с 1842 г., когда был составлен проект перестройки [4]. Судя по имеющимся в архиве Республики Карелия двум планам, первоначально церковь имела галерею-паперть, опиравшуюся на здание с трех сторон. На галерею вели два крыльца, южное было более широким, на два восхода. На северной и южной стенах восьмерика имелись дверные проемы. На проектной чертеже изображено здание с удаленной папертью и устроенным новым входом. Притвор, раньше соединявшийся с молитвенным помещением, теперь отделен от него стеной. Внутри него устроена лестница.

Результаты этой перестройки мы видим на фотографии конца XIX в., хранящейся в Каргопольском музее. На южной стене восьмерика прочитывается след от удаленной паперти (отпиленные кронштейны, гнезда балок покрытия). Частично заложен дверной проем, на его месте устроено окно. Первоначальные сдвоенные и одинарные небольшие окна сохранились на северной стене алтаря и на восьмерике. Судя по высоте крыльца, лестница, как и предполагалось, была устроена внутри притвора. Снаружи — скромное крыльцо, лишенное той парадности, что предусматривалась в проекте. По фотографии видно, как покосился шатер, да и сам восьмерик просел относительно прирубов.

Очевидно, к концу XIX в. назрела необходимость капитального ремонта здания, что и было произведено в 1894–1895 гг. Срубную часть здания перебрали в течение 1894 г. и собрали в основном из старого материала, о чем имеется соответствующая документальная запись [5]. После реконструкции церковь стала однопрестольной и была заново освящена в честь Архистратига Михаила.

В процессе обследования выявлено много следов различных утраченных элементов. Сейчас стены здания снаружи скрыты плотной обшивкой, но внутри она снята большими фрагментами, и это позволяет проследить строительную историю. О переборке срубов напоминает идущая сверху вниз маркировка бревен, сделанная красным мелом. Верхняя часть восьмерика скрыта высоким потолком, и полностью подсчитать количество бревен в срубе не удалось. Но ориентировочное их число (в соответствии с маркировкой) свидетельствует о том, что высота стен основного сруба после переборки почти не изменилась. По обмерному чертежу видно, что очертания плана немного неправильные, прирубы разной величины.

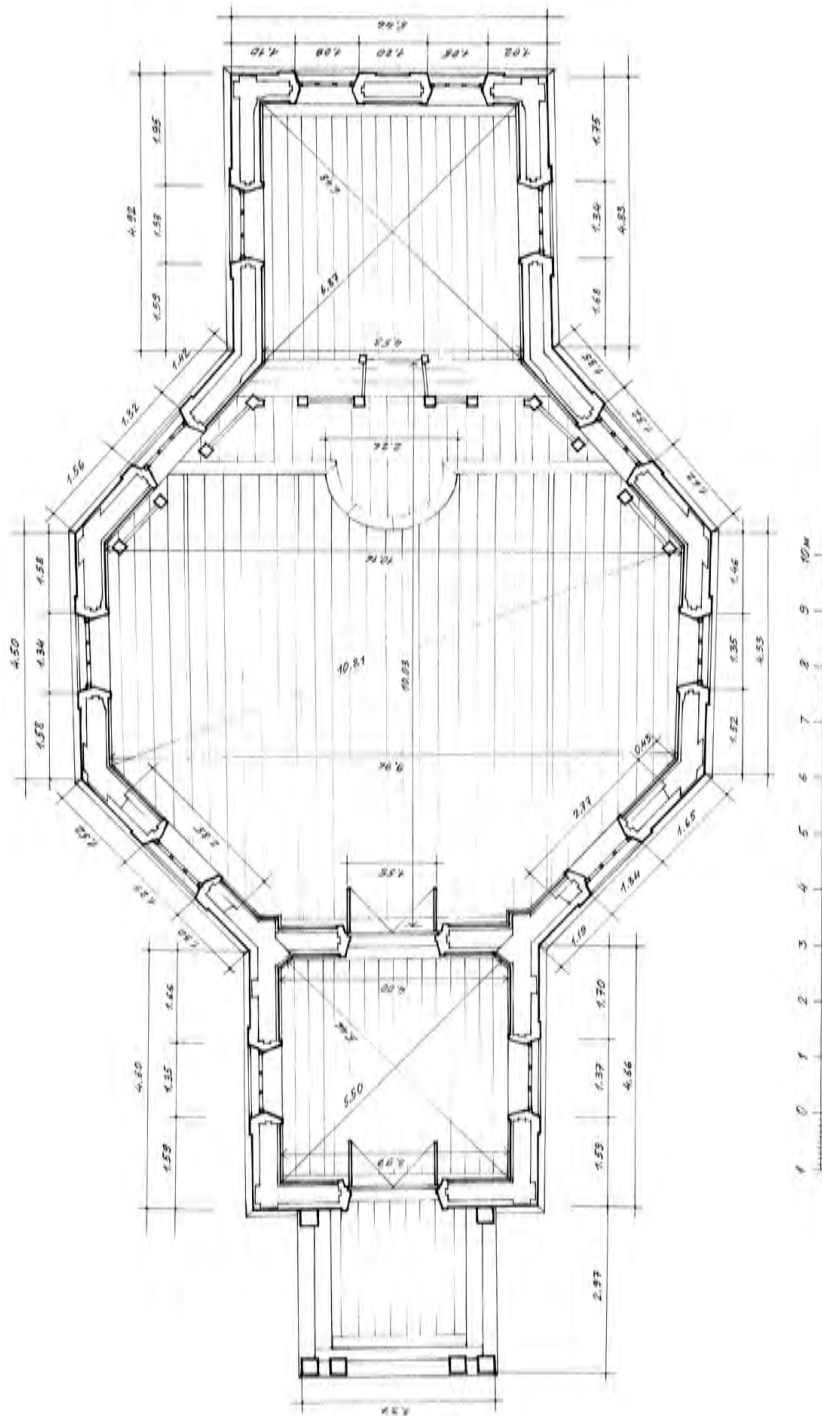

Рис. 2. План Сретено-Михайловской церкви. Обмеры А.Б.Бодэ и Г.Е.Дионисьевой, 2010 г.

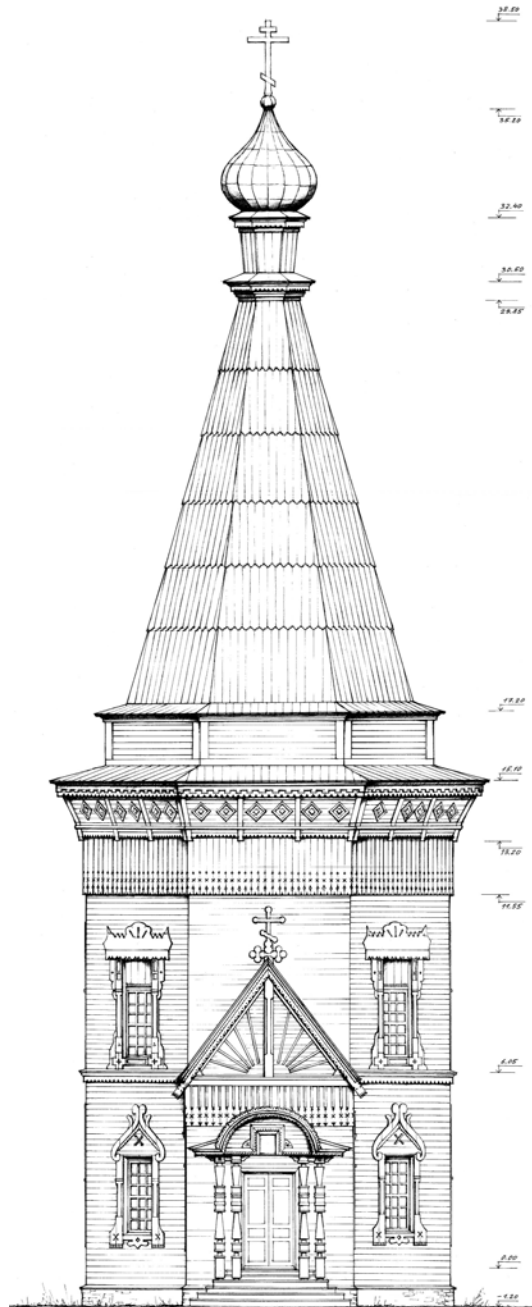

Рис. 3. Западный фасад. Обмеры А.Б.Бодэ и Г.Е.Дионисьевой, 2010 г.

Стены сложены из старых бревен толщиной до 40 см, с внутренней стороны они не отесаны, за исключением алтарного прируба. В некоторых местах можно увидеть новые вставки. Например, на северной стороне алтаря

новое окно располагалось посередине стены, а старое сдвоенное окно оказалось во вновь образовавшемся простенке. Чтобы не делать закладку окна, ослабляющую конструкцию стены, простенок полностью выполнили из новых бревен. То же самое можно увидеть на юго-западной стене восьмерика, где раньше находилось окно второго света. Определенно, вставки новых бревен были сделаны для усиления конструктивных связей старого сруба в местах бывших проемов.

Выявлено, что полностью сохранилось первоначальное боковое покрытие алтарного прируба. В его завершении имеются врубки от четырех стоек, которые служили конструктивной основой первоначальной достаточно крупной главы на длинной шее. Нынешняя, более легкая глава опирается на одну стойку.

Сейчас на стенах восьмерика и на боковых стенах прирубов размещены равные по величине высокие оконные проемы. На восточной стене алтаря два одинаковых окна напоминают о существовании в прошлом двух престолов. На боковых стенах восьмерика, где были проходы на галерею, по бокам существующих окон видны глубокие затески, по которым можно определить размеры бывшего дверного проема. Заметно, что он не соответствует существующему уровню пола. Первоначально пол находился на 1 м выше. Сейчас это место скрывается за обшивкой цоколя. Примерно в полуметре над ним прочитывается след от пристенной лавки. Справа и слева от бывшей двери, там, где должны были располагаться ножки лавок, на стенах вырублены вертикальные пазы. На юго-западной и северо-западной стене восьмерика прорублены длинные окна-щели, для того чтобы с галереи можно было наблюдать за службой. Части этих смотровых щелей сохранились по бокам ныне существующих окон. В сечении их проем напоминает раструб, обращенный внутрь молитвенного помещения (рис. 4).

Рис. 4. Южная стена изнутри. Видны следы первоначального дверного проема и пристенных лавок, справа — остаток окна-щели

Галерею поддерживали кронштейны-выпуски перерубов под полом и выпуски бревен стен западного прируба. Все они были срезаны, когда удалялась галерея. Следы выпусков-перерубов хорошо видны на южной стороне притвора сквозь щели наружной обшивки. Кронштейн состоял из пяти бревен.

Обнаружено, что первоначально полы в церкви были сделаны из широких плах — половин бревен. При перестройке их использовали для устройства чернового пола, но уложили плоской стороной вниз на толстые поперечные бревна-балки. Поверх плах настелили чистовой пол из досок толщиной 6 см по небольшим выравнивающим брускам. Причины понижения пола понятны. После удаления галереи и наружных высоких крылец лестницу устроили в притворе, но за счет этого сократилась площадь помещений. Понижение уровня пола после реконструкции позволило вообще избавиться от высокой лестницы, занимавшей много места внутри или требовавшей большого сооружения снаружи. Правда, это практическое усовершенствование сделало менее выразительным внешний облик здания, лишив его небольших соподчиненных объемов.

Уникальной деталью является балка с росписью, вторично использованная в конструкции крыльца. Она обнаружилась после того, как с крыльца начала обваливаться обшивка. На эту деталь указал архитектор-реставратор И.Н.Шургин, он же и определил, что это тябло более раннего потолка — «небо». Согласно сделанным обмерам ее длина немногим более 4 м, сечение — 17 на 18 см с двумя симметричными пазами. Роспись хорошо сохранилась, это растительный орнамент, выполненный черной обводкой с заливкой частей белилами, охрой и красным цветом. Нынешнее «небо» находится на высоте более 10 м от уровня пола. Более ранний потолок — «небо» с расписными тяблами, судя по аналогам XVII в., должен был находиться значительно ниже. Выяснить, на какой он был высоте, можно, только освободив от обшивки весь интерьер церкви.

Существующий позднейший иконостас устроен вдоль трех стен молитвенного помещения. От него сохранилась основа в виде стоечно-балочной конструкции, оформленной в духе позднего классицизма. Этому иконостасу, несомненно, предшествовал традиционный иконостас, состоявший из ряда узких полок-тябл, на которые ставились иконы. Обычно от таких полок остаются характерные врубки в противоположных углах на продольных стенах. В Сретено-Михайловской церкви места, где могут быть обнаружены следы тяблового иконостаса, скрыты под обшивкой, хотя на северной и южной стенах восьмерика в восточных углах есть симметричные врубки, которые могли остаться от тябл. В таком случае на юго-восточной и северо-восточной стенах над первоначальными небольшими окнами располагалось по одному ряду икон.

Все выявленные следы деталей XVII в. зафиксированы на обмерных чертежах, выполненных в масштабе 1 : 50 и 1 : 20. Наиболее наглядно строительная история памятника просматривается по продольному разрезу (рис. 5).

Обращает на себя внимание декоративная обработка фасадов, сделанная при последней перестройке. Обшивка перегружена эклектичным декором

и совершенно не соответствует первоначальному архитектурному решению. С другой стороны, утрата галереи, частичное изменение форм покрытий, устройство больших окон сформировали уже иной, далекий от первоначального архитектурный облик, составляющей которого и стала обшивка. Во всяком случае она уже неотделима от этого памятника.

При внимательном осмотре обшивки обнаруживается, что каждая ее деталь была ярко раскрашена. Следы окраски сохранились главным образом на северном фасаде. Основу цветового решения составлял белый фон, на котором выделялись пятна наличников, раскрашенные с преобладанием красного и синего цветов. Верхняя вертикальная часть обшивки была выкрашена охрой. Карниз раскрашен теми же цветами, что и наличники, и выделялся широкой яркой полосой. Кровельный тес на нижней части бочки сохранил окраску зеленым кобальтом.

По архитектурно-декоративной обработке фасадов эта церковь заметно отличается от других деревянных церквей Каргополя. Большинство из них при позднейших перестройках приобрело гладкую обшивку стен, простые обрамления окон, классицистические карнизы, кое-где подобию пилястр, антаблементов и фронтонов. Соответственно и раскраска их стала более сдержанной, с преобладанием охры и белил. Решение фасадов обследуемой церкви далеко от традиций деревянного зодчества. Вместе с тем в нем отчетливо прослеживаются мотивы народного декоративного искусства. При всей яркости и пестроте оно не лишено художественной цельности. Раскраска фасадов представляется, пожалуй, самой оригинальной особенностью Сретено-Михайловской церкви, выявленной в процессе ее обследования. Остатки галереи, первоначальные проемы, следы лавок, полы из плах принципиально не отличаются от аналогичных элементов других деревянных храмов XVII—XVIII вв.

На основании обмеров и исторических источников удалось сделать графическую реконструкцию плана Сретено-Михайловской церкви на первый строительный этап (рис. 6). Небольшие неправильности плана основной срубной части, по-видимому, близки к первоначальным. Во всяком случае, сильно они не могли измениться при переборке. Выпуски бревен на углах при устройстве обшивки были срезаны примерно на одну треть своей длины. Точно определены размеры смотровых окон-щелей. Дверные проемы и нижние окна восьмерика приближены к достоверным. Их величина определена по затескам на бревнах и при сопоставлении со старой фотографией. От западного входа не осталось и следа. Предполагается, что по величине он был таким же, как и боковые. Двери скорее всего были двустворчатые, так как ширина прохода между косяками — не менее 1,1 м.

Что касается галереи, то достоверно выявлено только местоположение ее основных конструктивных элементов — консолей. Отсюда понятны ее длина и оси, на которых находились углы. Ширина галереи не везде одинакова, поскольку она изгибалась не строго в соответствии с очертаниями основных срубов. Ширина ее определена ориентировочно от двух до трех метров на основании аналогов. Оконные проемы на галерее показаны в соответствии с чертежом 1842 г. Западная лестница опиралась не на галерею, а на отдельную площадку (рундук), которая имела рубленое основание. Таким же

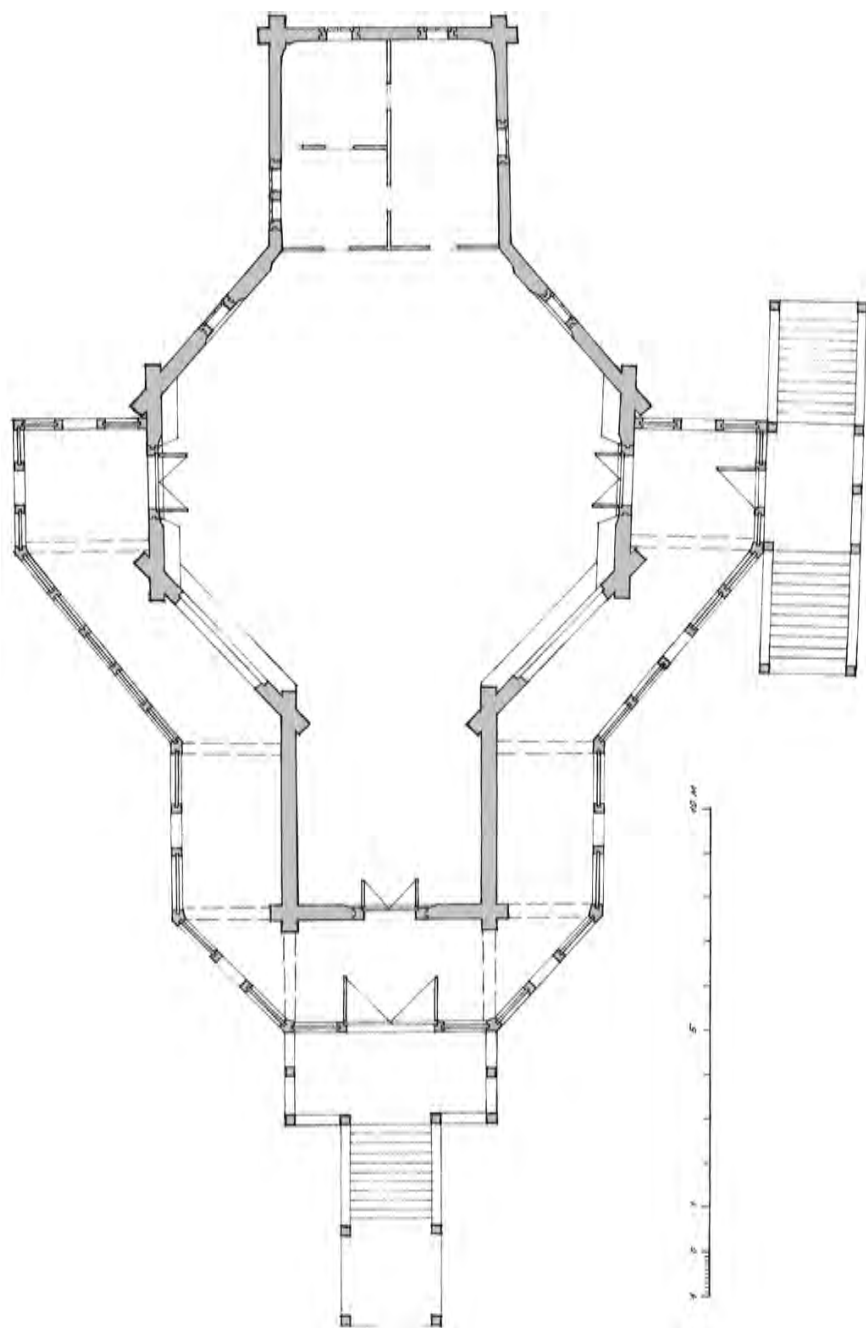

Рис. 6. Реконструкция плана Сретено-Михайловской церкви

образом был устроен и южный вход, только к рундуку вели две симметричные лестницы. Высоту лестниц Сретено-Михайловской церкви сейчас определить затруднительно. На реконструктивном чертеже количество ступеней повторено с чертежа 1842 г., что весьма правдоподобно.

Итак, Сретено-Михайловская церковь в первоначальном виде представляла собой хорошо известный тип восьмигранного в основании шатрового храма с двумя прирубами и огибающей его с трех сторон галереей. В процессе обследования выявлено, что памятник прошел три строительных этапа:

— классический восьмериковый храм с шатровым завершением, где монументальный основной объем окружала галерея на консолях с двумя крыльцами (1665–1840-е гг.);

— такое же решение, но без галереи и с одним упрощенным крыльцом; внутри западного прируба устроены лестница и стена, отделяющая его от молитвенного помещения (1840-е — 1894 гг.);

— перебранный восьмерик с прирубами остался в габаритах XVII в. Из первоначальных покрытий сохранилась только бочка алтаря. Шатер и покрытие притвора сделаны заново. Перестройка сопровождалась устройством ярко раскрашенной декоративной обшивки стен, новых окон и крыльца (с 1895 г.).

Восьмигранные в основании храмы считаются одними из древнейших в русском деревянном зодчестве. Этот тип церквей получил наибольшее распространение в бассейне Северной Двины. В Поонежье восьмигранные храмы известны только в верхнем и среднем течении. В районе верхней Онеги зафиксированы пять подобных построек. Кроме рассматриваемого объекта, к их числу относятся Никольская церковь середины XVII в. в деревне Астафьево [6, с. 60–67], Преображенская 1678 г. в селе Андреевское [7, с. 340], Преображенская 1756 г. в селе Поздышево (Агафоновно) [8, с. 146–153], Богоявленская церковь 1786 г. в деревне Погост (село Ошевенское). На средней Онеге известны еще две восьмигранные церкви. Это Ильинская 1622 г. в деревне Задняя Дуброва и Благовещенская 1775 (?) г. в Усть-Моше [9, с. 89]. На нижней Онеге и в прилегающей части Беломорья они не встречаются вообще. Судя по характеру распространения, в Поонежье этот тип храма пришел с юга, из центра страны.

Все перечисленные поонежские храмы в плане достаточно компактны: имеют один или два прируба. Церкви в Задней Дуброве, Астафьево, Поздышево, Усть-Моше отличались высокими шатрами. Церковь в Андреевском на старой фотографии зафиксирована с восьмигранным луковичеобразным завершением. Первоначально ли оно было на этом храме или появилось в результате позднейших перестроек, неизвестно. Церковь в Ошевенском самая поздняя и единственная из всех поонежских аналогов обладает приземистыми пропорциями. Но и ее завершение по высоте больше основания.

В бассейне Северной Двины встречаются восьмигранные шатровые церкви с различным пропорциональным строем. Среди древнейших примеров — храмы с высоким основанием, пониженным по отношению к нему шатром и массивной главой, например в Лявле, Суре, Панилове. Вообще высокие шатры связываются с распространением на Севере традиций

Московской Руси в отличие от сравнительно низких завершений, преобладавших на северо-западных землях, что объясняется отголосками традиций, ведущих свою историю от древнего Новгорода.

Таким образом, отличительной особенностью поонежских восьмигранных шатровых храмов являются стройные пропорции и высокие завершения. Сретено-Михайловская церковь, обладая именно такими пропорциями, представляет собой характерный образец одного из типов деревянных храмов, существовавших в Поонежье в XVII в. Большинство из перечисленных поонежских восьмигранных храмов утрачено. От Ильинской церкви в Задней Дуброве остался только покосившийся восьмерик с отпиленным алтарем и разрушенным верхом. К счастью, в относительно хорошем состоянии сохранилась церковь в Ошевенском. Сретено-Михайловская церковь остается единственным на Онеге подобным памятником, ведущим свою историю с XVII в. и в общих чертах сохранившим свое древнее архитектурное решение.

Литература

1. Ополовников А.В. Реставрация памятников народного зодчества. М., 1974.
2. Алферова Г.В. Каргополь и Каргополье. М., 1979.
3. Гунн Г.П. Каргополье — Онега. М., 1989.
4. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 45/1021. Л. 50.
5. Там же. Оп. 20. Д. 9/94. Л. 83.
6. Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. Памятники шатрового типа. Памятники клетского типа и малые архитектурные формы. Памятники ярусного, кубоватого и многоглавого типа. М., 1986.
7. Архитектура и ландшафты России. Черная книга. Утраты / Отв. ред. Т.И.Гейдор. М., 2003.
8. Ушаков Ю.С. Храмовый комплекс села Поздышево (Агафоново) Архангельской области как пример реконструкции полностью не сохранившегося ансамбля русского деревянного зодчества // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1989.
9. Шайжин Н.С. Сведения о церквях Олонецкой епархии, построенных ранее XIX столетия // Древности: Труды комиссии по сохранению древних памятников Московского археологического общества. Т. 5. М., 1911.

О.Г.Ровнова*

О работе экспедиции в старообрядческих общинах Бразилии

Лингвистическое изучение старообрядческих поселений Южной Америки было начато в 2006 г. в Институте русского языка им. В.В.Виноградова РАН по инициативе автора этой статьи. В 2006–2008 гг. проведена диалектологическая «разведка» в общины Аргентины, Уругвая, Чили, Боливии, Бразилии**. Первые результаты этих экспедиций, обстоятельства миграции и история «открытия» для науки языка и культуры старообрядческих сообществ стран Южной Америки обобщены в работе [1].

Особый интерес для исследования представляют старообрядческие поселения в Бразилии. Эта страна в 1956–1962 гг. приняла больше всех русских переселенцев из Китая, старообрядцев — «синьцзянцев» и «харбинцев», как они сами себя называют по местам проживания там (240 семей). Отсюда началась очередная миграция старообрядцев в другие страны Южной Америки и штат Орегон США. Здесь в трех штатах проживает довольно многочисленная старообрядческая диаспора (около тысячи человек, по данным 2008 г.). Полнота и интенсивность литургической жизни старообрядцев в колонии Масапé (г. Примavera ду Лесте, штат Мату Гроссу) делает эту общину одним из духовных центров часовенных не только Бразилии [2], но и других южноамериканских стран. Принимая в расчет эти обстоятельства, мы с коллегами — музыковедом И.В.Дынниковой, экономистом Д.Е.Расковым, лингвистом О.С.Иссерс — впервые предприняли комплексную экспедицию в старообрядческие поселения Бразилии. Ее цель заключалась в изучении русского языка, певческой культуры и экономической деятельности старообрядцев.

Экспедиция состоялась в ноябре 2010 г. Были обследованы поселения в штатах Гойас и Мату Гроссу. В течение 16 рабочих дней сделано более 110 часов аудиозаписей бесед со старообрядцами на темы, согласующиеся с комплексным характером экспедиции. Опрошено свыше 50 человек — представителей разных поколений (от 9 до 90 лет). Содержание аудиоматериалов соответствует трем направлениям обследования старообрядческих общин. Это аудиозаписи русской диалектной речи, отражающие языковые особенности разных поколений старообрядцев, коммуникативные стратегии и тактики их речевого поведения; исполнения старообрядцами богослужебного репертуара, паралитургических и фольклорных жанров; бесед со старообрядцами, направленных на выявление специфики их экономической деятельности и хозяйственной этики.

Большой удачей следует признать аудиозапись воскресных служб, выполненных И.В.Дынниковой в «синьцзянской» (штат Гойас) и «харбинской» моленных (штат Мату Гроссу). Кроме того, изучалась история общин и

* Ровнова Ольга Геннадьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка им. В.В.Виноградова, руководитель проекта «Комплексная экспедиция «Язык, певческая культура, экономическая деятельность старообрядцев Южной Америки»» (10-04-18009е).

** Экспедиции поддержаны в 2006 г. совместным грантом РФНФ и Фонда Д.С.Лихачева (06-04-92861е/Л), в 2007 г. — грантом РФНФ (07-04-18021е) и Президиума Российской академии наук, в 2008 г. — грантом Фонда «Русский мир» (2008/10-834).

отдельных родов, бытовая культура, книжная традиция. Собран значительный фото- и видеоматериал: с согласия старообрядцев сделаны их фотопортреты, а также фотографии моленных, интерьеров жилых и хозяйственных построек (фото 1), сельскохозяйственной техники и др.; снято несколько видеосюжетов (исполнение духовных стихов, работа за ткацким станом (фото 2), завязывание пояса на «синьдзянский узел» (фото 3) и др.).

Фото 1. Красный угол, украшенный вышивкой

Исследование экономической деятельности старообрядцев убеждает в том, что они обладают высокой степенью экономической, социальной и культурной адаптации. Человека с бородой и рубахе с вышивкой в Бразилии уважают и считают зажиточным (фото 4). Основное занятие старообрядцев — земледелие, чаще всего выращивание сои, кукурузы, фасоли (*фижона*), риса, подсолнуха, хлопка. Главное значение имеет соя как товар, на который предъявляется большой спрос. В настоящее время благодаря большим вложениям земля дает два урожая в год без полива (два периода: *сафра* и *сафринья*) и три — с поливом.

Цена земли в зависимости от урожайности и вложений в нее колеблется от 2000 до 20 000 реалов за гектар. Владения старообрядцев составляют в среднем от 100 до 500 га, у наиболее состоятельных — десятки тысяч га. Используется самая современная техника: комбайны, сеялки, трактора, грузовики и др. Наиболее крупные предприниматели из числа старообрядцев начали осваивать «интеграцию вверх» — строить заводы по переработке сои, заключать фьючерсные контракты на ее поставку. Средний уровень достатка русских старообрядцев намного превышает средний по региону и по стране (510 реалов в месяц). Староверы считают, что семья должна иметь 10 000 реалов в месяц. Такой доход может обеспечить участок земли в 500 га.

Фото 2. Так ткнут пояса на кроснах

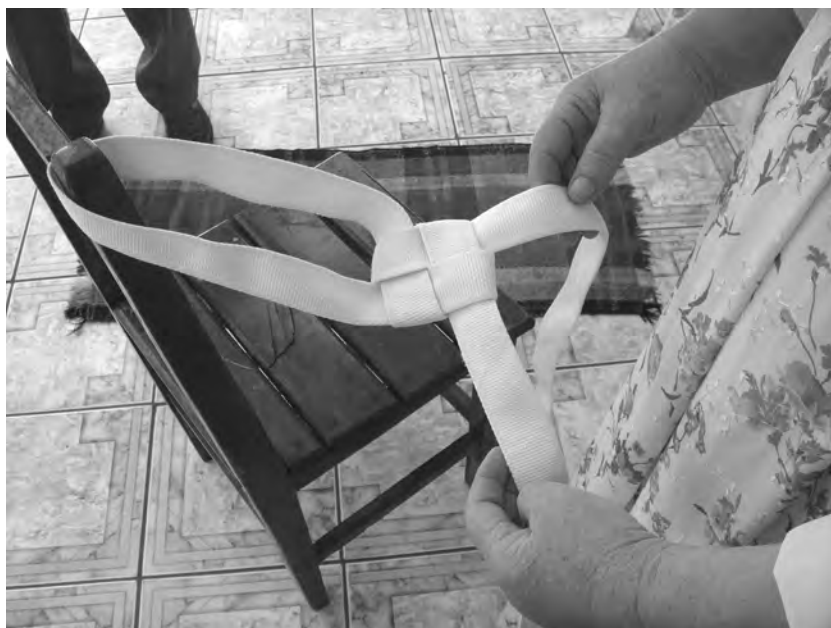

Фото 3. Синьцзянский узел на поясе

Фото 4. Человека с бородой и рубахе с вышивкой в Бразилии уважают и считают зажиточным

По наблюдениям Д.Е.Раскова над хозяйственной этикой старообрядцев, они, стремясь к богатству, противопоставляют два его типа — «от Бога» и «от мира»: *На это Евангелие есть, не надо нигде искать. Богаче кто Авраама был, а Иов какой миллионер был! Пошто они не были грешники, были самые лучшие праведники? Богатство делится надвое: в котором богатстве Бог есть, то есть милость делает человек, добро для тех, которые не имеют, то его богатство полезно, а который копит его и делает безобразия, пиры разные, еще невест разных собирает, блудит, такое богатство — гибель человеку, не надо этого. Не всякое богатство угодно Богу. Четко различаются понятия «жить» и «суесться». Жить — это работать, молиться, без нужды, без проблем, а суета для тех, кто хочет ни о чем не думать. По общему признанию, к богатству ведет трудолюбие: без работы — бесово решето, мы хорошие труженики, везде вхожи в работу. Последнее время более серьезное внимание уделяется образованию.*

У бразильских староверов конфликт между поколениями, между новым и старым несколько сглажен. Они прекрасно сознают, что *новины* неизбежны, и в то же время пытаются оградить свое пространство: *вся новизна против нас.*

Все поколения старообрядцев Бразилии говорят на русском диалектном языке, прекрасно сохранившемся. Среднее и молодое поколения свободно владеют португальским, или «бразильским», языком, который учили в местных школах; младшее поколение учится в местных средних школах на португальском языке. В русском языке старообрядцев имеются заимствования из португальского; на многие темы им легче общаться по-португальски. Иссле-

дование механизмов перехода с одного языка на другой является самостоятельной задачей. В целом можно сказать, что русско-португальское двуязычие среднего и молодого поколений не оказывает разрушающего воздействия на родной язык старообрядцев.

Говоры синьцзянцев и харбинцев акающие среднерусские, сформировавшиеся на севернорусской диалектной основе, сочетающие черты Северного и Южного наречий и среднерусских говоров. Между ними есть некоторые фонетические, лексические и синтаксические различия, хорошо осознаваемые старообрядцами обеих групп. Зафиксированы следующие междиалектные синонимы: хрб. *выдержать*, *выдърживать* 'выпить, выпивать (о спиртном)' — сзц. *выкушать*, *выкушивать*, хрб. *доска* — сзц. *плаха*, хрб. *жарёха* — сзц. *жареное мясо*, *жареная рыба*, хрб. *женщина* — сзц. *жёнска*, хрб. *завонять* — сзц. *запахнуть*, хрб. *замкнуть двери* 'закрыть' — сзц. *закинуть двери*, хрб. *запён* 'фартук' — сзц. *фартук*, хрб. *канава* — сзц. *арык*, хрб. *койка* — сзц. *кровать*, хрб. *кружка*, *кружечка* — сзц. *касэжка*, *касэжечка*, хрб. *кусты* — сзц. *курáй*, хрб. *лоханка* — сзц. *шайка*, хрб. *надоедливый* — сзц. *надоедный*, хрб. *парúха* 'курица-наседка' — сзц. *парúнья*, хрб. *протвень* — сзц. *листик*, хрб. *тама* 'там' — сзц. *эвон-та*, хрб. *хворост* 'род печенья из тонких полосок теста, жаренных в масле' — сзц. *стрúжник*, хрб. *шишка* 'кочерыжка кукурузного початка' — сзц. *киóшка*.

Во время экспедиции собран материал по лексической программе Диалектологического атласа русского языка. Обработка этого материала, использование методов лингвистической географии при его анализе даст возможность ответить на вопрос о «лингвистической прародине» обеих групп старообрядцев Бразилии. Говоры синьцзянцев и харбинцев хранят огромное лексическое богатство, которое необходимо отразить в специальном диалектном словаре. Приведу отдельные примеры:

Болтоязыкий. Разговорчивый. *Я болтоязыкай, что попало говорю.*

Величество. Количество. *Их, знаш, интересуеет величество, качество товара.*

Гремнуть. Позвонить по телефону. *Поликарп тогда гремнёт Ирине.*

Зорить. Разорять. *Голеньких этих воробьишек зорили и ели.*

Клеушок. Курятник. *Курицы на лесинах (на деревьях) спят, не хотят в клеушок заходить.*

Маститься. Стараться, пытаться что-либо сделать. *Телёнок мастится-мастится на передни ноги встать.*

На выплатку купить. Купить в кредит. *Они купили дом на выплатку.*

Парашка. Детский горшок. *Вот мой внук сидит на парашке.*

Пинать мячик. Играть в футбол на уроке физкультуры. *Сначала мячик пинаем, потом обед, потом португес (12-летний мальчик о расписании уроков в школе).*

Учительные книги. Учебники. *Четыре года русская школа в Харбине, учительны книги были.*

Собранный О.С.Иссерс материал позволяет реконструировать правила речевого и коммуникативного поведения, основанные на принципах вероучения и народной этики. Некоторые примеры: (детей обучают поведению за

столом): *Разговаривать за столом не должно, хохотать нельзя, ногами болтать нельзя. Это что беса качаете; Даже если б он тебе ненавиден, обидеть нельзя. Обойтись по-человечески надо; Главное в разговоре — чтобы человечество было. Этика не позволяет обсуждать чужие грехи, и это проявляется, в частности, в тактике ухода от оценки (к примеру, при обсуждении ситуации, когда муж ушел от жены): Как говорится в Писании, глубина морская. Ссылка на Писание часто является приемом убеждения и экспликации норм поведения.*

В коммуникативном поведении старообрядцев находят отражение свойственные данному обществу ценности. В речевой коммуникации это «человечество», вежливость, приветливость, милость, ласковость. Эти же характеристики актуальны для оценки чужих (об индейцах Боливии): *Они отличаются, но они приветливые, нам нравятся. Мы не видели лучше. Для описания межкультурного взаимодействия старообрядцев с иными этносами важной является их собственная оценка процессов коммуникации: Если ты им на вред ничо не делал, то все с тобой разговаривают. Я люблю этот народ. В Боливии жил. С боливьянами тоже. Они все меня любили, и я с ними разговаривал, как с братьями.*

Толерантность, свойственная коммуникации с «чужими», проявляется и в отношении веры. На вопрос о различиях старообрядческой и православной веры последовал ответ: *Тебе не понять — не спрашивай. Тебе объяснять, затронуть надо православных. А я не хочу никого разбирать. Бог разберет, как умрём. К Богу дорога одна, но разные тропинки.*

И.В.Дынникова начала исследование певческой культуры старообрядцев-синьцзянцев в штате Гойас. Здесь на fazende Бом Жардин проживают два семейных клана синьцзянцев и один — харбинцев. На территории поселения расположены две моленные: синьцзянская и харбинская.

Синьцзянцы совершают богослужения регулярно в воскресные и праздничные дни. Службу ведет настоятель, которого в данной общине назначает старейшина рода, выполняющий роль духовного наставника. Полнота богослужения зависит от числа молящихся и вида службы. По большим праздникам и при достаточном количестве прихожан молятся по Уставу (в терминологии старообрядцев — «по службе»). В остальное время — сокращенно («по Псалтыри»). В качестве певческих источников используются калашниковские книги: «Октай церковного крюкового пения» (М.: Знаменное пение, 1913) переизданные в Орегоне (США) в 1970–1980 гг. «Обиход церковного знаменного пения» (Киев: Знаменное пение, 1909) и «Ирмосы» (Киев: Знаменное пение, 1912); «Ирмосы» (современное дополненное переиздание, Орегон, США), ксерокопии отдельных песнопений из книги «Трезвоны», а также современная рукописная копия книги «Праздники», предположительно сделанную учителем знаменного пения из Латвии Е.А.Григорьевым. Все книги существуют в единственном экземпляре, текст в них истинноречный, нотация знаменная с пометами и признаками (фото 5).

Фото 5. Участники экспедиции знакомятся с домашней библиотекой старообрядческой семьи

Крюковая грамотность в общине низкая. Знаменной нотацией владеют два человека. Из-за малочисленности общины и отсутствия грамотных певцов традиция литургического пения у старообрядцев фазенды Бом Жардин до недавнего времени находилась в стадии угасания. Основная часть репертуара читалась, некоторые песнопения исполнялись по напевке, практика гласового пения была утрачена, крюковой грамотой не владел никто. В конце 1990-х гг. из Латвии был приглашен головщик рижской Гребенщиковской (поморской) общины, преподаватель пения Рижского старообрядческого училища Е.А.Григорьев, проработавший в Бразилии два года.

Богослужбный репертуар общины включает песнопения знаменного и путевого роспева. Он реализуется по книгам, по напевке (т.е. по устной версии, сложившейся в общине), на глас, речитативом и чтением. На воскресных службах преобладает гласовое пение, в праздники — пение «на распев», по крюкам. В беседах староверы признаются, что «крюки» постепенно вытеснили напевку. Исключение составляет пасхальное богослужение, где основная часть песнопений исполняется по напевке. При отсутствии головщика большинство предназначенных для пения богослужбных текстов читается.

Хора как такового в общине нет. По мере возможности следом за головщиком поют все присутствующие на службе мужчины и мальчики. Деление на правый и левый лик применяется только для уменьшения нагрузки во время продолжительных праздничных богослужений (например, на Пасху). Запрета на участие женщин в пении нет, но на практике оно

ограничивается лишь отдельными песнопениями обихода, которые исполняются всей общиной (Честнейшую херувим, Отче наш, Верую, Господи помилуй и др.). Все молящиеся — и мужчины и женщины — поют канон Пасхе. Обучать девочек и женщин знаменному пению не принято.

Старообрядцы этой общины сохраняют традицию унисонного пения. Случаи отхождения от унисона носят эпизодический характер. Реальная версия песнопений, исполняемых по крюкам, совпадает с письменной. Манера пения близка к фольклорной, характер звукоизвлечения форсированный, динамика ровная, нюансировка отсутствует. Динамические градации самими исполнителями объясняются только необходимостью экономии сил и дыхания (чем продолжительнее песнопение, тем тише оно звучит). В понимании певцов изменение динамики не связано с содержанием литургического текста. Дикция четкая. Темп пения средний, стабильный. Внутри песнопений агогические изменения отсутствуют. У «первого» и «второго» головщиков отличительной чертой звуковедения является подчеркивание каждого слога (так называемое «пение с подгогом»). При общинном пении регистр стабилен. Исполняя песнопения по крюкам, певцы испытывают затруднения в нахождении нужной высоты начального тона.

В отличие от пения, традиция литургического чтения у староверов-синь-цзянцев фазенды Бом Жардин не прерывалась. Некоторые члены общины владеют дифференцированными погласицами чтения богослужебных текстов. Церковному чтению учатся и мальчики, и девочки (по словам старообрядцев, это умение необходимо для домашней молитвы). Обучение ведется дома, у учителей (если есть такая возможность) и в процессе богослужебной практики. Из-за малочисленности общины иерархия чтения богослужебных текстов соблюдается не всегда. Женщины на службе не читают.

Таким образом, во время работы комплексной экспедиции в двух старообрядческих общинах Бразилии в 2010 г. собран богатый, но далеко не полный материал, в целом свидетельствующий о жизнестойкости старообрядческой культуры в условиях жизни в Южной Америке. Представительность и аутентичность собранного материала позволяют рассчитывать на достоверность и надежность научного описания, которое будет сделано после полной обработки аудиозаписей. Исследовательский коллектив планирует продолжение комплексного полевого исследования языка, певческой культуры и экономической деятельности старообрядцев — не только Бразилии, но и других стран Латинской Америки.

Литература

1. Ровнова О.Г. «Полиглоты поневоле»: языковая ситуация в старообрядческих общинах Южной Америки // *Staroodrzędowcy za granicą / Pod redakcją M. Gluszkowskiego i St. Grzybowskiego*. Toruń, Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2010. S. 137–157.

2. Дынникова И.В. Певческие традиции старообрядцев-часовенных Бразилии // *Старообрядчество. История, Культура. Современность: Материалы VIII Международной научной конференции (Москва, 13–15 ноября 2007 г.)*. М., 2007.

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

*Е.А.Мельникова**

25 лет исследований и дискуссий. Конференция «Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т.Пашуто»**

В 1988 г., в пятую годовщину кончины члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, была проведена первая конференции его памяти, посвященная одной из центральных проблем творчества ученого — внешней политике Древней Руси. Начиная с 1990 г. Чтения памяти В.Т.Пашуто получили общее название «Восточная Европа в древности и средневековье» (ВЕДС), а с 1992 г. стали ежегодными и проходили сначала в Институте российской истории РАН), а с 1999 г. — в Институте всеобщей истории РАН. Уже с 1990-х гг. Чтения начали получать

поддержку РГНФ, что позволило все более широко привлекать к участию в них специалистов из научных и учебных заведений других городов России, помимо Москвы и Петербурга.

С самого начала организаторы конференции (председатель оргкомитета в 1988–1995 гг. — А.П.Новосельцев, с 1996 г. — Е.А.Мельникова) ставили своей главной задачей продолжение и развитие основного подхода В.Т.Пашуто к изучению истории Древней Руси — в широком контексте ее международных связей и в сравнительно-типологическом сопоставлении с историей

Фото. Открытие конференции

* Мельникова Елена Александровна — доктор исторических наук, председатель Оргкомитета конференции.

** Проекты 07-01-14027г, 08-01-14053г, 09-01-14019г, 10-01-14010г, 11-01-14069г.

других европейских государств Средневековья. Вторая задача — источниковедческая — определялась основным направлением работы созданного В.Т.Пашуто сектора — изданием свода зарубежных источников по истории Восточной Европы. Поэтому каждая из очередных конференций посвящалась одной из актуальных проблем источниковедения или истории Восточной Европы и Древней Руси [1].

В 2000-х гг. в практику вошло проведение нескольких конференций в рамках одного тематического «блока»: рассмотрение крупной проблемы в общей форме, а затем более подробное обсуждение отдельных ее аспектов. Наиболее существенные результаты значительной части конференций вошли — вместе с другими материалами — в тома ежегодника «Древнейшие государства Восточной Европы» в виде развернутых статей.

Проблемы источниковедения обсуждались на шести конференциях: дважды (в 1990 и 2005 гг.) в общем широком плане, дважды (в 2003 и 2009 гг.) специально рассматривались вопросы авторского начала и дважды (в 2004 и 2006 гг.) выделялись проблемы восприятия и репрезентации в античных и средневековых текстах времени и пространства — двух фундаментальных категорий, структурировавших историческое сознание хронистов. Источниковедческая секция выделялась и на многих конференциях, посвященных собственно исторической проблематике (например, в 2011 г.). Как развитие источниковедческой проблематики на четырех конференциях (2001, 2002, 2003, 2010 гг.) обсуждались основные аспекты формирования, сохранения и репрезента-

ции исторической памяти в ее различных формах в устной и письменной традициях.

Все конференции источниковедческого направления отличались широким региональным и хронологическим охватом источников: наряду с наиболее интенсивно обсуждаемыми древнерусскими, подробному анализу подвергались античные, греческие и римские, византийские, восточные, древнескандинавские и западноевропейские тексты. В центре внимания исследователей стояли не только памятники историописания, но и правовые тексты, акты, эпиграфика. На их основе ставились вопросы о методах и исследовательских практиках источниковедения, о жанровых и региональных особенностях ранней историографии, о специфике средневекового исторического нарратива и многие другие.

В рамках Чтений активно дискутировались важнейшие проблемы летописной текстологии, выдвигались новые интерпретации, датировки, атрибуции древнерусских памятников. Наибольшее же внимание уделялось выявлению специфических особенностей тех или иных групп памятников (например, комплекса древнерусских граффити в храме св. Софии в Стамбуле, устных преданий, легших в основу Повести временных лет, римской картографии, «викинских саг») или отдельных текстов. Именно на Чтениях были введены в отечественную науку новые источники, подробно исследованные и описанные позднее в других изданиях: находки памятников эпиграфики, античная и римская картография, эпистолярные тексты, древнерусские переводные памятники и мн. др.

Подробному рассмотрению подверглась проблема «авторского при-

сутствия» в тексте. Были установлены «скрытые», эксплицитно не проявленные признаки выражения авторского самосознания и их вербальные проявления в различных письменных традициях (арабской, древнескандинавской саговой и др.). Особое внимание на Чтениях 2003 и 2009 гг. было привлечено к проблеме восприятия античными и средневековыми авторами их источников, причем не только безусловно «авторитетных», например Библии и писаний отцов церкви в Средние века (чем много занимались и ранее), но прежде всего источников одновременных или близких по времени, хотя и не обладавших престижным статусом, в частности устных преданий, сообщений «очевидцев», слухов и т.п. В этой малоизученной области Чтения позволили обсудить ряд наблюдений и выводов, которые существенно продвинули изучение этого вопроса. Одновременно рассматривался и вопрос о способах включения подобных источников в историописание: как теперь стало очевидно, механизм их использования существенно отличался от работы хрониста с «авторитетными» текстами, допуская идейную и даже сюжетную переработку исходных материалов, смену мотивировок и компоновки сюжетов, их дополнение или, напротив, сокращение — несравненно более вольные, нежели были возможны с «авторитетными» текстами.

Благодаря обширному кругу исследуемых источников, происходящих из различных культурных сред, изучение воплощенных в них представлений о времени и пространстве выявило как некоторые их общие или типологически сходные особенности, так и специфические черты, присутствующие определенной культуре и инди-

видуальным воззрениям автора. Эти три основных пласта сочетаются и переплетаются в одном произведении и их расчленение подчас становится необходимым условием для исследования содержащейся в нем исторической информации и тем более ее использования в исторических штудиях.

Особое методическое значение для углубленного изучения как древнерусских, так и зарубежных источников имело обращение к проблемам формирования, бытования и функционирования коллективной исторической памяти в дописьменных и письменных обществах и ее трансформации от устной истории к письменной. Фактически на конференции 2000 г. эта проблема была поставлена впервые в отечественной исторической науке. Ее особая актуальность для решения источниковедческих задач обуславливалась важнейшей особенностью раннего историописания, в том числе древнерусского, античного, западноевропейского, древнескандинавского: значительной, иногда в несколько столетий, дистанцией между временем описываемых событий и временем записи повествований о них, т.е. длительным сохранением исторической памяти, воплощенной в устной исторической традиции в различных формах. Поставленная сначала в общем ключе, эта проблема получила развитие и была детализирована на трех последующих конференциях, посвященных одной из древнейших форм воплощения исторической памяти — генеалогиям (2001 г.), феномену «мнимых реальностей» как порождению естественных искажений исторической памяти и как следствие — намеренному манипулированию ею (2002 г.) и, наконец, трансформации устных

форм воплощения исторической памяти дописьменного общества в историографических текстах после перехода этого общества к письменной культуре (2010 г.).

Постановка и исследование этих проблем на материале исторических сочинений разного времени и из различных регионов — но прежде всего Повести временных лет — позволило установить, что тематическое содержание исторической памяти (в ней запечатлевались социально-значимые события: смерть вождя, военная победа или поражение и т.п.) в значительной степени обуславливало ее структуру. Прошлое запечатлевалось в ней не как цепь последовательных и объединенных между собой причинно-следственными связями событий, а как набор отдельных сюжетов, действие которых завершалось и исчерпывалось в его рамках. Дискретность исторической памяти создавала предпосылки для контаминации сюжетов в процессе их устного бытования, насыщении их мотивами и эпизодами, заимствованными из других преданий. Эти особенности пролили свет и на характер содержащейся в подобных источниках исторической информации, восходящей к устной традиции. Были выявлены основные механизмы трансформации исторической памяти при перенесении устной традиции в письменную, включающие отбор сюжетов, образов и ситуаций, их обобщение с помощью выделения одного героя и циклизации сюжетов вокруг этого героя, «генеалогизацию» разрозненных преданий путем установления родственных связей между их героями, переосмысление сюжетов и образов в соответствии с конкретно-историческими условиями и под влиянием «авторитетных» (для европейского

Средневековья — библейских) образцов.

Вопросы, связанные с историей Древней Руси домонгольского времени, обсуждались в сравнительно-типологическом аспекте на 12 конференциях. Прежде всего широкую дискуссию вызвала проблема возникновения Древнерусского государства. Важным этапом в отечественной русистике стали Чтения 1992 г., на которых была впервые подвергнута сомнению и критике сложившаяся в советской историографии модель образования раннесредневековых европейских государств, прежде всего Руси, в соответствии с которой Древнерусское государство возникает самое позднее в IX в. как изначально классовое и феодальное по своей природе, исключительно (или почти исключительно) на основе внутренних экономических предпосылок. В ряде докладов было показано несоответствие этой схемы данным источников, и на основе зарубежных историко- и политико-антропологических исследований предложены альтернативные модели. Была отмечена принципиально важная роль дальней торговли в процессах социогенеза, отсутствия классового деления общества при его очевидной стратификации, неразвитость государственных структур на Руси вплоть до XI в. и соответственно специфический характер этого политического образования.

Публикация материалов этих Чтений в «Древнейших государствах» за 1992–1993 гг. заложила методологические основы продолжающегося и ныне плодотворного исследования начал русской государственности, в том числе в сравнительно-типологическом аспекте, чему были посвящены Чтения 2011 г.

В рамках этой конференции были обсуждены как теоретическое и историографическое состояние проблемы, так и важнейшие ее аспекты на конкретном древнерусском, северо- и западноевропейском, ближневосточном материале: социальные, политические и экономические предпосылки образования государства, развитие восточнославянских племен накануне образования государства, возникновение и роль нобилитета, место внешних контактов, в том числе дальней торговли в условиях политогенеза и др. Эта тематика будет продолжена и развита на последующих конференциях.

Второй комплекс проблем был связан с социально-политической историей Древней Руси, также в сравнительном ключе. На Чтениях 1993, 1996, 1998 и 2007 г. обсуждался большой круг вопросов, начиная с историко-географического аспекта (этнополитическая карта Восточной Европы, образование территории государства, локализация городов). В центре же внимания находились политическая структура Древнерусского государства: социальные группы и сословия (новгородское боярство, княжеские чиновники и слуги, дружина, купечество и др.), властные институты (сотни, тысячи, тысяцкие, суд, вече, соправительство, «корм» и др.). Особое место занимали вопросы о княжеской власти: ее формировании, объеме, распространении; ее наследовании, а также ее репрезентации (знаки Рюриковичей, титулатура и т.п.). Аналогичные проблемы рассматривались и на ином, кроме древнерусского, материале. Вопреки «непопулярности» социально-экономической проблематики в последние десятилетия, на Чтениях неоднократно ставились вопросы о

формировании частной собственности на землю, княжеского и боярского землевладения. Этой теме предполагается специально посвятить очередные, XXIV Чтения в 2012 г.

Обращение к древнерусскому праву было спорадическим, однако важные наблюдения о становлении, функционировании и эволюции права в условиях политогенеза были сделаны на скандинавской и англосаксонской правовых традициях. Отмечена важная роль устной основы в ранних записях права (что проявляется в формулах и клишированных выражениях), выделен круг субъектов права, характерный для ранних стадий его фиксации, обсуждалась роль «знатоков закона» в обществах переходных от дописьменной к письменной культуре.

Развивая наследие В.Т.Пашуто, организаторы конференции дважды ставили темой Чтений внешнюю политику Древней Руси и ее международные связи (1988 и 1997 г.) — эти темы постоянно поднимались и на конференциях, посвященных иным проблемам. Особое значение имели Чтения 1997 г., посвященные практике заключения договоров, русско-византийских X в., новгородско-ганзейских и смоленско-ганзейских XII—XIV вв., а также отдельные выступления на последующих конференциях. В обсужденных докладах предлагались как уточнения и новые интерпретации отдельных статей (или терминов, выражений) договоров, так и новая оценка конкретных договоров и их соотношения.

Наконец, своего рода обобщением отмеченных выше направлений стали конференции, посвященные геополитическому положению Восточной Европы и Древнерусского государства в античном и средневековом

мире. На Чтениях 1994 г. обсуждалось его место в системе европейских и ближневосточных этнополитических и культурных связей. В 1999 г. систематически исследовался феномен контактных зон — малоисследованного в отечественной историографии явления. Наряду с анализом конкретных проявлений межкультурных взаимодействий в контактных зонах была сделана попытка теоретически осмыслить это явление на широком материале армяно-византийского, англо-скандинавского, славяно-скандинавского, древнерусско-кочевнического синтеза, выявить различные типы контактных зон, определить их основные параметры.

Новой для отечественной исторической науки стала и постановка проблемы путей как социокультурного феномена (2008 г.). Отказавшись от традиционного обсуждения путей в историко-географическом аспекте, докладчики выявили многофункциональность путей в античных и средневековых обществах, разнообразие отношения к ним и их восприятия в различных культурах, формирование идеологемы «путь» и формы ее репрезентации в литературе народов Запада и Востока. Одной из специальных проблем, затронутых на конференции, было формирование контактных зон вдоль трансконтинентальных путей и в городских центрах, связанных с функционирова-

нием путей. Одновременно рассматривались и вопросы обустройства путей, их обслуживания и регулирования в различных регионах.

Отечественные исследователи широко используют Чтения как место для обсуждения новых проблем или решений, которые позднее находили развернутый анализ в статьях и монографиях. Регулярно на Чтениях представляются новые находки эпиграфических (так, на Чтениях 2010 г. была даже образована отдельная эпиграфическая секция), нумизматических, сфрагистических материалов. Авторитетные благодаря актуальности проблематики, жесткому отбору включаемых в программу докладов, что обеспечивает высокий научный уровень конференции, Чтения памяти В.Т.Пашуто за 25 лет своего существования стали форумом, объединяющим русистов, антиковедов, востоковедов, византинистов, медиевистов и позволяющим обсуждать актуальные для мировой исторической науки проблемы, включая Древнюю Русь в общеевропейское исследовательское пространство.

Примечания

1. Роспись материалов, опубликованных при проведении Чтений в 1988–2003 гг., см. в кн.: Древнейшие государства Восточной Европы / Сост. И.Г.Коновалова. 2002. М., 2004. С. 338–370.

*Ю.А.Балыбердин**

Всероссийская научная конференция «Крестьянская реформа Александра II: региональное измерение» (к 150-летию отмены крепостного права в России) (Киров, 19–20 мая 2011 г.)**

В Вятском государственном гуманитарном университете (ВятГУ) прошла Всероссийская конференция, посвященная 150-летию отмены крепостного права. Обсуждались актуальные вопросы истории буржуазных реформ Александра II, ставших своеобразным водоразделом русской истории (фото).

В конференции приняли участие историки, культурологи, педагоги, краеведы, архивные и библиотечные работники из Москвы, Архангельска, Кирова, Перми, Тамбова, Ульяновска, Чебоксар, Челябинска и Елабуги.

Перед началом форума его участники имели возможность ознакомиться с выставкой книг по изучаемой тематике, среди которых было немало редких и интересных изданий XIX–XX вв.

Общий тон конференции задавал на пленарном заседании заместитель директора Института русской истории (ИРИ) РАН, д.и.н. В.М.Лавров. Рассмотрев попытки решения крестьянской проблемы в XVIII – первой половине XIX в., докладчик остановился на вопросе соотношения революции и реформ. Говоря о ком-

Фото. Приветственное слово ректора ВятГУ В.Т.Юнгблода

* Балыбердин Юрий Александрович — доктор исторических наук, профессор Вятского государственного гуманитарного университета, председатель Оргкомитета конференции.

** Проект 11-01-14058г.

промиссном характере крестьянской реформы 1861 г., который зачастую осуждался советской историографией, он отметил, что это был единственно возможный в тех исторических условиях вариант, оградивший страну от дворцового переворота и «пугачевщины». Докладчик особо подчеркнул значение духовно-нравственного воспитания в эпоху преобразований, без которого любой экономический прогресс может обернуться катастрофой, а также затронул вопрос о месте и роли Церкви в современном обществе.

Эту линию продолжил в своем выступлении к.и.н., старший научный сотрудник ИРИ РАН И.А.Курляндский, который описал попытки реформирования Церкви в эпоху Александра II, направленные на улучшение морального состояния общества, материального положения духовенства и возвращение Церкви к идеалу соборности. Духовно-нравственной проблематике либеральных реформ посвятил свое сообщение к.и.н., руководитель Церковно-исторического Центра Вятской епархии протоиерей Александр Балыбердин, давший оценку крепостничеству в православной стране, показав его истоки и последствия.

В реализации реформ важную роль играл субъективный фактор, что убедительно доказала в докладе директор Кировской областной научной библиотеки им. А.И.Герцена, заслуженный работник культуры РФ Н.П.Гурьянова на примере выдающегося общественного деятеля Петра Владимировича Алабина (1824–1896). Широкий взгляд на проблемы образования позволил ему как управляющему удельной конторой создать сеть сельских библиотек и возродить Вятскую публичную библиотеку, на-

ходившуюся до него в состоянии упадка.

О роли человеческого фактора в эпоху буржуазных реформ говорил на пленарном заседании д.и.н., профессор Т.С.Сергеев (Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я.Яковлева).

Важнейшим условием проведения реформ и их эффективности стала готовность к ним самого общества. Этой проблематике был посвящен пленарный доклад д.и.н., профессора В.И.Бакулина (ВятГУ) «Политическое самосознание российского крестьянства периода последних десятилетий XIX – первой четверти XX века». Говоря о модернизации России в ту эпоху, докладчик указал, что эффективность в области экономики, научно-технического прогресса в немалой степени зависела от успешности перестройки общественного сознания, смены коллективистско-общинной ментальности агрария традиционного общества мировоззрением человека индустриального общества. Недостаточное развитие политического сознания крестьянства породило в конечном счете аграрную революцию в России. Российское общество оказалось не готово к уничтожению общины и традиционных устоев, что стало неотвратимым следствием развития капитализма. Поэтому в ходе Гражданской войны русский народ, по мнению докладчика, опираясь на общинные традиции, сделал для себя социалистический выбор.

Завершило пленарное заседание выступление главного специалиста Государственного архива Кировской области (ГАКО) А.В.Колотова, который представил архивные изыскания, посвященные празднованию в Вятской губернии 50-летия отмены крепостного права.

В ходе конференции прошли заседания четырех секций. Первая секция — «Реформа 1861 г. и судьбы российского крестьянства» — открылась философско-теоретическим выступлением к.и.н., доцента Ю.Н.Тимкина (Вятский социально-экономический институт). Докладчик затронул важную проблему новаций и традиций в русском мировоззрении XVIII—XX вв., рассмотрев, в частности, вопрос о взаимодействии идеологии Просвещения и традиционного мировоззрения крестьянского населения. Результатом этого взаимодействия, особенно после отмены крепостного права, по словам Ю.Н.Тимкина, стала актуализация архаической дуальной (по сути языческой) мировоззренческой модели, воплощением которой стали 1917 г. и советская история.

Необычный подход к оценке пореформенных волнений в деревне был представлен в докладе к.и.н., доцента А.А.Машковцева (ВятГУ). Рассматривая выступления в 1860-х годах удельных крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии, он показал роль в этих волнениях религиозного фактора. По мнению докладчика, успешному распространению молоканства на юго-востоке края способствовал острый аграрный конфликт между бывшими удельными крестьянами и властями, в ходе которого православное духовенство встало на сторону последних. Это привело к острому конфликту между паствой и пастырями, который эффективно использовали молокане.

Особое внимание на секции было уделено проблеме судеб крестьянства в пореформенное время. Наибольшие дискуссии вызвал доклад к.и.н., доцента И.В.Чемоданова (ВятГУ) «Столыпинская аграрная реформа:

экономические и социальные последствия». Докладчик акцентировал внимание на негативных последствиях столыпинской аграрной реформы. По его мнению, реформа способствовала расслоению русского крестьянства, усилению социальных противоречий, а также постепенному снижению рождаемости в русской деревне. Обсуждая вопрос о последствиях реформы, исследователи сошлись во мнении, что при ее оценке необходимо в первую очередь учитывать региональный фактор, что отчетливо видно при сравнении Вятки с западными губерниями.

Обыденная жизнь крестьянства была представлена в докладе краеведа А.Л.Рашковского (Киров), который раскрыл жизнь вятского крестьянина, сравнив ее с другими регионами в исторической ретроспективе XVIII—XIX вв. Подобные сравнения позволяют выделить общие и особенные черты вятского крестьянства, понять его специфику и особенности развития.

Доклады второй секции — «Формирование институтов гражданского общества в пореформенный период» — были посвящены влиянию «великих реформ» на развитие общественного сознания в Российской империи во второй половине XIX — начале XX в.

Важные изменения в пореформенный период происходили в сознании представителей разных сословий, о чем говорилось в выступлении зав. кафедрой отечественной истории ВятГУ, к.и.н., доцента М.С.Судовикова. На примере региональной деловой элиты докладчик подчеркнул, что в течение XIX в. служба в органах местного самоуправления постепенно позволяла ей преодолевать узкословные интересы и становиться на

путь заботы о росте благосостояния местного сообщества в целом. С усилением общественной активности гильдейского предпринимательства росли самосознание и общий культурный уровень этой сословной группы, что, в свою очередь, влияло на складывание ее социальных приоритетов. По мнению М.С.Судовикова, к началу XX столетия в России сложился новый тип российского купца, в основе своей цивилизованный, с точки зрения как профессиональной деятельности, так и системы ценностей, и в этом влияние реформ Александра II несомненно.

В докладе кандидата культурологии, доцента Л.Н.Зориной (ВятГГУ) было рассмотрено явление «буржуазной элитарности», которое стало отражением процесса социокультурного сближения сословий купечества и дворянства.

Либерально-демократические преобразования Александра II существенно повлияли на положение российского крестьянства, получившего не только личную свободу и земельную собственность, но и основные гражданские права. Реализации их на практике в сфере торгово-предпринимательской деятельности было посвящено выступление ведущего специалиста ГАКО А.С.Касанова, отметившего, что представители непривилегированных слоев населения стали активными участниками экономической жизни страны в пореформенное время. Тем не менее формирование нового правового сознания сельских жителей проходило медленно и противоречиво. К такому мнению пришла к.и.н., ассистент Н.В.Чернышева (ВятГГУ), подчеркнувшая, что для крестьянского менталитета второй половины XIX в. было характерно сохранение традиционного наивного монархизма.

В докладе к.и.н., доцента А.В.Скутнева (Кировский филиал Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов) новое звучание получили различные аспекты церковной реформы 1860—1870-х гг., существенно повлиявшей на трансформацию менталитета российского духовенства. В результате реформы к началу XX в. оно превратилось из традиционного сторонника неограниченного самодержавия в идеологически неоднородное сословие, определенная часть которого перешла в оппозицию к власти и даже включилась в революционное движение. Конфессиональная политика правительства Александра II, ее либерализация в отношении старообрядцев были представлены в докладе к.и.н., доцента В.В.Машковцевой (ВятГГУ).

Научной новизной отличались также выступления, характеризовавшие влияние «великих реформ» на положение представителей различных национальностей, проживавших на территории Вятско-Камского региона, работу благотворительных и издательских учреждений — доклады ассистента А.М.Рафикова (ВятГГУ) и ст. преподавателя Л.В.Красновой (ВятГГУ).

На третьей секции — «Деятели эпохи великих реформ» — рассматривалась тема личности в истории буржуазных реформ. Д.и.н., профессор В.А.Бердинских (ВятГГУ) охарактеризовал деятельность приходских священников как историков-любителей, д.и.н., профессор Т.С.Сергеев (ЧГПУ им. И.Я.Яковлева) осветил вопрос о вкладе школьных инспекторов в развитие земских школ многонационального Поволжья. Учительство эпохи реформ Александра II стало темой выступления литератора,

заслуженного работника культуры РФ Т.К.Николаевой (Киров). Член Кировского областного краеведческого объединения «Вятка» Л.М.Романенко рассказала о деятельности вятского губернатора Н.А.Тройницкого. Гласность и общественный подъем, наблюдаемый во второй половине XIX в., по мнению исследователей, создали условия для реализации смелых и нужных для общества проектов многих известных личностей той эпохи.

Одной из задач конференции стало привлечение к участию в ее работе молодых исследователей. На форуме выступили с докладами 20 студентов-историков ВятГГУ, для которых была организована специальная секция — «Крестьянская реформа Александра II глазами молодых исследователей». Проблемы, рассмотренные на секции, охватили региональную историографию и источниковедческие аспекты крестьянской реформы. Студенческие работы основывались преимущественно на документах Государственного архива Кировской области, связанных с вопросами землеустройства и землепользования в до- и пореформенный периоды, с историей крестьянского самоуправления, деятельностью сельских сходов, волостных старшин, губернского и уездных по крестьянским делам присутствий.

Большой интерес у слушателей вызвали сообщения по этнографической тематике, в частности были проанализированы забытые источники — рукопись А.Хапугина «Быт вятских крестьян» и «Повесть, сцены и рассказ из народного быта вятских крестьян» В.Душина, являющиеся бесценным источником по истории

крестьянского быта. Одно из выступлений было посвящено пословицам и поговоркам Слободского уезда Вятской губернии как источникам по изучению крестьянского менталитета.

Отмечая высокий уровень докладов студентов, участники конференции выразили благодарность работникам Государственного архива Кировской области за серьезную поддержку и консультативную помощь студентам. Огромный вклад в подготовку выступлений молодых исследователей внесла к.филос.н., доцент В.А.Криушина (ВятГГУ).

В целом конференция продемонстрировала, что проблематика «великих реформ» и сегодня не теряет своей актуальности и практической востребованности в современном обществе. При этом нельзя не отметить смещение акцентов в современных исследованиях. Ныне все чаще буржуазные реформы рассматриваются в контексте проблемы формирования гражданского общества в России во второй половине XIX — начале XX в. Особенности научной конференции стали раскрытие региональных аспектов реформы, использование широкого и разнообразного круга исторических источников из областных архивохранилищ, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, а также построение исследований на новой методологической основе. Все это позволило ученым глубоко осмыслить многие аспекты буржуазно-демократических преобразований Александра II, выделить их региональную специфику.

По итогам конференции издан сборник научных статей.

*Г.И.Зайцева, А.А.Синицын**

Радиоуглеродное датирование в археологии: современное состояние: VI Симпозиум «Радиоуглерод и археология» (Пафос, Кипр, 10–15 апреля 2011 г.) и Конференция «Радиоуглеродное датирование и переход от среднего к верхнему палеолиту в Европе» (Оксфорд, Великобритания, 14–16 апреля 2011 г.)**

VI Симпозиум «Радиоуглерод и археология» был организован Вейцмановским институтом (Израиль), Университетом и различными институтами Республики Кипр. В нем приняли участие около 200 специалистов из более чем 20 стран: Великобритании, Франции, Канады, Германии, Дании, Финляндии, Швеции, Австрии, Швейцарии, Бельгии, Норвегии, США, Канады, Израиля, Италии, Испании и др. Следует отметить, что в последнее время увеличилось число российских участников.

На симпозиуме были организованы 12 секций, упорядоченных по хронологическому (радиоуглеродные исследования I тыс. до н.э., II тыс. до н.э., III тыс. до н.э., исторический период) и тематическому (дендрохронология и ботанические остатки, методы и применение радиоуглеродного датирования памятников Древнего мира, древние культуры Евразийских степей, специальные археологические материалы и техника датирования, калибровка, контроль и математические модели, резервуарный эффект в археологии) признакам. Проведены также две стендовые секции, на которых в общей сложности были представлены 68 докладов. Почти

все секции предваряли специальные лекции ведущих исследователей.

Симпозиум открылся обзорным докладом П. де Мирошеди (Ин-т археологии и этнологии Франции) «Археологическая и радиоуглеродная хронология: диалог специалистов», в котором были рассмотрены расхождения между радиоуглеродной и исторической хронологией. Перспективы их преодоления связываются с обсуждением результатов датирования широким кругом специалистов по абсолютному датированию, археологии и исследователей в области реконструкции окружающей среды. Были продемонстрированы результаты такого диалога при выполнении текущего международного научного проекта ARCANÉ.

Секция 1 «Дендрохронология и ботанические остатки» (рук. Г.Фиорентино, Италия). Открылась она докладом С.Маннинга и Б.Кромера (США) «Отклонения радиоуглеродных данных для памятников Европы и Средиземноморского бассейна: начало дебатов», в котором были проанализированы результаты радиоуглеродного анализа и дендрохронологическая серия данных из Швеции, Ирландии, Германии, Анато-

* **Зайцева Ганна Ивановна** — кандидат химических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археологических технологий Института истории материальной культуры РАН.

Синицын Андрей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела палеолита Института истории материальной культуры РАН.

** Проекты 11-01-15008з и 11-01-15005з.

лии, Кипра и восточного Средиземноморья, а также «плавающая» дендрохронологическая шкала в археологическом контексте памятников Анатолии. Доказано, что разница между датировками памятников Северного и Южного полушарий находится в пределах стандартных отклонений и что калибровочная кривая IntCal09 одинаково пригодна для применения во всех случаях.

Возможности анализа растительных остатков для датирования и реконструкции окружающей среды были продемонстрированы докладчиками из Израиля (М.Кислев, О.Симоши и Е.Вейс), которые показали, что использование остатков «старого дерева» не всегда адекватно реальной ситуации, поскольку дерево имеет «свой» возраст и не всегда соответствует истинному времени постройки. Этой же проблеме посвятили доклад специалисты из Италии (В.Какракута и Г.Фиорентино), которые продемонстрировали возможности использования ботанических остатков для реконструкции палеоклиматов Средиземноморья. Кроме радиоуглеродного датирования, были определены и значения стабильного изотопа углерода 13 для реконструкции палеоэкологических условий: коротких и длительных изменений влажности и сухости климата и их влияния на экономику древнего населения в эпоху бронзового века. На этой секции также рассмотрены вопросы, касающиеся хронологии памятников Южного Иордана, для периода железного века (1200–500 лет до н.э.).

Секция 2 «Радиоуглеродные исследования для I тыс. до н.э.» (рук. А.М.Маргин, Испания). Вопросы, касающиеся точности данных радиоуглеродного анализа для периода раннего железного века I и II периодов,

были подняты в докладе большой группы авторов из Израиля, Нидерландов, Великобритании и Дании, где было показано, что имеющиеся несоответствия не могут быть отнесены к лабораторным ошибкам. Сравнение результатов четырех лабораторий показало, что здесь необходим пересмотр археологических концепций.

Секция 3 «Методы и их применение для памятников доисторического периода» (рук. М.Чазан, Канада). Интересный доклад группы итальянских ученых из центра датирования и диагностики факультета инженерных инноваций университета Саленто был посвящен применению новых подходов к анализу материалов, используемых для датирования методом ускорительной масс-спектрометрии, с применением так называемой техники ионного пучка. Проанализированы такие материалы, как обсидиан, металлы, керамика, обожженные кости, и показана необходимость применения метода анализа материалов до их использования для датирования.

В выступлении Н.Д.Буровой (ИИМК РАН) речь шла о хронологии, тафономическом анализе памятников палеолита в Воронежской области Дивногорье 1, 9 и сравнении полученных данных с памятниками палеолита сопредельных территорий, главным образом памятниками Костенковско-Борщевского района. Палеолитическим материалам посвятил доклад Е.Боаретто (Израиль) с соавторами из Франции и Италии, в котором были представлены результаты датирования останков неандертальцев из Северо-Восточной Италии и подтверждено их сосуществование с человеком современного физического облика в течение короткого времени.

Секция 4 «Радиоуглеродные исследования для периода II тыс. до н.э.» (рук. Е.Боаретто, Израиль). Практически все докладчики этой секции рассказывали о проблемах хронологии Древнего Египта. Ранее на основе исторических и археологических данных была построена хронологическая шкала царских династий, но остались некоторые расхождения, нуждающиеся в уточнениях. Группа ученых из Франции представила новые результаты радиоуглеродного датирования таких материалов, как текстиль и растительные остатки. Получено около 100 определений для XVIII династии. Все данные объединены и обработаны с применением методов математической статистики (подход Байеса).

Этот же вопрос рассматривался в докладе группы авторов из Австрии и Великобритании (Оксфорд), представленный В.Кучерой. В хронологии Древнего Египта существуют расхождения примерно в 100 лет между различными хронологиями. Возможными путями выхода из сложившейся ситуации могут быть дополнительные радиоуглеродные данные новых материалов из раскопок Телл ель-Даба в дельте Нила.

Новые данные из этого памятника рассмотрены в выступлениях М.Битак (Австрия) и Е.Холфмайер (Германия). Они предложили две временные шкалы для Древнего Египта: короткую и длинную, что должно помочь объяснить расхождение в 100 лет. Эти попытки свидетельствуют о том, что радиоуглеродный метод позволяет сейчас уточнять хронологию этого периода до нескольких лет.

Секция 5 «Древние культуры Евразийских степей: хронология, миг-

рация и взаимодействие» (рук. Я.В.Кузьмин, Россия). Здесь почти все доклады были представлены российскими учеными. Открывалась секция докладом Я.В.Кузьмина «Радиоуглеродная хронология доисторических комплексов российского Дальнего Востока: 15 лет спустя», в котором обобщались результаты работ по датированию памятников региона от палеолита до железного века. Предметом доклада Ж.Марченко с соавторами стала хронология андроновской культуры в Барабинской степи, а А.Выборнова и Г.И.Зайцевой — хронология памятников неолита Каспийского региона. Г.И.Зайцева с соавторами посвятила свое выступление датированию памятников дольменной культуры Западного Кавказа и на примере памятника Колихо показала возможности использования изотопов стронция для определения возможных миграций населения бронзового века. Доклад Н.И.Шишлиной с соавторами традиционно был посвящен применению стабильных изотопов углерода и азота для реконструкции палеодиеты населения бронзового века Каспийского региона и Нижнего Дона. Показано, что высокие значения изотопа азота 15 могут быть связаны с климатическими условиями.

Секция 6 «Специальные археологические материалы и техника датирования» (рук. С.М.Сантос и Г.В.Ходжинс, США). В докладе К.М.Подушка с соавторами (Израиль) были показаны возможности датирования штукатурки и строительных растворов с предварительным анализом материала и степени его кристаллизации методом инфракрасной спектроскопии. Интересный материал, касающийся датирования древних сплавов железа, представил

Ж.-П.Думолин с группой соавторов (Франция), продемонстрировав возможность ускорительной техники для датирования остатков угля в сплавах и коксах. Г.М.Сантос (США) предложил метод датирования фитолитов. В докладе Л.Регев с соавторами (Израиль, Германия) обсуждались проблемы датирования древесной золы и изотопное фракционирование в материале. Дискуссию вызвало выступление А.Заззо и др. (Франция) о проблеме сохранности костного материала из памятников неолита.

Секция 7 «Калибровка, международный контроль радиоуглеродных лабораторий и математические модели» (рук. М.Скотт и П.Реймер, Великобритания). В обзорном докладе М.Скотт (Великобритания) были приведены примеры сотрудничества ученых различных стран для контроля лабораторий, который регулярно проводится Университетом Глазго. Отмечена и роль российских ученых. Для контроля были представлены образцы дерева из памятников скифской эпохи из России (Догее-Баары и Аржан-2). Предложено продолжать такое сотрудничество, успехи которого неоспоримы. На секции приводились примеры использования методов математической статистики (Байесен-подход) при разработке математических моделей для памятников англосаксонского времени (А.Байлис и др., Великобритания). Ученые из Финляндии (П.Песонен и др.) рассказали о датировании и обработке материалов памятников неолита Фенно-Скандии на основе археологических и радиоуглеродных данных по керамическому материалу.

Секция 8 «Радиоуглеродные исследования для периода III тыс. до н.э.» (рук. М.Лебю, Бельгия). На сек-

ции обсуждались проблемы хронологии памятников Средиземноморья, Ближнего Востока и Кипра (М.Лебю, Бельгия; С.Скайре Калибризотто, Италия; Ж.Регев, Израиль). Г.Кук (Великобритания) привел примеры датирования зубной эмали из погребений в курганах Кипра.

Секция 9 «Исторический период» (рук. М. ванн Стридонк, Бельгия). Обсуждались результаты исследований по хронологии памятников исторического периода Германии, Италии. А.Энговатова (ИА РАН с коллегами из ИИМК РАН и Киева) рассматривала проблемы хронологии фортификационных сооружений древнего Ярославля, основанные как на радиоуглеродных датах, так и данных дендрохронологии.

Секция 10 «Резервуарный возраст в археологии» (рук. Ф.Петчев, Новая Зеландия, и П.Аскаф, Великобритания). В докладах были приведены примеры датирования морских моллюсков и раковин (Ф.Петчев; М.Матос Мартинс, Испания), рыбных остатков (Фернандес и др., Германия). О проблемах, связанных с эффектом резервуара, и перспективах в этом направлении рассказал П.Аскаф.

Секция 11 «Доисторический период» (рук. Х. ван дер Плихт, Нидерланды). В докладе руководителя секции была показана необходимость определения изотопов углерода 13 и азота 15 в образцах для датирования, причем не только для установления палеодиеты, но и для реконструкции окружающей среды. Цикличности климатических изменений посвятил выступление В.Вейнигер (Германия). Данные по хронологии поздне-неолитических памятников восточной Сахары представил М.Виттман (Египет).

В течение двух дней проходили стендовые секции, где были представлены 78 докладов.

В заключение М. Ван Стридонк предложил провести следующий, VII симпозиум в Бельгии, что было принято с одобрением. После закрытия симпозиума его участники посетили археологические памятники Пафоса.

* * *

Параллельно с Симпозиумом проходила конференция «Радиоуглеродное датирование и переход от среднего к верхнему палеолиту в Европе» (Оксфорд), посвященная результатам проекта по датированию серии многослойных памятников Европы, имеющих принципиальное значение для проблемы появления в Европе человека современного физического облика *Homo sapiens sapiens*. Обсуждалось преодоление неоднозначности в определении времени перехода в разных частях Европы, обусловленной значительным расхождением радиоуглеродных датировок, полученных в разных лабораториях в разное время.

Принципиальными для оценки современного состояния проблемы являются два момента. Первый, основанный на анализе ДНК европейских (в последнее время и среднеазиатских) неандертальцев, показавший их непричастность к формированию человека современного антропологического типа, происхождение которого связывается с небольшим районом юго-западной Африки более чем 100 тыс. лет назад. Второй момент основан на постоянно увеличивающемся количестве данных о наличии в материальной культуре среднего палеолита признаков, ранее считавшихся присущими только верх-

нему палеолиту и современному человеку.

Представленные на конференции доклады охватывали широкие территории от Атлантического побережья Испании и Франции до центра Русской равнины (Костенок) и Ближнего Востока.

Результаты исследований представлялись по единому сценарию с участием, как правило, двух основных докладчиков: археолога-исследователя памятника и представителя лаборатории, выполнявшего датирование. Во вступительном слове и в заключение Т.Хаим подчеркнул конфиденциальность информации до публикации результатов, предполагающейся в ближайшем будущем. Поэтому конференция не имела традиционных тезисов докладов.

Наибольшие изменения в представлении о хронологии перехода от среднего к верхнему палеолиту связаны с новыми датировками итальянских пещер Рипаро Моки и Рипаро Бомбрини (С.Гримальди, К.Доука), Кавалло (П.Боскато, К.Доука) и особенно грота Фумане (М.Перезани, Т.Хаим). Новые серии определений возраста позволили на 2–3 тысячи лет «удревнить» время появления ориньяка на Апеннинском полуострове и также на 2–3 тысячи увеличить продолжительность существования «переходной» культуры улуццо, соотношение которой с другой «переходной» культурой Западной Европы, шательперронской, оказалось более сложным, чем это считалось ранее.

Проблема перехода в Юго-Восточной Европе и Восточном Средиземноморье обеспечена единичными многослойными стоянками Греции (К.Доука) и Ближнего Востока (Учагызлы, Кзар-Акил) (К.Бергман,

К.Доука), где новые датировки так же, как в отношении Западного Средиземноморья, в целом подтверждают полученные ранее определения возраста.

Восточная Европа была представлена только Костенками 14 — памятником, признанным опорным для первой половины верхнего палеолита внутри морской изотопной стадии 3 (MIS3) и наиболее показательным для понимания структуры раннего верхнего палеолита обширной Русской равнины. Раскопки этого памятника 1998–2010 гг., производимые при поддержке РГНФ, привели к открытию новых культурных слоев, относящихся к древнейшему периоду верхнего палеолита. Только на этой стоянке период 44(?)–25 тыс. лет до н.д. представлен 8 культурными и тремя палеонтологическими (без археологического сопровождения) слоями, а геология — серией из 7 погребенных почв. Дополнительным аргументом для признания памятника опорным явилась современная аналитическая база исследования, созданная в течение последнего десятилетия

благодаря участию в раскопках большого числа отечественных, европейских и американских специалистов-естествоведов.

Принципиальное значение имело участие в работах 2009 г. сотрудника Оксфордской лаборатории К.Доуки вместе с П.Эзарцем и Пирсоном (Бельгия) в совместном отборе образцов из всех культурных слоев. Первые результаты уже получили отражение в печати (Douka et al., 2010), они показали принципиальное значение новых материалов и датировок для характеристики процесса перехода от среднего к верхнему палеолиту в рамках всего Европейского пространства. Прекращение в 2011 г. поддержки исследования памятника со стороны РГНФ несколько отодвинуло завершение современного этапа его изучения. Тем не менее он остается единственным Восточноевропейским палеолитическим памятником, включенным в новый, территориально более широкий международный проект по хронологии раннего верхнего палеолита Евразии.

С.П.Постников*

**Историческая энциклопедия Сибири:
В 3 т. / Гл. ред. В.А.Ламин.
Новосибирск: Историческое наследие
Сибири, 2009. Т. 1–3****

В современном обществе информационное пространство расширяется за счет новых технологий, в том числе всемирной сети Интернет, однако это не умаляет роли научно-справочной литературы, которая пользуется большим спросом как в России, так и во многих странах Европы и Америки. Особый жанр научно-справочной литературы — энциклопедии. В начале XXI в. наблюдался настоящий «энциклопедический бум», который охватил все сферы знаний о природе, обществе, человеке и т.д. К сожалению, «энциклопедический вал» девальвировал высокий уровень настоящей научно-справочной литературы. И в этом смысле сразу отметим, что «Историческая энциклопедия Сибири» — специализированное научно-справочное издание, отвечающее самым высоким параметрам литературы подобного жанра.

«Историческая энциклопедия Сибири» основывается на солидной научной базе, включающей многочисленные исследования по «сибирской» тематике, изданные на протяжении 300 лет в России и за рубежом. Предшественником вновь изданной энциклопедии можно считать пятитомную Сибирскую советскую энциклопедию (ССЭ) (1927–1937 гг.) (свет увидели три тома).

При подготовке «Исторической энциклопедии Сибири» авторский коллектив опирался на такие фундаментальные работы, как пятитомная «История Сибири» (1968 г.), четырехтомная «История рабочего класса Сибири» (1982, 1984, 1986 гг.), пятитомная «История крестьянства Сибири» (1982, 1983, 1985, 1991 гг.).

Особое значение при создании новой энциклопедии имели многочисленные публикации последних двух десятилетий, в которых в научный оборот введен огромный массив новых фактов. Привлечены также ранее не публиковавшиеся документы, хранящиеся в центральных и региональных архивах, в том числе материалы персональных фондов.

Новый масштабный и социально значимый проект по подготовке и изданию «Исторической энциклопедии Сибири» осуществлен коллективом Института истории СО РАН (Новосибирск) при участии ведущих историков, археологов, этнографов, филологов, демографов, экономистов и других

* Постников Сергей Павлович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

** Проект 09-01-16118д.

специалистов (всего 400 человек), представляющих свыше 50 академических институтов и университетов России от Урала до Владивостока.

Обращают на себя внимание широкие хронологические и территориальные рамки «Исторической энциклопедии Сибири». Она охватывает огромный период — начиная с освоения региона человеком в глубокой древности до начала XXI в. Обширными являются и территориальные рамки исследования: Сибирь понимается как регион, простирающийся от восточных границ Урала до Тихого океана, включая Российский Дальний Восток и часть тех территорий, которые входят в состав современного Казахстана. Такая трактовка территориальных рамок близка к исторически сложившимся представлениям о Сибири. Кроме того, такой широкий подход позволил выявить как общие закономерности, так и специфические особенности исторического процесса в таком крупном регионе, каким является Сибирь.

В содержательном плане энциклопедия включает следующие тематические разделы (блоки): археология и древняя история; этнография; экономика; аграрная история; конфессии; историческая наука; население; административно-территориальное устройство; государственная власть; политическая система; наука и высшая школа; социальная сфера; культура; языки народов Сибири; фольклор; литературоведение.

Всего в энциклопедии помещено около 4 тыс. статей, расположенных в алфавитном порядке без тематического подразделение. Кстати, такой подход вполне оправдан, поскольку большинство читателей ищут интересующую их информацию именно по названию статьи.

Все статьи можно разделить на несколько типов. Прежде всего это комплексные и обобщающие статьи, которые в значительной мере определяют «лицо» энциклопедии. Например, принципиальное значение имеют комплексные статьи по каждому сибирскому субъекту РФ, включая Курганскую область. Они имеют общую структуру и содержат следующие разделы: общие сведения, природа, исторический очерк, современное экономическое и социокультурное развитие. Учитывая «отраслевой» исторический жанр издания, следует отметить высокий научный уровень и богатый фактический материал исторических очерков по всем сибирским субъектам РФ, которые впервые помещены вместе в одном фундаментальном труде. Кроме того, в энциклопедии помещены развернутые очерки по крупным и более краткие справки по средним и малым сибирским городам.

Следующий тип статей — статьи о конкретных исторических событиях. Например: Гражданская война, Революционный процесс 1917 г., Коллективизация, Великая Отечественная война. Многие из них содержат новый фактический материал и выполнены с учетом современных достижений отечественной историографии.

Важное место в энциклопедии занимают статьи об исторических явлениях и событиях, которые воссоздают широкую и яркую палитру экономической, общественно-политической и социально-культурной жизни региона в широкой исторической ретроспективе. Не менее интересны и содержательны статьи об этнических особенностях народов, включая некоренные, социальных, профессиональных (в том числе о таких, как кулаки, единоличники, «лишёнцы») группах населения, которые ранее оставались за рамками анализа.

В энциклопедии содержатся статьи об административно-территориальном устройстве и историко-географических названиях, включая статью об административно-территориальном устройстве Сибири и Дальнего Востока, в которой обобщающий материал по данной проблеме дается впервые в историографии.

Около половины статей посвящены лицам, оставившим заметный след в истории Сибири XVI—XX вв. Это статьи-персоналии о государственных, политических, военных, общественных, религиозных деятелях, лидерах национальных движений, ученых, путешественниках, предпринимателях, меценатах, архитекторах, художниках, литераторах, актерах, музыкантах. Этим достигается так называемое человеческое измерение энциклопедии, поскольку главным субъектом исторического процесса выступает личность.

Вообще «человеческий фактор» представлен в энциклопедии достаточно полно. Здесь содержатся биографии практически всех выдающихся сибиряков за пять веков исторического пути Сибири с момента прихода сюда русских. А поскольку энциклопедия носит отраслевой характер, в ней имеются биографические справки о многих известных сибирских историках и археологах — академиках В.В.Алексееве, А.П.Деревянко, А.И.Крушанове, В.И.Молодине, А.П.Окладникове, Н.Н.Покровском, чл.-корр. Б.В.Базарове, В.А.Ламине и др., чей вклад в историческую науку имеет не только региональное, но и общероссийское и мировое значение.

В отдельном, заключительном, разделе помещены сводные перечни, включающие полные списки сибирских разрядных воевод, крупных купцов, сосланных в Сибирь декабристов, дореволюционных губернаторов и генерал-губернаторов, высших церковных иерархов, руководителей общесибирских властных органов, георгиевских кавалеров, Героев Советского Союза и Социалистического труда и др.

Научно-справочная ценность издания обеспечивается также библиографическим аппаратом, содержащим список литературы по теме и сочинения авторов, когда речь идет о писателях, ученых и т.д. Кроме того, издание снабжено значительным по объему и содержательным иллюстративным и справочным материалом: картами, схемами, иллюстрациями и т.п.

Таким образом, «Историческая энциклопедия Сибири» — это на сегодняшний день самый полный свод современных научных знаний по истории огромного российского региона. В ней отражены ключевые аспекты истории Сибири в контексте российской и мировой истории с древнейших времен и до современности. Представлены явления, имеющие общемировое и общероссийское значение и оказавшие существенное влияние на социально-экономическое, политическое и культурное развитие региона, а также события, ставшие важнейшими вехами в истории Сибири. Дана характеристика уникальных объектов, обеспечивающих развитие региона.

Материалы энциклопедии позволяют отразить интегрирующую функцию восточных регионов страны, их роль в экономических, демографических, политических и социокультурных процессах развития Российского государства. «Историческая энциклопедия Сибири» призвана ликвидировать многие пробелы в истории Сибири, обеспечить разумное сочетание научного и научно-популярного жанров в подаче материала, способствовать формированию взве-

шенного и научно обоснованного подхода к отечественной и региональной истории.

Концептуальной основой является представление Сибирского региона как «цивилизационного моста» между Востоком и Западом, обуславливающего «евразийский» характер Российского государства. Это позволило решить одну из ключевых методологических проблем при подготовке энциклопедии — избежать «сибирского» повторения российской, а тем более — советской истории. Представленная на суд научной общественности и широких кругов читателей новая фундаментальная работа избежала политической ангажированности и идеологической заданности. В ее основу положены принципы историзма, объективности, точности и непредвзятости.

Важным концептуальным принципом является также оценка российского этапа истории Сибири как единого процесса, без жесткого разделения на досоветский, советский и постсоветский периоды и «прославления» достижений одного из них.

Содержание энциклопедии выдержано на высоком уровне как в методологическом, так и фактологическом отношении. Однако наиболее высокий уровень историографической новизны, на наш взгляд, достигнут по следующим тематическим блокам и разделам.

Весьма впечатляет обзорная статья «Историография Сибири», в которой дан цельный, объективный, взвешенный анализ исторических исследований по всем периодам и ключевым проблемам. В ней емко и вместе с тем глубоко показан процесс становления и развития исторической науки в Сибири, а также современное состояние сибирской историографии.

В энциклопедии широко представлен раздел «Конфессии». Особо детально показаны православие (в том числе старообрядчество) и буддизм. Включены статьи по истории всех сибирских епархий Русской православной церкви и монастырей. Даны биографии сибирских иерархов. Впервые, пожалуй, в одном издании обобщен материал об истории буддистских монастырей, о видных деятелях буддизма, уникальных книжных памятниках разных эпох.

Новизной и объективным подходом отличается обобщающая статья «Присоединение Сибири к России». Здесь содержатся новые материалы о присоединении северо-восточной Сибири (Чукотка, северная Камчатка), которое сопровождалось длительной вооруженной борьбой русских с чукчами и коряками.

В рамках темы освоения Сибири и аграрной колонизации нашли отражение новые положения, касающиеся раннего этапа освоения: о сложном сословном и этническом составе переселенцев; о высоком уровне социальной стратификации сибирского крестьянства задолго до буржуазных реформ; о социокультурных трансформациях, в результате которых осваивавшие регион переселенцы из разнородного полиэтноса к середине XIX в. превратились в субэтнос великорусского этноса — сибиряков, со своим специфическим набором ментальных, социальных, материально-бытовых, языковых и культурных характеристик.

Достаточно полно отражена тема Гражданской войны в Сибири, которая показана как трагическая страница в истории региона и России в целом. Содержательностью и новизной данного раздела является показ не только

лагеря революции, но и контрреволюции, а также промежуточных сил. Статьи по данной теме содержат ключевой фактический материал и не несут идеологических оценок. Здесь же помещено большое количество персоналий, которые раньше не получали отражения на страницах исторической литературы. Данный раздел представляет собой фактическую реализацию идеи «национального примирения» на историографическом уровне.

Хорошо показано развитие социальной сферы Сибири в широкой исторической ретроспективе. Многочисленные статьи посвящены социальным проблемам и повседневной жизни населения Сибири на различных этапах ее истории. Сделан обоснованный вывод о хроническом отставании Сибири по основным показателям от среднероссийского уровня. Принципиальное историографическое значение имеет вывод о завершении формирования в 80-х гг. XX в. в основных чертах индустриально-урбанистического образа жизни в городах Сибири.

Конечно, любое издание такого глобального масштаба не может не иметь недостатков. Однако сегодня можно с уверенностью констатировать, что «Историческая энциклопедия Сибири» — это крупное явление в гуманитарной науке не только регионального, но и общероссийского масштаба, уникальное издание, не имеющее аналогов в отечественной историографии.

О.А.Милевский*

Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века:

энциклопедия / Отв. ред.

В.В.Шелохаев; Отв. секр.

А.В.Репников. М.: РОССПЭН, 2010. — 639 с. **

Выход в свет энциклопедии «Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века» стал большим событием не только для представителей научного сообщества, но и всех, кто интересуется историей социально-политической мысли России, в том числе и ее консервативной

составляющей. Знакомясь с материалами, помещенными в новом фундаментальном издании, нельзя не отметить огромной организаторской и подготовительной работы, проделанной редакционной коллегией, включающей авторитетных ученых — лауреата Государственной премии, доктора исторических наук, профессора В.В.Шелохаева, доктора исторических наук, профессора А.В.Репникова, кандидатов исторических наук, доцентов А.А.Иванова и А.Ю.Минакова.

В настоящее время научные подходы к осмыслению теоретического наследия отечественного консерватизма претерпели существенные изменения, во многом связанные с тем, что «изучение российского консерватизма явно вышло за пределы начальной стадии накопления фактов» [1, с. 133], и исследователи начали ставить перед собой более широкие обобщающие задачи, а изучение русского консерватизма приобрело черты быстро развивающегося научного направления.

Лучшим подтверждением данного тезиса является вышедшая энциклопедия, которую отличают не только академизм и научная строгость, но и, что не менее важно, обращение к выделению «теоретико-методологических, идейно-политических, социокультурных и институциональных оснований консерватизма в России». Уже ее вводная статья обращает на себя внимание желанием авторов отойти от схематизации, упрощенчества и однолинейности в оценках интеллектуального наследия русских консерваторов, что, к сожалению, еще имеет место в некоторых современных исторических исследованиях.

Авторы статьи отмечают, что возникший в нашей стране в начале 1990-х гг. интерес к разработкам отечественной консервативной мысли сопровождался смещением акцентов в оценке деятельности консерваторов от негативно-нейтральных до положительно-апологетических, что было связано в первую очередь с общим изменением политического климата в России и постановкой проблемы «традиция и модернизация» (с. 6–18). Признаком

* Милевский Олег Анатольевич — доктор исторических наук, профессор Сургутского государственного педагогического университета.

** Проект 09-01-16086д.

хорошего научного тона следует считать заявленное во вступительной статье положение о том, что «рассмотрение генезиса русской консервативной мысли в рамках противопоставления понятий “традиция—модернизация” или “прогресс—регресс” оказываются непродуктивными, поскольку ни традиция, ни модернизация не являются абсолютом. Реформы не ведут непременно к улучшению уровня жизни большинства населения, а контрреформы далеко не всегда имеют деструктивный характер». Можно согласиться с итоговим выводом о том, что «существует срединный путь, учитывающий и необходимость социально-политического реформирования, и ценность традиционалистских установок. Во многом благодаря осознанию рядом современных исследователей необходимости поиска этого пути словосочетание “консервативная модернизация” в последние годы заняло свое место в научном и политическом словаре» (с. 18).

Таким образом, статья «Консерватизм в России» как бы задает объективный, взвешенный и, что очень важно, высокий теоретико-методологический уровень размещенных в энциклопедии статей. Настоящее издание включает более 260 статей, которые можно разделить на 4 большие группы: понятия, персоналии, политические и общественные структуры и органы печати. По замыслу В.В.Шелохаева, издание «позволяет представить российский консерватизм как сложное составное явление, в формировании которого принимали участие светские и религиозные мыслители, ученые разных специальностей, писатели, поэты, публицисты, журналисты» (с. 5).

Отправную точку в структуре энциклопедии задает выделение основных понятий (концептов), составляющих идеологическое ядро российского консерватизма. В этом плане обращают на себя внимание статьи об автаркии, прогрессе и этатизме, которые написаны доктором философских наук М.Ю.Чернавским, наполнившим эти социально-философские понятия консервативным содержанием. С подобных же позиций написаны статьи о кооперации, парламентаризме, почвенничестве и др.

Особый интерес у читателей вызовет масштабный биографический блок, включающий статьи не только об уже известных широкой публике консерваторах Н.М.Карамзине, К.Н.Леонтьеве, Н.Я.Данилевском, М.Н.Каткове, Л.А.Тихомирове и др., но и о мыслителях, чья жизнь и деятельность еще ждут своего дальнейшего изучения. К последним можно отнести, например, Н.Г.Дебольского или И.Ф.Циона. Автором новаторской статьи о Николае Григорьевиче Дебольском является петербургский исследователь Н.П.Ильин. Он также подготовил статьи о П.Е.Астафьеве, А.А.Григорьеве, Н.Н.Страхове, П.В. и И.В. Киреевских. Интересна статья А.Э.Котова об Илье Фаддеевиче Ционе. Автор изобразил сложную, противоречивую и многогранную личность, весьма показательную для понимания характера русского консерватизма, преломившую в себе все его сильные и слабые стороны и с равным успехом реализовавшую себя как в науке (причем в совершенно разных областях: физиологии и экономике), так и в журналистике. Цион к тому же немало потрудился над подготовкой Русско-Французского союза. Статья заканчивается словами: «Авантюризм, честолюбие и неуживчивый характер сочетались в нем с научным талантом и убежденностью в своих взглядах» (с. 562–564).

В контексте возвращения забытых имен хотелось бы обратить внимание на статью А.Ю.Минакова о С.А.Рачинском. Показательно, что автор рассматривает не только его политические взгляды, но и уделяет внимание педагогическим идеям. Статья является своего рода напоминанием современным разработчикам школьной реформы, что иногда не лишне посмотреть по сторонам и, не поддаваясь искусу копирования новомодных западных образовательных подходов, проанализировать и оценить то педагогическое наследие, которое оставили нам такие представители национально-консервативной образовательной традиции, как К.Д.Ушинский и С.А.Рачинский.

Привлекают внимание статьи, написанные И.А.Христофоровым, известным читателю по монографии «“Аристократическая” оппозиция Великим реформам (конец 1850 — середина 1870-х гг.)» [2]. Жизнь и взгляды героев этой книги нашли дальнейшее развитие на страницах энциклопедии. Это собственно статья «Аристократическая оппозиция», а также такие персоналии, как Р.А.Фадеев, В.П.Орлов-Давыдов, И.И.Воронцов-Дашков, П.А.Шувалов и др.

Актуальным, в том числе и для российской политической элиты, в плане переосмысления сложившейся геополитической ситуации, в которой Российская Федерация оказалась после распада СССР, будет знакомство с циклом статей А.В.Репникова о геополитиках-консерваторах (А.Е.Вандаме, Н.Я.Данилевском, И.И.Дусинском, Ю.С.Карцове, К.Н.Леонтьеве, С.Н.Сыромятникове, Э.Э.Ухтомском). Впервые в энциклопедическом издании обобщены и представлены сведения об этих забытых мыслителях, чьи идеи и сегодня представляют практический интерес.

Серьезный блок, включающий около 40 статей, посвящен характеристике партийных и общественных консервативных структур. Представленные обширные материалы о монархических партиях и движениях демонстрируют их разноуровневый характер и многообразие форм их организации. К чести авторов надо признать, что они подошли к анализу действий различных промонархических объединений корректно и взвешенно, показав всю сложную и многообразную палитру их взаимоотношений друг с другом в борьбе за влияние в обществе и при дворе.

Конечно, правоверные монархисты, наверное, и сюжет с С.Ю.Витте могут поставить в вину составителям энциклопедии, как и отсутствие некоторых действительно интересных для более полного и объемного понимания российского консерватизма имен, например О.А.Новиковой.

Однако в этой кажущейся разногласии, на наш взгляд, и коренится сила данного академического проекта, дающего авторам определенную свободу в трактовках и оценках взглядов русских консерваторов от крайне правых до весьма умеренных и позволяющего уйти от навешивания ярлыков и апологетики монархизма.

Об этом же отчетливо высказался в своей беседе с редактором портала «Православная книга России» М.Тюренковым ответственный секретарь издания А.В.Репников: «Готовя издание, мы вместе с ответственным редактором В.В.Шелохаевым не преследовали «апологетические» или «разоблачительные» цели. Для нас важно было ввести в научный оборот новые сведения, обобщить материал, накопленный за последние десятилетия в области

исследования консервативной мысли... Нам было важно проследить генезис и эволюцию русского консерватизма за два века в контексте мирового и общероссийского модернизационного процесса» [3].

Очевидным достоинством книги является обращение авторов не только к рассмотрению характера деятельности ведущих консервативных организаций, например «Союза русского народа», «Русской монархической партии» или «Всероссийского Национального Союза», но и региональных консервативных структур, как то: «Астраханская народно-монархическая партия», саратовский «Православный Всероссийский братский союз русского народа», созданный по инициативе епископа Саратовского и Царицынского Гермогена, «Казанское общество русской монархической молодежи» или «Казанское общество православных русских женщин». Хотелось бы в контексте обращения к статьям о провинциальных правых организациях обратить внимание на тщательную исследовательскую работу, проделанную их автором, чебоксарским историком Е.М.Михайловой (с. 376–377). Интересен в этом ракурсе и очерк А.А.Иванова о «Русском окраинном обществе», структуре малоизвестной, целью создания которой было «изучение национальных окраин Российской империи и борьба с «инородческим сепаратизмом» (с. 436–437).

Около 40 статей посвящено периодическим изданиям консервативного толка. В этом вопросе присутствует весьма серьезная поляризация, способная вызвать и определенную дискуссию, ведь на страницах издания соседствуют как крайне правые «Русское знамя» и «Киевлянин», так и весьма умеренный по взглядам «Телескоп», как мы знаем, закрытый за публикацию отнюдь не консервативного по духу и стилю изложения первого философического письма П.Я.Чаадаева в 1836 г.

Подчеркивая своеобразие и многоликость отечественного консерватизма, авторы проекта четко выдерживают магистральную линию, заявленную во вступительной статье, выделяя ряд общих признаков, присущих консервативной системе мировоззренческих ценностей и позволяющей именно на этой платформе объединить всех, кто присутствует на 639 страницах этой книги: «Россия должна развиваться по собственному национальному пути, отличному как от Запада, так и от Востока в политическом и духовно-нравственном аспектах; идея сильной государственности; признание возможности проведения реформ в рамках существующей системы при наличии критического подхода к заимствованию опыта других стран (прежде всего Запада); необходимость сохранения целостности России, обеспечения ее военной безопасности; проведение Россией независимого внешнеполитического курса, обеспечение внешнеполитической безопасности; усиление роли Православной церкви в жизни страны, связанное с наличием в консервативных концепциях религиозно-православной константы, обусловленной идеократическим взглядом на мир и сакрализацией явлений государственно-политической жизни; оценка монарха как «помазанника Божиего» и признание незыблемости самодержавной власти в России; восприятие общества как сложной корпоративной системы, признание социального неравенства, освященного правом и традицией; стремление к сохранению общественной иерархии, основанной на духовных приоритетах, как базы самодержавной системы и отражения

“иерархии небесной”; обеспечение экономической безопасности страны, требование учета в ходе происходившей в России капитализации специфики развития российской экономики и доминирования в ней аграрного сектора; обеспечение социальных гарантий малоимущим слоям населения и вместе с тем — социальный пессимизм, отсутствие идеализации любых результатов возможных изменений общественного строя; убежденность в несовершенстве человеческой природы (религиозный пессимизм), понимание невозможности осуществления на практике идеи построения “земного рая”; признание приоритета общности над индивидом; обеспечение сохранения воспроизводства населения, рассмотрение семьи в качестве опоры общества, приоритетное положение системы образования, сохранение истинных традиций и преемственности поколений; критика либерализма, парламентаризма и социализма» (с. 17). Надо признать, что, опираясь на подобную методологическую конструкцию, понимаемую как многообразие в единстве, авторам-составителям удалось достичь действительно многого, показав всю «гамму оттенков» русского консерватизма за два века.

Возвращаясь к содержанию энциклопедии, нельзя не остановиться и еще на ряде моментов, которые делают ее действительно настольной книгой для всех серьезных исследователей консерватизма. Ко всем статьям прилагаются библиографические справки: даются указания на архивные фонды, приводятся основные сочинения, литература, библиографические указатели. Создатели энциклопедии приветствовали наличие в статьях цитат, которые могут ярко проиллюстрировать наиболее важные моменты. После цитаты в скобках дается полная ссылка на источник цитирования, что выгодно отличает издание от всевозможных «популярных энциклопедий», в которых приведенные цитаты не атрибутируются и их невозможно перепроверить.

Кроме статей, данная работа содержит прекрасно выполненную библиографию, которая включает 800 работ, посвященных русскому консерватизму (составители — А.Ю.Минаков и А.В.Репников, при участии Е.П.Гришиной и Т.П.Семеновой). Не менее важна и эстетическая сторона издания, в первую очередь иллюстративный материал — фотографии, среди которых немало редких или впервые публикуемых. Подбор и подготовка старых фотографий для печати — большой труд и тем более заслуживающий отдельной благодарности от читателей.

Таким образом, мы видим, что для того чтобы энциклопедия увидела свет, проделана действительно огромная работа и авторами статей, и составителями. К реализации данного проекта было привлечено более 60 ученых из крупнейших научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Владимира, Казани, Екатеринбурга, Саратова, Самары, Орла, Чебоксар, Чернигова, Калининграда и Рязани. Но невзирая на обширную географию представленных авторов, видно, что в основном ареал исследователей включает только научные центры Европейской части России.

При постоянно усиливающейся регионализации исторических исследований и уходе, в том числе и из-за недостаточного финансирования, абсолютного большинства провинциальных историков «в местную тематику», отказ от привлечения исследователей, занимающихся историей российской общественной мысли, из «глубинки» и азиатской части России приходится признать

определенной недоработкой организаторов проекта. Фактически неохваченными остались такие мощные научные школы Русского Севера, Сибири и Дальнего Востока, как Петрозаводск, Пермь, Томск, Омск, Новосибирск, Иркутск, Владивосток, а также молодые растущие центры, как, например, Вологда, Барнаул, Кемерово, Красноярск, Тюмень, Тобольск, Якутск и ряд других.

Более активное обращение к специалистам из регионов Сибири и Дальнего Востока дало бы возможность привлечь дополнительную информацию из местных архивохранилищ (особенно Томска, Тобольска, Иркутска и Владивостока) и тем самым расширить географию исследования отечественного консерватизма, введя в научный оборот еще не известные широкой публике факты деятельности региональных лидеров и проводников консервативной идеологии, местных правых организаций, газет и т.д.

Однако будем надеяться, что реализация подобных научных проектов на этом не заканчивается. «Впереди будут новые работы, которые, в свою очередь, будут призваны дополнить и развить то, что есть в энциклопедии», — говорит в своем интервью А.В.Репников, подводя итог проделанной работе [3].

Представляется, что в содружестве ученых разных регионов и научных школ, объединив имеющиеся интеллектуальные силы, работающие в сфере изучения российской социально-политической мысли, отечественная историческая наука окажется готовой к новым проектам и энциклопедиям, успешный пример которым уже подан изданием «Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века».

Литература

1. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в современной историографии: новые подходы и тенденции изучения // Отечественная история. 2005. № 6. С. 133–142.
2. Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 — середина 1870-х гг.). М., 2002.
3. Интервью А.В. Репникова [Электронный ресурс]: <http://pravkniga.ru/interviews.html?id=1423>

Г.Н.Ульянова*

Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М.: РОССПЭН, 2010. — 359 с.**

Книга профессора МГУ им. М.В.Ломоносова Наталии Вадимовны Козловой стала итогом многолетнего исследования низшей страты городского сообщества Москвы в период малоизученного в этом отношении XVIII в.

Изучение «отверженных» до сих пор редко попадает в поле зрения отечественных историков (хотя в западной историографии тема разрабатывается с 1970-х гг., и есть, например, статья американца Д.Кайзера о наибеднейших жителях российских городов в начале XVIII в., упоминаемая Н.В.Козловой в историографическом обзоре [1]). К тому есть несколько причин: малочисленность источников, хаотично «рассыпанных» по разным фондам архивов, отрывочность сведений, трудности работы с ревизскими материалами, неразработанность темы в историографии... В конечном счете это повышает трудоемкость работы, потому и берутся за решение подобных задач лишь историки с большим опытом и глубоким изначальным пониманием сути эпохи и сути проблемы. Автор справедливо отмечает: «Изучение московского нетрудоспособного населения XVIII в. сопряжено с немалыми трудностями по формированию источниковой базы. Однако при упорстве и настойчивости они вполне преодолимы» (с. 19).

Жизнь людей, которые «сами себе пропитания сыскать не могут», рассмотрена автором в связи с развитием общественного призрения в изучаемый период. При этом Н.В.Козлова права, когда говорит о том, что современная историография, продвинувшись в последнее двадцатилетие в изучении деяний благотворителей, пока что в мизерных дозах разрабатывала вопрос о людях, которые были «объектом благотворительности». Заслуженой является результативная попытка, по ее собственным словам, «изменения акцента в изучении нетрудоспособного люда, нуждавшегося в призрении и опеке» (с. 4).

Книга состоит из пяти глав.

В первой главе «Государственное регулирование и формы социального призрения городского населения России XVII—XVIII вв.» рассмотрены эволюция законодательства в отношении детей, стариков и инвалидов, попытки государства использовать опыт и возможности монастырского призрения для оптимизации помощи неимущим, положение казенных богаделен и призреваемых в них.

* Ульянова Галина Николаевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

** Проект 10-01-16125д.

На материалах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) показано, что причиной массового нищенства был «недород хлебов», что вынуждало деревенских жителей просить милостыню в больших городах. Но и попытки выжить за счет милостыни для сотен людей оказывались безуспешными, и московская полиция (к примеру, в период голода 1733–1735 гг.) подбирала на улицах сотни умерших «от гладу» (с. 53–55).

Важным представляется вывод автора о том, что частная благотворительность развивалась в течение всего XVIII в.: «Из 87 богаделен, существовавших в Москве в начале 1780-х гг., 22, или свыше 25%, были построены частными лицами. Вопреки закрепившемуся в литературе мнению можно говорить, что и до указа 1781 г., который, как считается, официально разрешил частную благотворительность, она никогда не запрещалась» (с. 61).

При рассмотрении монастырского призрения автор приводит агрегированные статистические данные о количестве призреваемых, их социальном статусе. Интересно разработан практически неизвестный сюжет о правительственной программе размещения отставных военных в так называемых инвалидных городах и на поселение в земледельческих районах Среднего Поволжья и черноземной зоны.

Третий ключевой вопрос первой главы — земское призрение — разработан Н.В.Козловой на основе тщательного исследования состава пациентов богаделен и их историй поселения там. Число мест было ограничено, и попасть в богадельню было непросто. Иногда создавались невероятные для современного восприятия комбинации. К примеру, на мирских сходах в число рекрутов могли избрать лиц совершенно обедневших, даже если в рекруты предназначался «единственный кормилец при дряхлом и немогущем отце или матери». По словам автора книги, «в таком случае призыв в армию, полностью меня судьбу самого рекрута, мог существенно влиять и на жизнь его семьи, обрекая одиноких родителей на богадельную старость» (с. 90).

Концептуализация проблемы привела Н.В.Козлову к значимым и можно сказать новаторским выводам о том, что социальное призрение дряхлых тяглов при рассмотрении в контексте налогообложения, играло важную роль в поддержании экономического баланса посадской общины (с. 92). Эти аргументы подкреплены статистическими данными об освобожденных от оклада лицах, полученными в результате кропотливой обработки окладных сказок 1766/1767 гг.

Название второй главы — «Кто и как искал и находил приют и пропитание в Москве» — говорит само за себя. В этой части монографии реконструирована процедура определения лиц, задержанных за нищенство или самостоятельно обратившихся за помощью, в монастыри и богадельни. В главе дан составленный главным образом на данных фондов РГАДА обобщенный социологический портрет московских нищих, включая их возрастные характеристики. Показано, что большинство нищих были вдовами солдат, не вернувшихся с Северной войны, и хождение их за милостыней на пропитание было вынужденным.

Разнообразные функции в области социального призрения выполняли монастыри. В главе скрупулезно разработан сюжет о составе вкладчиц

и келейниц московских монастырей в 1741–1791 гг. Полученные данные объединены в содержательные таблицы.

Следует отметить, что в главе также содержится уникальная массовая проопографическая информация об отставных воинских чинах, попавших в московские богадельни. Разработкой данного сюжета на материалах, впервые вводимых в научный оборот, автор вносит значимый вклад в изучение этой группы населения России.

Несомненно, интерес читателей привлечет глава третья, посвященная динамике численности богаделен в Москве и составу «богаделенных людей».

Прежде чем рассматривать статистику, относящуюся к XVIII в., Н.В.Козлова обращается к данным В.М.Бензина, опубликовавшего в 1907 г. работу о церковно-приходской благотворительности на Руси. Бензин показал, что уже во второй половине XVI–XVII вв. в городах центральной России и в вотчинах Троице-Сергиева монастыря имелось почти полторы тысячи нищенских келий и богаделенных заведений. Эти факты, встроенные в более широкий исторический контекст, позволяют Н.В.Козловой справедливо утверждать, что «зафиксированная в писцовых описаниях второй половины XVI в. картина, вопреки утвердившемуся в научной литературе убеждению, свидетельствует, что постановления Стоглавого и других соборов все же претворялись в жизнь», и «даже в отдаленных от столицы городах и с учетом общего хозяйственного разорения страны повсеместно существовали особые приюты, в которых обитал нищий люд» (с. 183).

В главе также представлены впервые собранные воедино обобщенные сведения о церковно-приходских богадельнях в Москве, извлеченные автором главным образом из такого ценного, но нечасто используемого историками источника, как «Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы», а также архивных фондов РГАДА. Так, в 1743 г. в Москве было 95 богаделен с 5271 призреваемым.

От обобщенных данных автор переходит на уровень микроисторического подхода и далее в главе показывает, как осуществлялось призрение в рамках прихода. Н.В.Козлова проделала кропотливейшую работу по выявлению количества призреваемых по данным сохранившихся в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) исповедных ведомостей московских храмов. Автору удалось реконструировать полную демографическую картину числа приходов, числа дворов, к ним приписанных, количества прихожан по четырем временным срезам (1741, 1751, 1771, 1791 гг.), а затем выделить категорию лиц, проживавших в богадельнях. В результате были «всею учтены сведения о 768 приходах», в которых выявлены 254 приходских богадельни с 5847 нищими (с. 199, 207). Далее автор рассматривает половозрастной, семейный и социальный состав пациентов приходских богаделен и монастырских богаделен, восстанавливает несколько любопытных семейных историй. Эта глава представляет собой шаг вперед в изучении социальной истории Москвы.

В главе четвертой представлены финансовые аспекты содержания призреваемых в приходских и монастырских богадельнях. Н.В.Козлова показала, что источники финансирования благотворительных заведений были разнообразными — от пожертвований прихожан, царской и патриаршей ежегодной милостыни до казенных денег и пособий из Приказов.

Дан тщательный анализ юридических оснований для финансирования «богоугодных» заведений и картина того, как происходило дальнейшее практическое воплощение провозглашенных в законодательстве принципов экономического поддержания богаделен и отдельных нуждавшихся (преимущественно солдатских вдов).

Подробно рассмотрен вопрос о финансировании призрения увечных и отставных воинов в монастырях — меры, введенной при Петре I и прекращенной по указу Екатерины II в 1764 г., после чего отставным воинам, лишенным средств к пропитанию, предлагался только переезд в «инвалидные города» с выплатой жалованья, соответствующего чину.

Н.В.Козлова анализирует в монографии разные экономические параметры обеспечения призреваемых, в частности, чрезвычайно интересен раздел о том, как выглядели богадельные строения, из какого материала были построены (с. 255–271). Почти до конца 1740-х гг. они возводились по типу деревянных крестьянских изб. Только в 1748 г. императрица Елизавета Петровна велела строить при храмах каменные богадельни вместо деревянных, и через 15 лет уже 70% московских богаделен размещались в каменных зданиях.

В этой же главе содержатся информативные сведения об укладе жизни лиц, призреваемых в монастырях и богадельнях, а также на поселениях в сибирских крепостях.

Завершающая пятая глава посвящена проблеме частного призрения и семейного попечения о бедных, дряхлых и убогих. Глава начинается с размышлений автора о видах благотворительной помощи, бытовавших в православной среде российского социума в изучаемый период: раздаче по завещаниям денег на церковное строительство, денежным раздачами нищим, передаче капиталов благотворительным заведениям, отпуске на волю дворовых людей после смерти хозяина, выкупе из тюрем должников, прощении долгов. На с. 302 приведена характерная цитата из завещания (1787 г.) московского купца Ильи Андреева сына Киселева: «На ком долги мои есть, ежели в бедность пришли, прощаю, и не взыскивать с них».

Благодаря исследованию Н.В.Козловой, наши представления о частной благотворительности теперь стали значительно шире. Наталия Вадимовна в содержательной таблице представила сведения о богадельнях, созданных на частные капиталы в Москве в XVIII в., о донорах этих заведений, о количестве содержавшихся там призреваемых (с. 310–312). Примечательно, что уже в этот период большинство жертвователей происходило из среды купцов и фабрикантов.

Значимым аспектом призрения, оказываемого бедным, автор книги признает милосердие частных лиц, когда богатые люди давали приют в своих городских усадьбах дряхлым, вдовам, малолетним сиротам, обеспечивая их кровом и пропитанием наряду со своими дворовыми людьми. Источником в этом случае вновь послужили материалы исповедных ведомостей из фондов ЦИАМ (с. 313–316).

В главе также дана информация о семейных правилах поддержки престарелых и инвалидов. Эти правила зиждились на признании материальных и моральных обязательств детей по отношению к родителям. Изучение этого

вопроса привело автора к закономерному выводу о том, что «вплоть до 70-х — 80-х гг. XVIII в. даже в столичном городе межличностные отношения и общинные связи в сфере социального призерения по-прежнему играли исключительную роль, а общественный быт горожан сохранял патриархальность отношений» (с. 324).

В заключение стоит отметить, что книга, благодаря многочисленным иллюстрациям, зачастую впервые воспроизводимым из раритетных изданий, содержит серьезный пласт визуальной информации, дополняющей текст. Среди иллюстраций мы видим даже портреты призреваемых, прежде неизвестные нашим современникам.

Необходимо отметить, что в новой монографии известного исследователя, каким является профессор Н.В.Козлова, наряду с глубокой аналитикой и статистическими выкладками, перед взором читателя проходят десятки судеб людей, оказавшихся вследствие разных обстоятельств на грани выживания, но не терявших надежду получить милосердное сочувствие и помощь своих сограждан. Книга, удовлетворяющая высоким критериям академического издания, написана увлекательно и с душой, и в этом видится залог ее несомненного успеха у читателей.

Литература

1. Kaiser D.H. The poor and disabled in early eighteenth-century Russian towns // Journal of social history. 1998. Vol. 32. № 1. P. 125–155.

*А.В.Бучин**

Задача особой государственной важности. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1945–1959 гг.): Сборник документов / Сост. В.И.Ивкин и Г.А.Сухина. М.: РОССПЭН, 2010. — 1207 с.**

Не будет преувеличением сказать, что рецензируемое издание уникально, в нем впервые с такой полнотой и последовательностью с помощью публикуемых документов воссоздан ход становления важнейшей компоненты ракетно-ядерного щита нашей страны. В сборник вошли документы из Архива Президента Российской Федерации (АП РФ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Российского государственного военного архива (РГВА), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Центрального архива Министерства обороны (ЦА МО РФ), Центрального архива Ракетных и Космических войск (ЦАРиКВ). Большинство документов ранее имели высшие грифы секретности и фактически были недоступными для широкого круга читателей.

Все документы (а их 336) расположены в хронологическом порядке по номерам, присвоенным составителями.

В сборник вошли постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, приказы и директивы Министра обороны, докладные записки, письма и отчеты по вопросам создания ракетного оружия, формирования первых ракетных частей. Этот документальный массив позволяет выделить основные направления деятельности государственных и партийных органов, военных деятелей по созданию новой отрасли оборонной промышленности — ракетостроения, организаций, отвечающих непосредственно за это направление военного строительства, проследить ход создания ракетных частей и органов управления этим процессом.

Огромный интерес представляют документы первых послевоенных лет. В тяжелейших условиях, сложившихся в стране после Великой Отечественной войны, Советское правительство находило необходимые силы, ресурсы и средства для создания этого нового оружия, требующего революционных прорывов в научных разработках, новейших технических решений, неизвестных до той поры технологий в таких сферах деятельности, о которых ранее никто не знал.

* Бучин Александр Викторович — ветеран Ракетных войск стратегического назначения, полковник в отставке, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

** Проект 09-01-16099д.

Вся эта деятельность требовала колоссальных финансовых и материальных затрат, создания и привлечения к работе научных институтов, заводов, конструкторских бюро. Создавались полигоны, формировались новые ракетные части и соединения, ставшие в последующем базой для развертывания Ракетных войск стратегического назначения (РВСН).

Длительное время в военных изданиях, освещающих историю создания ракетного оружия и РВСН, изложение этой проблемы начиналось с Постановления Совета Министров СССР № 1017-419 сс «Вопросы реактивного вооружения» от 13 мая 1946 г. Однако реально эта проблема уже находилась в зоне особого внимания советского руководства и ряд практических мер по ее решению был предпринят еще в мае 1945 г. Об этом свидетельствуют такие документы сборника, как Постановление Государственного комитета обороны СССР № 8897 сс от 31 мая 1945 г. о проведении работы по выявлению и вывозу заводского и лабораторного оборудования, чертежей и опытных образцов немецких реактивных снарядов, докладная записка А.И.Шахурина (Наркома авиапромышленности) Г.М.Маленкову от 8 июня 1945 г. о результатах обследования германского реактивного научно-исследовательского института в Пенемюнде, извлечения из показаний немецких военнопленных, работавших в военной промышленности в Германии, датированные августом 1945 г., докладная записка Л.П.Берии, Г.М.Маленкова, Н.А.Булганина, Б.Л.Ванникова, Д.Ф.Устинова, Н.Д.Яковлева И.В.Сталину об организации научно-исследовательских и опытных работ в области ракетного вооружения в СССР (17 апреля 1946 г.), извлечение из плана Специальной технической комиссии в Германии по изучению немецкой ракетной техники на 1946 г. И только после этого вышло Постановление Совета Министров СССР от 13 мая 1946 г.

Документы сборника позволяют оценить, насколько глубоко и конкретно было разработано это постановление, как детально Правительство определяло задачи министерствам, доходя до таких вопросов, как выделение пайков, автомобилей, иностранной валюты для закупки в США и других странах современного оборудования, приборов. Здесь же определены лица, отвечающие за подготовку кадров и другие направления деятельности.

О широте замыслов и перспектив в области ракетной техники свидетельствует докладная записка М.В.Хруничева И.В.Сталину о создании пилотируемой космической ракеты по предложениям М.К.Тихонравова и Н.Г.Чернышёва от 20 июня 1946 г.

Вопросы развития реактивного вооружения в Германии обстоятельно изложены в докладной записке Д.Ф.Устинова и других И.В.Сталину от 24 июля 1946 г.

Большой интерес для исследователей процесса проектирования, создания и испытания ракет представляют документы, освещающие то, как принимались решения по разработке ракет Р-2, Р-5, Р-11, Р-7, Р-9А, Р-14 и Р-16. Из них видно, как руководство страны, Вооруженных Сил информировалось по этим проблемам, в какие детали оно вникало, как все отслеживалось, какие коррективы вносились по ходу создания и отработки комплексов.

Приводимые в сборнике документы содержат объективные оценки достигнутого, из них видно, что поиск наиболее оптимальных вариантов велся целенаправленно, накапливались опыт и знания.

Документы сборника свидетельствуют о том, что те, кто пытается доказать, что без «немецкого следа» не было бы отечественных успехов в ракетостроении, мягко говоря, не совсем корректны. Да, все, что можно было взять из немецкого опыта, использовалось, но это мировая практика. Публикуемые документы говорят о том, что советским специалистам досталось очень мало, почти все основные материалы и техника ушли на Запад, прежде всего в США. Знакомясь с содержанием материалов данного издания, понимаешь, что наши ученые, конструкторы, рабочие, военные специалисты находились на рубеже новых прорывов и достижений в создании образцов ракетной техники, не имеющих аналогов в мире.

Очень важным и ценным представляется снабжение издания справочно-аналитическим аппаратом: аннотированным указателем имен, именовым указателем, общим перечнем документов. Все это помогает получить информацию, совершенно недоступную или требующую больших усилий по их отысканию в массе разрозненных источников.

Составители сборника продолжают работать, ведут поиск новых документов, готовят следующие тома. Хотелось бы пожелать им успехов в этом благородном и необходимом для Отечества деле.

Думается, что в ходе дальнейшей работы, следует уделить больше внимания научно-справочному аппарату. Неплохо было бы иметь тематический и предметный указатели, а в перечне документов указать страницы их публикации, что значительно облегчило бы работу специалистов и всех заинтересованных читателей.

Сборник бы выиграл от более развернутого предисловия, в котором важно показать логику появления документов, раскрыть их взаимосвязь, механизм принятия решений по тому или иному вопросу.

Чрезвычайно ценным является наличие хронологического указателя пусков ракет за 1947–1959 гг., в котором приведены сведения, начиная с испытаний ракет А-4, в таком систематизированном виде они прежде нигде не приводились в отечественной открытой печати. Работа была бы более полной, если бы в хронологический указатель пусков ракет были включены пуски ракет Р-1А, Р-1Б, Р-1В, Р-1Д, Р-1Е и Р-2А до августа 1958 г. Это пуски так называемых академических и биологических ракет, проведенных с целью подготовки полета человека в космос.

В заключение отметим, что авторы-составители проделали поистине титаническую работу и смогли завершить ее к началу Года российской космонавтики и 50-летию полета в космос Юрия Гагарина, осуществленного РВСН спустя полгода после своего создания.

Этот труд является примером для историков, всех тех, кто сегодня работает над историей создания ракетного оружия ПВО, РКО, ракет морского базирования и т.д. Все это очень необходимо не только для ученых, но и для граждан нашей страны, желающих глубже познать историю Отечества и его Вооруженных Сил.

А.А.Воронин*

Человек в интеллектуальном и духовном пространствах: Сборник статей / Отв. ред. М.С.Киселева. М.: Прогресс-Традиция, 2010. — 510 с.**

Сборник научных трудов был подготовлен к 90-летию профессора Владислава Жановича Келле, но вышел в свет уже после его кончины. Поэтому название книги воспринимается с дополнительным смыслом — речь идет не просто и не только о философской проблематике «сердца и ума» человека, а о персонифицированной теме — о трудах и личности одного из корифеев отечественной социальной философии. Авторы сборника — коллеги по работе в ИФ РАН,

ИИЕТ, РИК, РХТУ, других учебных заведениях и исследовательских учреждениях, рассказывая о выдающейся роли, которую сыграл в их жизни В.Ж.Келле, представили статьи, посвященные тем проблемным областям, которые были предметом исследований Владислава Жановича.

В сборник вошли 30 статей и полная библиография трудов ученого, несколько фотографий и документов из его личного архива. Специальный — заключительный — раздел «Человек и его время» посвящен жизнеописанию философа, а два первых раздела, «Философия в контексте культуры» и «Наука в контексте культуры», отведены для обсуждения теоретических вопросов.

Рецензировать биографический раздел можно только с одной точки зрения — насколько полно и удачно повествуют авторы статей о долголетней и сложной творческой жизни В.Ж.Келле. Удачно — да, подробно — да, разнообразно по жанрам — тоже да. Здесь и интервью (Ю.М.Резник), и биографические очерки (Г.Л.Белкина, С.Н.Корсаков, С.А.Кугель), и исторические справки о работе ученого в Китае (Ань Цинянь), в вузах (Р.М.Алейник), в академических институтах (В.Г.Буров) и журнале «Вопросы философии», и личные воспоминания (В.Л.Рабинович, М.А.Пронин). Насколько полно — трудно сказать, ведь полностью раскрыть личность любого человека — проблема неразрешимая, а такого незаурядного, одаренного, многогранного человека — тем более. Ясно, во всяком случае, что диапазон этой личности невероятно широк — внутренняя сила воина-победителя, деликатнейшая и тонкая душа, бесконечное трудолюбие и достоинство мудрого ученого, тонкий юмор и железные жизненные и научные принципы, — и при этом никакой рисовки, позы, высокомерия... В.Ж.Келле — выдающийся персонаж живой истории нашей философии, нашей культуры

* **Воронин Андрей Алексеевич** — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

** Проект 10-03-16085д.

и жизни академического сообщества, — об этом читатель, даже лично не встречавшийся с Владиславом Жановичем, получит наглядное и яркое впечатление.

Теоретические разделы вполне под стать творческому наследию ученого. Каждая из статей заслуживает основательного чтения и подробного разбора, поскольку в них заявлены своеобразные точки зрения и обоснованы фундаментальные концепции. Уверен, что по многим из статей сборника будут проходить плодотворные дискуссии.

Композиционный замысел книги — следовать за предметными областями, идеями и разработками, которые особенно волновали Владислава Жановича. Книга читается как живая дискуссия, в которой есть сквозные мотивы, есть и отступления от них, слышен хор, но в нем отчетливо звучат и отдельные голоса. Составителю сборника удалось так организовать материал, что и между текстами отдельных статей тоже есть переключки, и многие темы получают разностороннее освещение. Так, академик В.А.Лекторский ставит вопрос о том, как, каким образом приходит к нам будущее, и чем мы его встречаем. «Диалог цивилизаций» как модная тема давно вошел в лексикон политики и журналистики. Но что именно и насколько радикально подлежит сознательным или спонтанным изменениям в ходе этих диалогов? Над этим вопросом размышляет Ю.Д.Гранин, оценивая перспективы противостояния транскультурной идентичности и идентичностей этнокультурных и гражданских. Автор аргументирует тезис о том, что национальные культуры по-прежнему остаются мощным фактором мирового развития, а нивелирующий потенциал транснациональной и транскультурной идентичности невелик.

В.Г.Федотова включается в этот разговор уже на примере России. Как складывалась российская идентичность и как понимать пестроту мнений о сути «русской души»? Если отстаивать европейский или почвеннический ракурс интерпретации путей развития нашей страны, то «мы попадем в круг бесплодных дебатов, которые ведутся в России уже второе столетие» (с. 80). Автор обосновывает конструктивную позицию, которая заключается в поиске метода сценарного подхода к развитию страны. Рассматривая разные виды сценариев — сценарии-образы, сценарии-тренды, сценарии-идеологии и сценарии-проекты, автор отдает предпочтение именно последним — именно этот тип проекта позволит гармонично увязать модернизацию с национально-культурной идентичностью.

Таким образом, эта тема органична заявленной в статье самого В.Ж.Келле идее разграничения рационально интеллектуального и духовного компонентов культуры, и более того — она получает в результате обсуждения своего рода проективное решение. Еще одна композиционная находка составителя сборника, еще одна интеллектуальная интрига, разыгранная авторами статей.

Статьи О.К.Румянцева, А.Е.Разумова, П.Д.Тищенко и В.К.Кантора условно составляют еще один блок проблем. Речь в них идет о том самом «ядре» культуры, которое окружено мантией ценностей и прорывается наружу в вулканах социальных движений. Для О.К.Румянцева стержневая проблема — «складывающийся сейчас новый тип взаимоотношения двух ипостасей

субъективности человека, двух фундаментальных форм знания — конструирования и воспроизведения, универсальности и уникальности культуры» (с. 38). Европейская культура и универсальна, и уникальна, она конституирована философией — вот в чем корень ее отличия от индийской и китайской культуры: первая опирается на миф, вторая — на традицию. Но глобализация меняет привычные уклады: «Компрессия пространства и времени привела к встрече не зрелых и оформившихся культур, способных к диалогу, а к столкновению исторически сложившихся ментальностей с информационными технологиями...» (с. 55). Внутри европейской культуры зреет конфликт двух типов знания: конструирования и воспроизведения, связанных с разными способами построения картины мира, и восстановить их гармонию можно, лишь оживив традицию «приоритетности субъектности иного» (а значит, знания-воспроизведения) в субъективности человека» (с. 57).

Наверное, он прав — ведь именно воспроизведение, а точнее говоря — пронизательное и бережное чтение классической поэзии подвигло П.Д.Тищенко на интереснейшие обобщения. Сравнивая стихи Горация, Г.Р.Державина, А.С.Пушкина, Баратынского, В.В.Маяковского, автор выявляет скрытые смыслы их поэтических размышлений о роли поэта в истории и культуре. Тищенко называет эти смыслы антропологическими проектами — в них вписано понимание смысла творчества и смысла творческой жизни. «У Горация душа укоренена в Боге... У Державина — в роде... А у Пушкина — в лире... Метафору «лиры» уточняет Баратынский, заменяя это слово словом «бытие»...» (с. 120), имея в виду творческую мощь жизни, преодолевающую не только личную смертность творца, но и вводящую читателя в равноправный диалог с вечным, подлинным, прекрасным. «В чтении читающий сам обретает свое спасение, в нем пробуждается лира — то, что не умрет» (с. 124). В этом суть антропологического проекта, который автор «решился назвать “человек как интеллигент”» (с. 126).

А.Е.Разумов ставит вековечный вопрос о соотношении власти и закона, произвола и свободы в истории России. И тема не нова, и говорят об этом много, и не так легко найти в этом многоголосье верную ноту — но автор пишет с таким ярким, образным и мудрым состраданием, что статью хочется рекомендовать всем от мала до велика (во всех смыслах) для мобилизации гражданского чувства. Интересный феномен порождения произвола, или командного типа власти, — два полюса, гольгѣба, с одной стороны, и чиновный класс исполнителей команд, — реминисценция классового подхода. Автор иронизирует: именно в момент глубочайшего классового расслоения в России теорию классов подвергают остракизму. Не случайно — вместе с ней забыта и идея «радикального отделения персонального носителя власти от оков частной собственности». Замечательно заканчивается это эссе: «Если Россия и скатится в разряд третьестепенных государств — это еще не фатально, это еще можно поправить. Лишь бы Россия не стала страной третьеразрядных людей» (с. 115).

Эту тему подхватывает В.К.Кантор. Масштаб и мерило человеческой личности он обсуждает на примере шекспировского героя — разумеется, речь идет о Гамлете. Трактовка этого образа — вспомним еще раз слова Румян-

цева о воспроизведении как о стиле мышления — основана на логически и текстуально доказанной мысли: Гамлет — герой не бытовой, а метафизической драмы. Трагедия Шекспира предстает уже не как «трагедия положений», а как трагедия несоизмеримости реальности жизни в Датском королевстве, с одной стороны, и христианских и общечеловеческих ценностей — с другой. Датское королевство в данном случае — это, увы, любой эмпирический социум.

Неожиданное и очень любопытное продолжение находит тема «интеллектуальное vs духовное» в статье о современном русском языке — как о власти, открывающей самые различные возможности эволюции культуры, в том числе в «новый Вавилон» — это мысль Е.Г.Захарченко. Ну, и разумеется, воспроизводится это противоречивое единство в нравственной проблематике, поднимаемой самой природой социальной философии (Н.А.Минкина, М.М.Ковальзон). Первый раздел книги на этой ноте завершается, но не обрывается обсуждение заглавной темы сборника.

В двух статьях второго раздела разбираются многозначительные уроки — из нашей недавней истории — непростого «единства» идеологии и науки. Б.И.Пружинин пишет о попытке сотрудников сектора исторического материализма ИФ АН СССР, который возглавлял В.Ж.Келле, отслоить друг от друга идеологию и концептуальный каркас истмата, который мыслился как теория общества. Попытка оказалась настолько убедительной, что в ней немедленно была обнаружена крамола — «сегодня они выводят идеологию из теории, а завтра они ее и критиковать начнут!». Такова немудрящая фигура «мышления» власти — остается только удивляться, насколько примитивными и грубыми были методы управления такими деликатными субстанциями, как наука в целом и философия в частности.

Отголоски старых дискуссий звучат и сегодня. В.М.Межуев включается в спор между В.Ж.Келле и Л.К.Науменко по поводу соотношения идеологии и науки в контексте концепта «духовное производство». Идея духовного производства как раз была «произведена» или, точнее говоря, воспроизведена, в 60–70-е гг. внутри истмата и продолжает работать и в современных объяснительных конструкциях. Ее продуктивность — в возможностях, не покидая почвы философского материализма, формулировать теоретические модели всего многообразия духовной жизни людей. В том числе и тех, что прежде именовались формами общественного сознания — науки, морали, религии, права, искусства. В рамках этого концепта автор и констатирует принципиальное различие научного понятия и идеологической доктрины, или идеи.

Несколько статей, прямо связанных с работой В.Ж.Келле в ИИЕТ РАН, образуют еще одну группу. Открывает ее член-корреспондент РАН Б.Г.Юдин, подробно анализирующий самые современные тенденции в научном, экономическом и общественном развитии. Автор показывает, что рефлексивность науки, ее самоорганизация, разработка методов управления наукой, т.е. то, чему посвятил долгие годы исследовательского труда В.Ж.Келле, становятся одним из главных условий сближения науки и техники с человеком — его запросами, ценностными и нормативными системами. Автор,

и сам имеющий немалый опыт общения с «управленческим контуром», предупреждает об опасности непродуманных — и если говорить без обиняков — неграмотных реформ управления наукой. К этому разговору подключается Е.З.Мирская, описывающая экстенсивные и интенсифицированные методы организации науки. Многолетний опыт исследования науки приводит автора к довольно мрачным констатациям — знание об организации и управлении наукой не востребовано, управление глухо к ученым, а ученые разочаровались в управленцах. Выход — точнее, первые шаги, видятся автору в создании общей языковой платформы, на которой могли бы вступить в диалог те и другие.

Отмечу еще одну очередную находку составителя — следующие статьи как раз посвящены тому, что собой представляют и как складываются поля интеллектуальной коммуникации и как идет гуманитаризация инновационного процесса. При этом, как отмечает И.И.Ашмарин, речь должна идти не просто и не только о гуманитарной некомпетентности инноваторов, а о новой диспозиции, которая создает проблемы гуманитарно продвинутым субъектам. Дело в том, что очень быстро меняются конфигурация и движущие силы инновационного движения, и вчерашние представления о конкуренции, например, как о двигателе инноваций, сегодня уже неадекватны. «Сегодня в конкуренции начинают выигрывать не более мощные и более дорогие средства производства, а более инновационные идеи» (с. 315). Усложняет ориентацию в инновационных сдвигах новый — префигуративный — тип культуры, в котором молодежь оказывается более сведущей, чем старшее поколение, традиционно обладающее большим потенциалом гуманитарного знания.

Более пристальный взгляд на творческий компонент инновационной деятельности, с точки зрения психологии творчества, позволяет Г.Б.Степановой наметить эмпирически изученные пути повышения креативности инновационных организаций. Таким образом, закольцован еще один круг научного наследия В.Ж. Келле. Закольцован, но не исчерпан, поскольку, как отмечают почти все авторы сборника, философ всегда был открывателем новых пространств, предпринимал пионерские вылазки в станы неведомого, и дальнейшая разработка проблематики — в данном случае науковедения — шла уже с его подачи.

Во втором разделе сборника публикуются еще две статьи, обозначающие интерес к опорным проблемам науки, но занимающие особое место. Это исторический экскурс Т.В.Чумаковой в изучение истории Академии наук в России, и статья М.С.Киселевой о статусе научного факта в истории и филологии. На ней следует остановиться особо. М.С.Киселева ставит ключевой для гуманитарного знания вопрос: возможно ли здесь аподиктическое знание, как удостоверить факт науки, какие разработаны методологические средства для придания гуманитарному знанию статуса науки. Вспомним, что именно с размежевания науки и идеологии начались все коллизии и в жизни В.Ж.Келле, и в дискуссиях тех лет, всегда чреватых «оргвыводами».

Подводя итоги, хотелось бы настоятельно порекомендовать эту книгу для внимательного чтения самым разным читателям — ученым, интеллигентам,

студентам, — словом, всем, кроме одиозных идеологов, сразу же обнаруживающих в книге крамольные мысли об изменении не только конституционного строя, не только конфигурации властных отношений в стране, но и страшно подумать — вообще механизмов воспроизводства целостной общественно-экономической и культурной жизни. Но сегодня нет уже таких строгих и «ответственных» деятелей, никто уже не создает репутации книгам посредством их запретов, а их авторам — посредством гонений. И немалая заслуга в этом — Владислава Жановича Келле.

*И.В.Кульганек**

Зорин А.В. У истоков тибетской поэзии. Буддийские гимны в тибетской литературе VIII–XIV вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 384 с. — (Серия «Orientalia»)**

Гимны занимают в тибетской литературе особое место. Они являются одним из основных видов буддийской поэзии. Будучи заимствованы из Индии, они вошли в тибетский буддийский канон и стали своеобразным камертоном для последующих авторов, прославлявших в своих произведениях основателя буддизма — Будду Шакьямуни, буддийских учителей, многочисленных божеств и бодхисаттв.

Этот тип тибетской поэзии VIII–XIV вв. практически не подвергался глубокому филологическому анализу. А.В.Зорин впервые предпринял жанровое исследование буддийских гимнов. Работа выполнена на солидном источниковедческом материале, основой которого стали 582 тибетских гимна из Тибетского рукописного фонда Института восточных рукописей РАН. Все они являются переводами с санскрита, выполненными в VIII–XIV вв., когда шло активное внедрение буддизма в Тибет и вместе с ним — освоение буддийской литературы, в которой гимны играли существенную роль. Большая заслуга в том, что гимническая поэзия прочно вошла в тибетскую литературу, принадлежит в первую очередь выдающимся иерархам сакьяской школы — Сакья-пандите (1182–1251) и Пакпа-ламе (1235–1280), которые оставили после себя значительное число образцов этого жанра поэзии, точно соответствующих канонам санскритской буддийской литературы.

Автор основательно исследует историю изучения буддийских гимнов. Отдельная глава посвящена анализу буддийских гимнов в индийской и тибетской литературе. Самостоятельной частью является изучение гимнов тибетского буддийского канона.

Как и многие направления востоковедения, тибетология наиболее интенсивно начала развиваться с середины XIX в., и гимнология сразу стала одной из результативных областей науки, чему послужили исследования ученых не только России, но во многом — Франции, Великобритании, Германии, некоторых других стран. Несомненно, самоизоляция Тибета наложила отпечаток на методы и методологию исследования тибетской культуры, литературы и собственно буддийских гимнов. Ученые использовали не только сочинения

* **Кульганек Ирина Владимировна** — доктор филологических наук, старший научный сотрудник Отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН.

** Проект 09-04-16167д.

на тибетском языке, но и издания на санскрите, всевозможные транскрипции и переводы.

Один из разделов монографии А.В.Зорин посвящает месту гимнов в мировой литературе. Он дает краткую характеристику древнейшим ближневосточным, древнеиранским и ведийским гимнам и подчеркивает огромное влияние культурной экспансии буддизма на развитие гимнографии в странах Дальнего Востока и Центральной Азии, прежде всего Тибета и Монголии. В Китае буддийские гимны, заимствованные из Индии, не претерпели больших изменений, так как там еще до распространения буддизма существовали произведения, подобные им по форме. Такая же картина наблюдалась и в Монголии: монгольский поэтический фольклор изобилует восхвалениями, произносимыми в честь различных объектов природы и воспевающими главных героев эпоса. Буддийские гимны проникли в Монголию в XVII в. одновременно с бурным распространением в ней новой религии, прочно утвердившейся на месте существовавшего там шаманизма.

Говоря об индийской гимнографии, автор достаточно подробно останавливается на структуре этого жанра. Сравнивая буддийские гимны с ведийскими, в композиции которых специалисты выделяют две части — аппеллятивную и экспликативную, он указывает на то, что в буддийских гимнах первая из них обычно прямо не представлена. В то же время автор отмечает, что описание действий Будды или буддийских божеств само по себе является «призывом к их продолжению и неослабному осуществлению» (с. 23). Другая черта индийской гимнографии состоит в обилии имен и эпитетов того или иного божества. Авторы гимнов стремились «максимально полно охватить достоинства богов» и щедро наделяли их большим числом самых характерных для них качеств, считает А.В.Зорин (с. 24).

Говоря об этапах развития буддийской гимнографии, исследователь замечает, что с полным основанием можно говорить о лирико-философском направлении в буддийской гимнографии как о наиболее раннем в типологическом плане по сравнению с тантрическими текстами.

Среди авторов буддийских гимнов — многие знаменитости Древней Индии. Так, Нагарджуна приписываются 23 текста. За ним следуют Чандрагомин (14 текстов), Вараручи (12), Матричета (9), Атиша или Дипанкарашриджняна (9), Ванаратна (5), Ратнаваджра (5), Харшадева (3), Майтрипада (3), Акшобхьяваджра (3), Дигнага (3). Творчество одного из самых выдающихся буддийских поэтов, Матричеты, А.В.Зорин называет знаковым рубежом в развитии буддийской гимнографии. Большое число гимнов находится в сутрах Махаяны, таких как «Ратнакута», «Аватамсака», «Лалитавистара», «Лотосовая сутра», «Сутра золотого блеска». Одной из особенностей включения гимнов в сутры является последовательное присоединение нескольких гимновых фрагментов, которые словно бы образуют ожерелье гимнов.

К настоящему времени многие индийские гимны, изначально написанные на санскрите, известны лишь по переводам на тибетский язык. Переводческая деятельность тибетских ученых делится на два этапа, соответственно периодам распространения буддизма в Тибете («раннему», с VII по IX в., и «позднему», начиная с XI в.). Наибольшая часть гимновых произведений

была переведена на тибетский язык в период позднего распространения буддизма в Тибете. В целом, как считает автор, процессы, происходившие в Тибете при принятии буддизма, аналогичны тем, что протекали в Древней Руси при принятии христианства из Византии. «Внедрение религии сопровождалось созданием письменности и зарождением литературы на базе переводов с языка народа-просветителя. Причем, что немаловажно, одними из главных компонентов переносимой литературной традиции были гимны (в случае с христианством — Псалтырь, а также собственно греческие каноны и акафисты)» (с. 34).

А.В.Зорин предлагает подробный анализ гимнов тибетского канона, состоящего из двух частей: «Кагьюра» и «Тэнгьюра». Он суммирует сведения об авторах, переводчиках, редакторах и объеме гимнов. Исследователь насчитывает более сотни имен авторов гимнов. Имена редакторов и переводчиков не всегда указываются в колофонах, зачастую перевод выполнялся коллегиально — как правило, двумя лицами. Всего упоминается около 130 имен: чаще остальных фигурируют Атиша, Цултим Гьелва, Ринчен-сангпо, Гьичжанг Укар, Ванаратна. По своему объему гимны разнятся довольно сильно: самый длинный состоит из 106 строф, самый короткий насчитывает семь стихов.

Рассматривая вопрос о классификации гимнов по формальному признаку, автор отмечает большие стилистические различия в данном жанре и предлагает деление текстов по тематическому принципу. В разделе «Гимнов Будде» он выделяет апологетические гимны и гимны, посвященные жизни Будды Шакьямуни (гимны прошлым рождениям Будды, гимны основным деяниям Будды, гимны восьми великим ступам), гимны достоинствам Будды, гимны трем Сокровищам, разное (3 гимна-монолога). Второй раздел состоит из «Гимнов истинной сущности или философских гимнов». Третий — из «Гимнов различным Буддам» (гимны группам Будд, гимны отдельным Буддам). В четвертый раздел входят гимны тантрическим божествам (Калачакре, божествам из цикла тантр Чакрасамвары, божествам из цикла тантр Хераваджры, Таре, Махакале и Шри-Девы, Гухьясамадже, Кришне-Ямари и Ваджрабхайраве, Манджушри, Авалокитешваре, божествам из цикла Ваджрапани; божествам, дарующим мирские блага: Джамбале, Ганапати, Васудхаре; второстепенным тантрическим божествам).

Отдельно автор отмечает наличие гимнов буддийским учителям и гимны буддийским текстам и наукам. Тексты представляют собой достаточно разнородный материал. В один жанр их объединяют композиция, отнесенность к культовой функции и некоторые речевые штампы.

А.В.Зорин подробно анализирует структуру гимнов, в которой он выделяет вступительные стихи, основную часть и заключение. Схему, состоящую из описания внешней характеристики божества, с последующей концентрацией на его функциях, автор относит к наиболее распространенной, а подобные фрагменты в гимнах — к структурообразующим. Формула «посвящение заслуг», которая считается универсалией, свойственной всем жанрам буддийской литературы махаяны, обязательно присутствует в каждом гимне. Исследователь делает серьезный вывод о том, что «посвящение заслуг» можно рассматривать в определенном смысле как просьбу, и, возможно, «эта формула является аналогом апеллятивной части древних гимнов» (с. 48).

Говоря о стиле, А.В.Зорин обращает внимание на использование отдельных слов, которые, по его мнению, являются маркерами жанра. Употребление различных эпитетов и наименований божеств он также относит к важнейшим компонентам стилистики гимнов. Анализ поэтических украшений буддийских гимнов позволяет автору сделать вывод, что «арсенал их достаточно велик» (с. 60). Интересны наблюдения автора над особенностями стихосложения народной тибетской поэзии и переводных буддийских гимнов. Исследователь справедливо соглашается с мнением Л.С.Савицкого, полагавшего, что переводчики, используя для перевода буддийских гимнов выработанные ими стихотворные размеры, «таким образом стремились отграничить буддийскую поэзию от народной» (с. 66).

Не вызывает сомнения также один из основных выводов работы, касающийся функций произведений гимнового жанра, которые правильнее всего рассматривать в их синтетическом единстве. Суть вознесения гимна состоит не только в благочестивом действии, сулящем лицу, его совершающему, различные блага в будущем. Гимн — «это способ концентрации ума на объекте сосредоточения» (с. 70).

Описание гимнов согласно предложенной ранее классификации составляет третью главу. Особое внимание уделено гимнам, являющимся самостоятельными произведениями, не входящими в состав других сочинений.

А.В.Зорин вводит в научный оборот 12 буддийских гимнов, каждый из которых представлен санскритским текстом, тибетским переводом, русским научным переводом, русским поэтическим переводом. Они находятся в Приложении № 1. Среди них имеются все основные типы данного жанра, такие как «Гимн Превосходящему богам» Шанкарасвамина, «Гимн укротившему Мару» Шри-Харшадевы, «Гимн ступам в восьми святых местах», «Гимн-поклонение» и «Вызволнение из ада» Нагарджуны, «Гимн достойному восхваления» и «Приносящий счастье гимн трем Сокровищам» Матричеты, «Гимн Праджняпарамите» Рахулабхадры, «Гимн семи татхагатам» неизвестного автора, «Гимн Святой Богине Таре» Чандрагомина, «Гимн Шестирукому Защитнику» Шри-Шаварипады, «Гимн Ванаратне» Адити.

В Приложении № 2 помещен аннотированный список гимнов, содержащихся в тибетском каноне, по сути это сводный каталог. Он содержит сведения об источнике текста, т.е. его нахождении в четырех изданиях «Кагьюра» и в трех — «Тэнгьюра». В приложение вошла информация о 422 текстах, являющихся гимнами или содержащих гимновые фрагменты. А.В.Зорин указывает имена авторов и переводчиков, научную литературу, посвященную гимнам, комментарии к текстам, имеющиеся в изданиях гимнов. Отдельное место уделяется поэтическому размеру и описанию структуры гимна.

В первую часть каталога, в которую вошли 284 наименования, автор включил самостоятельные произведения, названные им «отдельные тексты», во вторую, обозначенную как «гимны и гимновые фрагменты внутри других сочинений», включены 139 сочинений.

Чрезвычайно полезна работа, проделанная исследователем, по выявлению гимнов, входящих в различные буддийские сочинения. По жанровым признакам были опознаны гимны в многочисленных сутрах и тантрах. Большинство гимнов, вошедших в эти сочинения, посвящены Будде Шакьямуни.

Важным для российской тибетологии является Приложение № 3, в котором автор поднимает проблему записи тибетских слов русскими буквами. Отмечая, что в настоящее время в изучении Тибета происходят значительные изменения и оно все больше начинает основываться на непосредственных контактах с самими тибетцами и тибетскими религиозными учителями, он полагает, что старая монголизированная транскрипция тибетских слов, использовавшаяся ранее, должна быть пересмотрена. А.В.Зорин предлагает принципы написания тибетских слов, основанные на произносительных нормах лхасского и усредненного индийского диалектов тибетского языка.

Важен также справочный материал, которым снабжена монография, — это «Индекс имен Будд, буддийских и индуистских божеств и учителей, демонических существ, космографических названий, действующих лиц буддийских сутр и т.д.» и «Индекс авторов, переводчиков и редакторов гимнов и сочинений, содержащих гимны и гимновые фрагменты, из тибетского буддийского канона».

Анализ, которому автор подверг большое число тибетских гимнов, проведенное текстологическое сравнение с санскритскими оригиналами дают исследователю право утверждать, что «тибетская гимнография, черпая вдохновение из индийских образцов, практически не менялась с течением времени. Гимны современного периода мало отличаются от древних переводов с санскрита» (с. 180).

Монография А.В.Зорина представляет собой фундаментальный труд, выполненный на высоком научно-теоретическом уровне и является крупным успехом отечественной тибетологии. Она, несомненно, полезна для поэтологов-литературоведов, востоковедов и шире — всех филологов, изучающих историю мировой литературы и литературных процессов всех регионов и народов Земли.

*Е.А.Папкива**

Московская Д.С. «Н.П.Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг.: К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения».
М.: ИМЛИ РАН, 2010. — 432 с.**

Целями масштабной работы Д.С.Московской стали введение в научный оборот текста диссертации ученого, рассмотрение основных идей и понятий его методологии и применение их к изучению русской литературы 1920–1930-х гг. на различных ее этапах. Разработанный в 1920–1940-е гг. локально-исторический

метод Н.П.Анциферова, без сомнения, имеет большое значение для современной филологической науки, открывая новые пути ее развития. Поставленный ученым-краеведом вопрос о последствиях, которые ожидают общество, попытавшееся отменить историческую духовную «надстройку» местностей, разрушившее вещественные формы ее существования, однако оставшееся заложником исторического природного своеобразия и географического положения своей Родины, не услышанный при жизни Анциферова, сейчас становится действительно одним из главных. Не случайно краеведение, местнография с периферии научных интересов все более выходят на первый план, привлекая к себе внимание ученых Российской академии наук.

Весомым вкладом в эту деятельность является исследование Д.С.Московской. Ему предшествовала продолжавшаяся несколько лет серьезная работа автора по выявлению новых архивных документов, относящихся к биографии Николая Павловича Анциферова, ранее неизвестных материалов по истории взаимосвязей общественного движения краеведения и литературного процесса 1920–1930-х гг. из фондов различных общественных организаций и учреждений. Результатом стало научное исследование, автор которого предстает не только филологом, но одновременно историком, социологом, краеведом и биографом. Описывая связи художественной литературы первых советских десятилетий и краеведения, определяя особенности поэтики литературно-художественной местнографии времени, Д.С.Московская решает ряд конкретных задач, перспективных для развития отечественной филологии.

Используя дневник Анциферова «Думы и дни», воспоминания ученого, а также его учеников и друзей, комментируя историю публикации первой книги «Душа Петербурга» и появившиеся на нее отклики, анализируя научные споры, раскрывая на широком фактологическом материале разные

* Папкива Елена Алексеевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН.

** Проект 10-04-16127д.

этапы трагической биографии Николая Павловича, исследовательница создает яркий образ «необыкновенно благородного, исполненного внутреннего света и детской простоты человека» (с. 86), которого ни политическая борьба 1920-х гг., ни аресты и ссылки, ни война не смогли оторвать от дела его жизни. Учителю Н.П.Анциферова, профессору Петербургского университета И.М.Гревсу принадлежит «удивительное определение краеведа»: «Это подвижники: в старину спасали душу в монастырях, а теперь поддерживают живую душу краеведением» (с. 44). Борьба с национальными ценностями в период нэпа, перешедшая в 1927 г., после знаменитой статьи Н.Бухарина «Злые заметки», в травлю «шовинистического направления» в духовной жизни Советской России, деятельность Коммунистической академии в конце 1920-х — 1930-е гг. были направлены на уничтожение краеведения, выросшего в это время до «родиноведения». В резолюции III Всероссийской конференции по краеведению, прошедшей в декабре 1927 г., была четко определена его новая и основная задача — «обслуживать социалистическое строительство». Подвижническая работа Н.П.Анциферова, показанная Д.С.Московской в первой части книги, была направлена на воскрешение его подлинной задачи — хранение «камней культуры» Родины.

Генезису и основным положениям локально-исторического метода, разработанного Н.П.Анциферовым, посвящены 3–5 главы части I монографии. В главе «Наследие петербургской исторической школы» автор показала, как Анциферов, используя научные разработки А.Лаппо-Данилевского и И.Гревса, обогащал их открытия своими. В монографии рассмотрены и проанализированы понятия, впервые введенные Анциферовым в литературоведение: «беллетристы-краеведы», «локальное чутье», «легенда местности», «внутренняя действительность предания», «власть местности», «власть идей» и др. «Они были вызваны к жизни, — как указывает автор монографии, — политическими обстоятельствами России 1920-х гг., когда революционные потрясения обнажили “морфологию” традиционного языка отечественной художественной литературы как языка живой социологии». Называя метод исследования литературного произведения, разработанный Анциферовым, «социологическим», Д.С.Московская обосновывает его отличие от утвердившейся в пореволюционные годы в России марксистской социологии: «Социологические наблюдения Анциферова строились на скрупулезном изучении авторской индивидуальности и научной готовности принять открывающиеся факты, даже если они не соответствуют интеллектуальным привычкам и предпочтениям созерцателя» (с. 98). При исследовании художественного хронотопа ученый использовал локальный, или краеведческий, подход, выявляя неразрывную связь художественной реальности с внетекстовой социальной действительностью, к которой обращен хронотоп литературного произведения и с которой он находится в «эмоционально-напряженном диалоге».

Раскрывая основные положения исследования Анциферова, Д.С.Московская формулирует и их несовпадения с выводами М.М.Бахтина, также посвященными художественной образности: «...осмысление социальной реальности остается у Бахтина все же в рамках философско-эстетической, культурологической проблематики, тогда как локально-исторический метод

Анциферова возвращает исследователя непосредственно к не книжному первоисточнику впечатлений» (с. 10).

Отдельная глава монографии посвящена «легенде местности» — композиционному и смысловому центру графоведческих работ ученого. Это понятие, заимствованное им из археологических наук, раскрыто Анциферовым только в эссе «Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность», над которым он работал с 1918 по 1942 г. Как пишет Д.С.Московская, «“легенда”, в словоупотреблении Анциферова, — это комплекс материальных, архитектурно-монументальных и природно-ландшафтных примет и доминант, которые сообщают о причинах возникновения поселения, о политико-экономической и духовно-культурной его функциях» (с. 104). Легенда зарождается в неповторимом природно-географическом окружении и как бы материализует «душу» (идею, замысел, общественную миссию) поселения. «Порой она вносила в историю факт, не имевший места во внешней действительности. Но от этого она не теряла исторической истинности, так как обладала чем-то большим — исторической действенностью» (Там же).

Одновременно с понятием «легенда местности» Н.П.Анциферов вводит понятие «внутренней действительности», т.е. «тех событий, которые восприняты сознанием человеческих обществ, уверовавших в них», и которые «в этом сознании обрели свое бытие и стали фактами, повлиявшими так или иначе на ход истории» [2]. Наиболее развернуто понятие «легенда местности» было представлено Н.П.Анциферовым на примере Петербурга. Глава 16 его диссертации посвящена связи «легенды» («души») Петербурга с понятием Золотого века на Земле — утопического рая. В этой, как нам представляется, самой яркой и загадочной части своей исследовательской работы, рассматривая понимание Ф.М.Достоевским исторического пути своего народа, Н.П.Анциферов обосновывает провидческий для России вывод: «Вот один из аспектов образа “Золотого века” на земле. Это нахождение гармонического сочетания всех народов, при котором дух человеческий обретет свою *полноту*. В “Братьях Карамазовых” старец Зосима предвидит конец человеческому уединению, которое в “большом городе” капиталистической эпохи достигло своей кульминации. Петербург Достоевского — это, в конечном итоге, не Inferno, а тот Purgatorio, через который лежит очистительный путь страданий в Paradizo Золотого века» [3].

Идеи Анциферова со всей полнотой были выказаны им в диссертации «Проблемы урбанизма в русской художественной литературе», которая была представлена в 1944 г. на защиту в Ученый совет ИМЛИ АН СССР. Глава 5 монографии Д.С.Московской, написанная по материалам стенограммы защиты диссертации Анциферова, подтверждает, что в целом открытия его не нашли тогда ни понимания, ни продолжателей.

Вторая и третья части книги посвящены отечественной литературе 1920–1930-х гг. Здесь Д.С.Московская выявляет в художественной пореволюционной литературе мотивно-образный комплекс, восходящий к проблематике краеведческих публикаций, и общность приемов идиографической (индивидуализирующей) обработки социальной действительности в художественной местнографии целого ряда известных произведений. Анализ политики эпохи «культурничества»: декретов и кодексов новой власти, решений

съездов РКП(б), статей и высказываний главных идеологов страны — В.Ленина, Л.Троцкого, Н.Бухарина, проводимой в Советской России политики районирования, которое было нацелено на изменение «биографии поселения», его исторического предназначения, «души», и отражение этой политики в творчестве писателей-краеведов позволяет исследовательнице выявить разнонаправленные векторы времени. С одной стороны — борьба с исторической памятью народа во имя социалистического строительства. С другой — создание «краеведческой беллетристики», направленной на ее сохранение. Образы местности в творчестве С.Есенина, А.Платонова, Л.Добychина, К.Вагинова, как отмечает автор монографии, в эпоху «геологических сдвигов» не вписываются во вторичную роль «фона» и обладают в художественном произведении сюжетобразующей мощью, становясь своего рода «действующими лицами». Это «родная земля», «дом», «детская родина» и другие образы-символы, в создании которых неразрывно соединились родословие и биография автора с судьбой конкретной земли.

Большое внимание в монографии уделено новым урбаническим хронотопам, главным образом — хронотопу преемника Петербурга — Ленинграда, которые рассмотрены на примере романа К.Вагинова «Козлиная песнь», книги стихов Н.Заболоцкого «Столбцы» и других произведений. Н.П.Анциферов был убежден, что новое слово о Петербурге неизбежно попадет в традицию его восприятия и художественного изображения уже в силу природно-климатических, географических и других особенностей города. Впервые приехавший в Петербург в августе 1921 г. Н.Заболоцкий увидел умирающий город. Став жителем Петрограда—Ленинграда, поэт стремился постичь двухвековую традицию его художественного изображения и дать собственное его видение, заложив новую традицию теперь уже ленинградского урбанизма.

Д.С.Московская обращает внимание на гротескно сниженные Заболоцким в «Столбцах» традиционные петербургские темы и образы, например пушкинских «белых ночей», блоковского образа города-корабля и др. В новую эпоху, отвечая на вопрос о причинах искажения высокого замысла Петербурга, Заболоцкий выявляет новое духовно-нравственное содержание города. Поэт направляет взгляд своего читателя на не замеченную русскими писателями, поглощенными созерцанием демона Петербурга — Медного всадника — фигуру Ангела Александрийского столпа. Указывающий земле на небеса Ангел Дворцовой площади в художественном замысле поэта эпохи социалистической реконструкции, когда Петрополь превратился в «курятник радости», воскрешает в памяти читателей народную мечту о Доме-городе, земные законы которого поверялись бы вечным Божиим Законом.

Методология Анциферова, как отмечает Д.С.Московская, требует выезда историка литературы на местность, где развивается действие изучаемого художественного произведения, и сравнения увиденного с хронотопом, созданным писателем. Именно такой исследовательский опыт был проведен автором монографии и описан в главе «Молчанья грозный сон...», посвященной «истории фабрик и заводов» в заводских сюжетах А.Платонова. Д.С.Московская на практике изучила реальное положение на карте Ленинградского металлического завода, где происходят события, воссозданные писателем, его

соотношение с природно-ландшафтными особенностями и архитектурными доминантами окружающей местности. По архивным документам были реконструированы исторические изменения облика заводских и окружающих завод строений. Особое внимание исследователь уделила особенностям природной среды в то предположительное время года и суток, когда завод впервые посетил А.Платонов и когда разворачивались события его производственных сюжетов. При исследовании конкретных локусов, упомянутых Платоновым, учитывались архивные данные и сведения местной и центральной печати о социально-политических событиях в городе и стране, хроника центральной и местной литературной жизни. Таким образом был восстановлен общий социально-психологический фон времени и местности, где проживал автор и действовали его герои. Кроме того, Д.С.Московская учла обстоятельства личной и литературной биографии Платонова в период работы над производственными сюжетами. В результате был воссоздан весьма сложный, но устроенный согласно указанной Анциферовым иерархии значимости элементов «ближнего» и «дальнего» контекста комплекс впечатлений, ставших источником сюжетов, образов, тем и содержаний заводских пьес и сценариев писателя. Благодаря знанию конкретной местности исследователь определяет историческое прошлое локусов художественного текста — реальный дворец-дача Дурново, архитектурный шедевр XVIII в., ставший после революции клубом, с дивным садом вокруг него. В платоновской местнографии невидимый глазу «райский сад» представлял собой идиллический хронотоп производственной пьесы, акцентирующий, как пишет Д.С.Московская, «мысль семейную, воспетую Платоновым и расширенную им до мысли народной, — о народе-семье, не нашедшем себе Дома на Родине революции» (с. 340).

Это лишь небольшая часть примеров использования Д.С.Московской локально-исторического метода Н.П.Анциферова. Так же развернуто и убедительно автор монографии проанализировала не только отдельные произведения писателей-краеведов 1920–1930-х гг., но и масштабные проекты этого времени. Так, в главе 3 исследован социально-исторический проект А.М.Горького «История городов» первой половины 1930-х гг. В рамках этого проекта Н.П.Анциферов совместно с ярославским ученым-краеведом А.А.Золотаревым работал над книгой о Ярославле. Д.С.Московская, изучив сохранившиеся в архивах материалы этой неопубликованной книги, главный герой которой — «человек местный», обосновывает неизбежные причины закрытия проекта: «монография о Ярославле ставила вопрос об исторических судьбах города, лишившегося в эпоху реконструкции своего своеобразия под давлением новых политэкономических отношений в стране» (с. 392). Добавим, что художественным подтверждением мысли Д.С.Московской мог бы стать не опубликованный при жизни роман «Кремль» начала 1930-х гг. еще одного из участников проекта — писателя Вс.Иванова.

«Филология прошлого и будущего» — это знаковое заглавие предисловия Н.В.Корниенко к опубликованной в 2009 г. диссертации Н.П.Анциферова подчеркивает непреходящую актуальность и ценность метода ученого для истории и текстологии русской литературы: «Уже первые опыты комментирования литературных памятников XX в., предложенные в последние десятилетия, подтверждают правоту установок Анциферова: самые сюрреали-

стические и фантастические образы черпались писателями из глубинных недр быта современной им жизни, “подслушаны” в легендах описываемой местности, былях и преданиях русской жизни» [3, с. 11].

Без сомнения, монография Д.С.Московской, в которой исследован, описан и впервые применен для анализа художественного произведения метод Н.П.Анциферова, во многом определит перспективные направления будущих коллективных научных усилий.

Литература

1. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Пг., 1922. С. 9.
2. Анциферов Н.П. Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2003(6). М.: Модест Колеров, 2004. С. 147.
3. Анциферов Н.П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе: Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций. М., 2009. С. 461.

*М.С.Токарева**

Шестаков В.П. История английского искусства. От Средних веков до наших дней. М.: Галарт, 2010. — 476 с.: ил.**

Долгое время в мировой истории искусства господствовала точка зрения о том, что история английского искусства лишена целостности, мало оригинальна и по своей художественной ценности уступает искусству своих европейских соседей, таких как Голландия, Франция, Германия. Только с начала XX в. эта точка зрения начинает уступать более объективному взгляду. Появляются первые коллекции английского искусства (например, коллекция американского магната Пола Меллона, которая сегодня превратилась в Фонд по изучению английского искусства), пишутся обзоры истории английского искусства.

В России интерес к английскому искусству впервые проявили художники круга журнала «Мир искусства». В последующем стали появляться значительные работы об отдельных английских художниках, например исследования Е.А.Некрасовой о творчестве Блейка, Гейнсборо, Тёрнера, Уистлера. Другие исследования давали более обобщенную информацию, в рамках которой были обозначены общие закономерности развития английского искусства, как, например, в очерке Б.Р.Виппера «Английское искусство: краткий исторический очерк» (М., 1945). Отдельные издания были приурочены к выставкам, проходившим в нашей стране, либо состояли из очерков, как одна из недавно изданных книг талантливого историка искусства, недавно эмигрировавшего в Великобританию, И.Голомштока «Английское искусство от Ганса Гольбейна до Дэмиена Хёрста» (М., 2008).

Актуальность книги В.П.Шестакова заключается в том, что в ней впервые английское изобразительное искусство рассматривается как целостный процесс, отражающий ментальность нации, рост национального самосознания, особенности национального характера, того, что принято обозначать термином «Englishness». В «Предисловии» справедливо заявлено, что в книге «предпринимается попытка исследовать “Englishness” в английском искусстве, выявить то особенное, что отличает английское искусство от других национальных художественных школ». Таким образом, автор не ограничивает себя общепринятыми в искусствоведческой науке положениями, которые уже прочно вошли в научный обиход. В простой и доступной форме раскрыты сложные процессы развития английского искусства как в его исторической последовательности, так и путем сопоставления периодов, видов искусства, его жанров, причем не обойдены и те вопро-

* Токарева Мария Сергеевна — сотрудник Государственного музея истории искусств им. А.С.Пушкина, аспирантка Российского института культурологии.

** Проект 08-04-16155д.

сы, которые в настоящее время еще являются объектом научных исследований.

Свободное апеллирование к разнообразным авторитетным источникам, яркие примеры и цитаты, глобальное видение связей и параллелей между отдельными событиями в истории и культуре демонстрируют высочайший научный уровень В.П.Шестакова в рассматриваемой области.

Особо следует подчеркнуть, что автор прекрасно владеет не только исторической, культурологической и искусствоведческой информацией, но и современными знаниями о жизни в Великобритании, что наполняет книгу истинным «духом Англии», делая ее еще и ценным практическим источником открытия и познания страны. Книга читается легко и увлекательно благодаря и хорошему изданию, большому количеству качественных иллюстраций.

Отдельного внимания заслуживает обилие привлеченного материала, широкое историческое видение и логическая структура повествования.

Стоит обратить внимание на то, что анализ английского искусства В.Шестаков начинает со Средних веков, тем самым раздвинув общепринятые рамки исследований, начинающихся, как правило, с эпохи Возрождения. В этой главе не только раскрываются особенности и отличия английской готической архитектуры, но и проводится подробное исследование книжной миниатюры и бестиариев. Текст сопровождается подборкой уникальных иллюстраций, позволяющих оценить все элементы украшения рукописных книг: инициалы, миниатюры и орнаментику. Важным выводом этой главы является раскрытие влияния средневековых традиций на дальнейшее развитие английского изобразительного искусства, в том числе и в эпоху Возрождения, а именно на миниатюрный портрет.

В главе, посвященной эпохе Возрождения, помимо традиционного рассмотрения творчества таких художников, как Ганс Гольбейн, Николас Хиллиард, заслуживающим особого внимания является анализ образа Елизаветы I, иконография ее портретов. Широко привлекая художников из других стран, английские живописцы использовали их художественный опыт для отражения сугубо английских проблем. Уже в эпоху Возрождения широкую известность получают именно английские художники, которые приближаются к королевскому двору и начинают основывать национальную школу живописи.

Помимо изобразительного искусства, мировоззрение этой эпохи раскрывается и через творчество У.Шекспира, с особым акцентом на близость его гуманистических идей мыслям философов-неоплатоников, философии любви и музыке как отражению связи человека и космоса. Многогранность личности Шекспира сопоставляется с личностью У.Хогарта.

Для английского искусства У.Хогарт был художником, не только определившим возникновение национальной школы живописи, но и привлечшим внимание к вопросам нравственной сатиры. Теоретические взгляды художника рассматриваются через его трактат «Анализ красоты», также приведены интересные факты об истории создания этого произведения, его нелегкой судьбе и роли в истории искусства.

Большой интерес представляет глава, посвященная путешествиям английских художников в Италию, где представлены подробные сведения как об истории развития этих путешествий, так и о влиянии идей неоплатонизма

и гуманизма на английскую культуру, а также теоретических идей относительно развития истории искусства. Особенно хотелось бы отметить гармоничное включение в эту главу описания путешествий в Италию не только художников, но и поэтов и писателей, что несомненно позволяет читателю проследить культурологические связи двух стран. Указанные литературные источники являются прекрасными помощниками в дальнейших исканиях заинтересованных читателей. В.П.Шестаков приводит выдержки из произведений Дж.Байрона, Э.Браунинг в собственном переводе, чем бесспорно украшает и дополняет повествование, создавая уникальные исторические образы Италии.

Еще раз хотелось бы обратить внимание на тот факт, что структура книги отличается от традиционных исследований, посвященных истории английского искусства, так как наряду с информацией о великих художниках, определивших основные пути его развития, представлены интереснейшие сведения и о других аспектах английского искусства. В частности, включена глава о «Золотом веке английской карикатуры».

Известный факт, что юмор является важнейшей чертой национального характера, рассматривается автором не только на примере английской карикатуры, но и в литературе. «Мир остроумия, высокого духа и счастливого смеха» возникает через героев Шекспира, Бен Джонса. В изобразительном искусстве развитие сатирической традиции прослеживается от Хогарта до его последователей, работавших во второй половине XIX в. Увлекательные карикатуры таких мастеров, как Томас Роулэндсон, Джеймс Гиллрей, Джордж Крукшенк позволяют совершенно по-новому взглянуть на традиции Англии. Отдельная глава посвящена образу России в английской карикатуре, где анализируется история взаимоотношений между двумя странами. Уникальные иллюстрации дают представление как о мастерстве английских карикатуристов, так и политических взглядах английского общества.

В каждой главе книги автор не только компетентно рассматривает обозначенную в ее названии тему, но и дает анализ степени изученности проблемы и творчества того или иного художника. Так, в главе, посвященной творчеству Генри Фюзели, автор обращает внимание на малоисследованные области, такие как фантастика, эротика и карикатура, открывает художника как значительного теоретика искусства.

Одной из самых актуальных и представляющих интерес глав является глава о русско-английских связях, где описываются образовательные поездки русских художников в Англию, которая служила привлекательной альтернативой Италии и Франции, особенно в области рисунка и гравюры. Анализ увлеченности художников объединения «Мира искусства» творчеством прерафаэлитов позволяет в новом, более широком контексте оценить их работы, учитывая специфику английского влияния.

По традиции особое внимание В.П.Шестаков уделяет таким признанным жанрам в английской живописи, как пейзаж и портрет. Однако в отличие от привычного рассмотрения этих жанров по персоналиям, автор книги приводит и большое количество теоретического материала, дополняя художественную часть эстетическими взглядами того или иного периода.

Важной частью книги является глава, посвященная искусству XX в. Этот период представляет интерес как своей хронологической близостью к насто-

ящему времени, так и многочисленными трагическими событиями в истории, которые в полной мере отразились в искусстве и культуре страны. Все многообразие английского искусства, поиски художников, смелые эксперименты, смена направлений, переходы от постимпрессионизма к кубофутуризму, от абстракции к новой вещественности, от сюрреализма к поп-арту показаны на примерах самых ярких и неординарных представителей, таких как Огастес Джон, Дункас Грант, Пол Нэш, Генри Мур. Отдельно выделены религиозно-философские искания в английской живописи, которые были свойственны Стенли Спенсеру и Эрику Гиллу. Несомненно, что неординарность судьбы и творчества этих художников делают их истинно английскими, однако парадокс заключается в том, что некоторые идеи английских художников становятся очень близкими русской религиозной и философской мысли. Так, на фоне общей тенденции в искусстве, ведущей к разрушению человека, работы Стенли Спенсера давали веру и надежду. Его картина «Воскресение. Кухнем» стала воплощением новых религиозных и философских взглядов художника, где тема любви Бога к человеку и людей к друг другу заняла основное место. Эта тема сближает мировоззрение художника с работами Н.Фёдорова, Ф.Достоевского, Вл.Соловьёва. Зло смерти, трагизм бытия преодолеваются через всеобщее Воскресение и любовь как единственную создающую силу. Человечество — большая семья, связанная тесными узами предков, и нет различий между народами, нет осуждения, есть только всепрощение.

Не имеет аналогов в английской культуре и материально-символический проект «Дома-церкви» С.Спенсера, к сожалению, не воплотившийся в жизнь полностью. Работая над замыслом этого проекта, Спенсер собирался объединить религиозные сюжеты и мирские, соединить небесное и земное, универсальное и личное; он вспоминает и описывает себя, свое собственное взросление и познание мира, людей, которых он любил и знал; места, которые являлись дорогими для него. Он навсегда оставляет память об этом, воскрешая все для будущей жизни. Его проект — это и музей, хранящий память о прошлом, и храм, несущий надежду на спасение в будущем. Замысел Дома-церкви, результатом которого опять становится тема Воскресения, очень близок идеям Николая Фёдорова о проекте мира как всеобщего отечества и о его важной составляющей — Музее.

Издание книги имело долгую и трудную историю, которая длилась более пяти лет. Первоначально книга получила поддержку фонда Пола Меллона в Лондоне. Но выделенная сумма была недостаточной для издания иллюстрированной книги. К сожалению, на русское издание англичане не готовы были выделить дополнительные средства. Положение спас Российский гуманитарный научный фонд. Надо отдать должное и издательству «Галарт», которое разработало сложный макет богато иллюстрированной книги.

Подводя итоги, нужно отметить, что в книге В.П.Шестакова мы находим большой систематизированный материал, который в значительной части впервые становится достоянием широких кругов читателей. Особое значение этой книги заключается в том, что в ней освещены наиболее принципиальные и существенные проблемы, связанные с изучением искусства и культуры Великобритании, что делает книгу интересной и полезной не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

*Т.А.Старостина**

Скворцова И.А. Стиль модерн в русском музыкальном искусстве рубежа XIX–XX веков. М.: Композитор, 2009. — 354 с.: ил.**

Книга Ирины Арнольдовны Скворцовой посвящена сложным и множественным проблемам одного из самых ярких и неоднозначных художественных стилей. По справедливому замечанию автора, «причина интереса к стилю модерн, прежде всего коренится в его особенностях, оригинальности художественно-эстетической концепции, двоякой функции — итога по отношению к предшествующим историческим стилям и прозрения в будущее, искусство XX века» (с. 7).

Рецензируемая книга — исследование не только музыковедческое, но и искусствоведческое, культурологическое, историко-философское. Нельзя не отметить смелость автора: чрезвычайно трудно сопоставлять компоненты культуры, разные по природе материала, по функциональному предназначению в жизни общества. Тем интереснее результат проделанной работы.

Обращает на себя внимание многоаспектность подхода к проблеме; в книге рассматриваются общая теория художественного стиля; соотношение хронологически смежных и несмежных стилистических явлений; актуальные для модерна эстетические категории; типология собственно музыкальных средств модерна. Это лишь самые крупные проблемы. Но не меньшую ценность представляют и вопросы «второго плана», которые возникают по мере углубления в эпоху модерн.

Сложность проблематики — как, впрочем, и ее привлекательность — обусловлена еще и тем, что художественная культура рубежа XIX–XX вв. кажется нам, на поверхностный взгляд, хорошо знакомой. Однако наше знакомство чаще всего ограничивается знанием конкретных текстов — литературных, музыкальных, иногда философских. Вместе с тем воссоздание общей картины всех компонентов культуры эпохи модерн открывает перед читателем поистине целый мир, как художественный, так и духовный — пленяющий своей изысканностью, но и полный соблазнов.

Стиль модерн и ранее привлекал исследователей, главным образом искусствоведов и литературоведов: ему посвящены монографии Д.В.Сарабьянова, Г.Ю.Стернина, Е.И.Кириченко, Т.К.Каждан и др. В музыкознании стилистическая категория «модерна» до настоящего времени не вошла в научный обиход; книга Скворцовой в этом отношении является новаторской. Кроме того, многие музыкальные явления эпохи Серебряного века неоднократно становились предметом музыковедческого исследования.

* Старостина Татьяна Алексеевна — кандидат искусствоведения, доцент Московской государственной консерватории им. П.И.Чайковского.

** Проект 09-04-16078д.

Период этот был всегда привлекателен для разных категорий исследователей — на протяжении XX в. появлялись весьма разноречивые его трактовки. Особенно показательной в этом смысле стала последняя четверть XX в. — по мере приближения ко второму тысячелетию интерес этот обострился, возникла необходимость до конца осмыслить все процессы начала XX в. Этим объясняется появление разного рода работ по культуре данной эпохи. В связи с этим можно упомянуть и такие представительные конференции, как «Авангард 10–20-х гг.» в Институте искусствознания (1998 г.) или «100 лет русского авангарда», последняя из них недавно прошла в Московской консерватории. Однако до настоящего времени не появилось обобщающего труда, который бы суммировал все важнейшие компоненты господствующего стиля означенного периода.

Исследование И.А.Скворцовой явилось первой специальной, целостной монографической работой, посвященной русскому музыкальному модерну. Особенно важно, что в книге предпринят индивидуальный, авторский подход ко многим знаковым явлениям истории русской музыки рубежа XIX–XX вв. Их рассмотрение под углом зрения стиля, преобладающего практически во всех сферах творчества данной эпохи, позволило автору найти и обосновать веские, аргументированно доказанные параметры общности русской музыкальной культуры Серебряного века. Таким образом, в книге И.А.Скворцовой впервые представлено историко-теоретическое обоснование принципов проявления стиля модерн в русской музыке.

Ирина Арнольдовна предпринимает успешную попытку сформулировать общие теоретические положения, выработать единый понятийный и терминологический аппарат для стиливого анализа музыкальных произведений эпохи модерн. Новизна концепции исследования заключается также и в том, что крупные русские композиторы и уже известные музыкальные произведения рассматриваются здесь с позиции типологических черт названного стиля. Делается это весьма корректно и избирательно, при этом автор оговаривает свою методологическую позицию: стремление «распознать приметы стиля модерн» в художественных произведениях, которые могут также содержать черты и иных стилей. В сущности, в книге утверждается идея постоянного *полилога*, ведущегося художниками рубежа XIX–XX вв.

Знаменательно, что автор подчеркивает такую черту искусства модерна, как *элитарность*. Действительно, слава для художника модерна означала не всенародную известность и признание, но восхищение сравнительно узкого круга искушенных единомышленников. Русский модерн (по крайней мере, в поэзии и музыке) был обостренно аристократичен, а не буржуазен (хотя и вырос на основе буржуазного прогресса, как сказано в книге). Аргументом в пользу этого может служить ассоциативная множественность модерна, рассчитанная на слой классически образованных знатоков, обладающих безупречным вкусом. Аристократичность модерна в русском ее понимании вряд ли могла быть во всей ее полноте прочувствована западными авторами. Недаром в зарубежной литературе, например о Стравинском, этот ракурс представлен весьма слабо. Кроме того, модерн — это культура «индивидуального проекта», культура единичных образцов. Как только какой-либо художественный прием модерна начинал тиражироваться, он терял свою

прелесть (примером тому могут служить плакаты Маяковского). Эта «экслюзивность» — дополнительный повод подчеркнуть аристократическую ориентированность модерна. Надо отметить, что по прочтении книги создается исчерпывающее впечатление об этом аспекте проблемы.

Автор часто апеллирует к позициям русских религиозных философов эпохи рубежа XIX—XX столетий, а также самого молодого из их плеяды, А.Ф.Лосева. Это не только обосновано спецификой темы, но и во многом украшает авторское повествование. В целом те цитаты, которые приводит И.А.Скворцова, содержательно обогащают текст, но, будучи сами по себе часто исключительно изящны, создают как бы дополнительный декор вполне в стиле эстетики модерна.

Проблема отражения стиля модерн в русской музыке ставится в книге широко и многосторонне — начиная от зарождения стиля модерн в Европе, своеобразия его «материализации» на российской культурной почве, его эстетики до свода типологических признаков — особых выразительных средств музыкального модерна, проявившихся в сочинениях русских композиторов. Индивидуальные композиторские стили русских мастеров (среди них поздний Чайковский, поздний Римский-Корсаков, Глазунов, Лядов, Рахманинов, ранний Стравинский, Скрябин (ему посвящена одна из глав книги), рассмотренные под таким углом зрения, впервые в искусствознании получили статус определенного, исторически и эстетически обусловленного единства. Вместе с тем анализ произведений крупнейших русских композиторов рубежа веков приводит автора к констатации новых стилистических закономерностей, присутствующих в музыкальном искусстве рубежа веков — «переломного», по определению автора, периода, предопределившего многие явления в дальнейшей эволюции музыкальной композиции. Новизна такого научного подхода очевидна.

Автор ставит перед собой ряд сущностно важных вопросов: как и в чем проявляется стиль модерн в русском музыкальном искусстве рубежа XIX—XX вв.; каковы эстетические, композиционные и образно-содержательные особенности музыкальных произведений, обнаруживающих видовую принадлежность к стилю модерн; какие черты стиля модерн оказываются приоритетными; как на уровне конкретного музыкального текста выявляются типологические черты стиля модерн. Решению этих вопросов и посвящен научный труд И.А.Скворцовой.

Однако круг рассматриваемых в книге вопросов намного шире. Ведь доказательство существования столь сложного и многогранного явления, как музыкальный стиль модерн, потребовало от автора бесчисленных экскурсов в различные сферы гуманитарной культуры (литература, архитектура, изобразительные искусства, театр, философия), поисков аналогий и различий, синтезирующих свойств художественного сознания эпохи, наконец, акцентирования своеобразия именно *музыкального* модерна на общем стилевом фоне эпохи. Поэтому вполне ожидаемы и правомерны такие исследовательские аспекты, как генезис стиля модерн; соотношение стиля модерн с другими стилями и направлениями; типологические черты стиля модерн в целом и их проявление в «музыкальной материи», определение значения модерна для музыки XX в. Присутствие данной — весьма широкой — проблематики,

ее пристальное рассмотрение позволило автору успешно доказать основную цель — факт существования стиля модерн в русском музыкальном искусстве рубежа XIX—XX вв.

Книга И.А.Скворцовой изобилует подробными исследованиями, в которых автор опирается на аналитическую методику, разработанную, в первую очередь, в традициях научной школы Московской консерватории. При этом сам характер исследовательской мысли автора далек от каких-либо методологических трафаретов. Например, автор проводит смелые параллели между способами проявления модерна в музыкальной, литературно-поэтической, художественно-изобразительной ткани; «лексика модерна» (И.С.) обнаруживается в поэзии И.Северянина, прозе М.Пруста, И.Бунина, О.Уайльда, графике О.Бердслея, живописи М.Врубеля, Л.Бакста и многих других творцов художественной эпохи. Прослеживаются связи художественно-живописных, литературных приемов с музыкально-композиционной стилистикой Скрябина, Рахманинова, Лядова, Черепнина и др. При этом общность с музыкальной стилистикой выявляется в таких адекватных и конкретных признаках, как декоративность, орнаментальность, витиеватость линии, стилизация, синтез различных исторических моделей и т.д. Заметим, что если собрать «разбросанные» по главам высказывания и оценки произведений Лядова, Римского-Корсакова или Рахманинова, то могли бы получиться целые монографические очерки, настолько подробно и тщательно автор проработал музыкальное наследие рубежа XIX—XX вв.

Концептуально важна глава, посвященная А.Н.Скрябину. Это единственная монографическая глава, поскольку, как считает автор, творчество этого композитора «в наибольшей степени отвечало характерным требованиям стиля модерн» (с. 245). Постановка проблемы весьма серьезна для оценки и даже в какой-то мере переоценке общепринятого взгляда на творчество Скрябина. Для И.А.Скворцовой более значимы не философские и мистические представления композитора, а композиционно-художественные свойства его музыки. Более того, автор стремится в какой-то степени развенчать миф о Скрябине как сверхчеловеке ницшеанского толка. Эти страницы книги, при всей дискуссионности постановки проблемы, выглядят убедительно. Скажем, экзальтированность и чувственность, присущие многим сочинениям Скрябина, рассматриваются в контексте стиля модерн, который, как отмечает Сарабьянов, «любит выявлять человеческую страсть, ее буйство» (с. 252). Тонко подмечены и черты модерна в высказываниях самого Скрябина, упоминавшего, к примеру, в связи с Десятой сонатой орхидеи и змей — характерные визуальные символы этого стиля.

Суммируя критерии универсального стиливого единства, автор приходит к одному из важнейших выводов исследования: «Своеобразие модерна заключается в конфликтном сочетании в нем противоречивых тенденций, что классифицируется в искусствознании как *двойственная природа* модерна. <...> С одной стороны, он претендует на самостоятельность и универсальность предельно содержательного стиля, охватывающего разные искусства. <...> С другой стороны, его отличает повышенная декоративность, понимаемая в общеэстетическом широком смысле как принцип прикладного оформления, приобретающий в системе модерна самостоятельную ценность» (с. 32–33).

В результате типологического анализа автономно-музыкальных компонентов (декоративность музыкальной ткани, культ всевозможных украшений, стремление к детализации фактурного письма, особый характер мелодической линии, растворения рельефа в фоне и др.) Сковрцова формулирует следующие выводы: «типологию стиля модерн составляют и более крупные признаки, характеризующие композиционные особенности произведения <...> Тяготение к статичности как основной тенденции модерновых композиций; к ним же относится и такое общее качество композиций как многостильность, с ярко выраженным стремлением к использованию моделей предшествующих культур и стилей; многостильность естественно порождает всевозможные стилизации, которые становятся типичным признаком стиля модерн» (с. 51); «...В создании музыкальной композиции определяющими являются не столько имманентные свойства композиторского вдохновения и результаты авторской интуиции, сколько процесс рационального конструирования, дистанцированный от авторского «Я», отстраненный от внутреннего мира творца (творящей личности). Проявлением этой тенденции в стиле модерн оказывается тяготение к театрализации, к игровым эффектам, к условности, стилизации» (с. 53).

Закономерными (хотя порой и неожиданными) представляются параллели музыкального стиля модерн с другими историческими стилями и направлениями: романтизмом, барокко, символизмом, а также модернизмом (авангардом) XX в., истоки которого, по убеждению автора, во многом «спровоцированы» стилем модерн конца XIX — начала XX в. Этому аспекту, в частности, целиком посвящена глава «Генезис стиля модерн. Взаимодействие с другими стилями и направлениями». Проблематика раскрывается на оппозициях «модерн и романтизм», «модерн и барокко», «модерн и символизм». Кроме того, делается обоснованный акцент на необходимости разграничения терминов «модерн» и «модернизм». Последний, кстати, чрезвычайно часто использовался людьми искусства именно в начале прошлого столетия и был фактически синонимом современного понятия «модерн». Автор предлагает разрешить эту коллизию так: «Стиль модерн простирается вплоть до 10-х гг. XX в., модернизм охватывает явления, происходящие на протяжении всего XX в., начиная как раз примерно с 10-х гг. Модернизм, не являясь стилем, а будучи художественным направлением в искусстве, превратился в новую рациональную эстетику XX века» (с. 71).

Автор умело балансирует на грани чисто музыкального и искусствоведческого анализа, постоянно используя метод аналогий и параллельных сравнений. В частности, это касается тех страниц книги, где речь идет о сюжетах и иконографии. Принципиально нова сама постановка вопроса о музыкальной иконографии. Сковрцова отталкивается от тезиса крупнейшего русского искусствоведа Д.Сарабьянова, заявляющего: «К каждому виду искусства можно, хотя бы условно, применить понятие иконографии» (с. 113). В связи с этим представлена широкая панорама тем и сюжетов, «перекочевывающих», прежде всего, из живописи в музыку. Глава, посвященная иконографии, дает особый повод отметить красочность и метафоричность литературного авторского стиля (что далеко не часто встречается в научных трудах), что, вероятно, спровоцировано самой тематикой. Так, к примеру,

говоря о трех последних операх Римского-Корсакова, автор отмечает, что в них «реальное и условное, натурность и декоративность, соотносясь, переплетаются в прихотливое узорчатое целое. Словно в картинах Климта, где фрагментарная натуралистичность растворяется в декоративной пестроте фона, в “Золотом петушке” примитивизмы интонационного строя партии Дадона тонут в прихотливо-орнаментальных, красочно-извилистых линиях мелодики Шемаханской царицы. В “Салтане” орнаментальные ритмы и узоры соседствуют с лубочными народными стилизациями».

Подобные параллели позволяют исследователю выйти на широкий уровень обобщений, когда речь идет, например, об основных художественных категориях и эстетических мотивациях модерна: апология красоты, эстетизм, синтез искусств, театрализация действительности, стилизация (как ассимиляция культурных традиций прошлого в модерне). В частности, автор замечает: «Моделирование различных стилей естественным образом ведет в эпоху модерна к пышному расцвету *стилизации*, как художественного приема, который можно обнаружить и в архитектуре, и в живописи, и в музыке».

В заключение стоит подчеркнуть, что книга И.А.Скворцовой представляет собой не только научно ценное исследование, но и является образцом подлинно современного искусствоведческого труда, в котором художественное явление осмысливается в широком контексте исторических, социокультурных и мировоззренческих реалий. Подобный методологический подход представляется в высшей степени актуальным и перспективным для дальнейшей эволюции гуманитарной научной сферы.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Международные контакты Фонда

Развитие и укрепление научных контактов с учеными зарубежных стран постоянно находится в центре внимания Фонда. С 21 по 23 марта 2011 г. состоялась поездка заместителя председателя совета РГНФ Ю.Л.Воротникова в Китай по приглашению руководства Китайской Академии общественных наук (КАОН). Соглашение о сотрудничестве Фонда и КАОН было подписано в июне 2007 г. С тех пор с китайскими партнерами постоянно шел обмен информацией, обсуждались формы и перспективы сотрудничества. В начале 2011 г. было принято согласованное решение об объявлении на 2012 г. международного конкурса научных проектов РГНФ—КАОН. Во время визита Ю.Л.Воротникова в Пекин был подписан с китайской стороной Меморандум о проведении этого конкурса по следующим направлениям: история; экономика, в том числе международные экономические отношения; мировая политика. Предполагается поддерживать совместные проекты российских и китайских ученых, результатом которых станет подготовка монографий по этим направлениям. Подписанный в Пекине Меморандум стал основой для объявления в апреле 2011 г. Международного конкурса РГНФ—КАОН.

В июне 2011 г. состоялся ответный визит представителей делегации КАОН в Москву. Возглавил делегацию Генеральный секретарь КАОН Хуан Хаотао. 20 июня в РГНФ состоялась встреча руководства РГНФ с делегацией КАОН. К этой встрече была приурочена выставка опубликованных при финансовой поддержке РГНФ книг, посвященных различным аспектам Китаеведения. Представленные на выставке издания вызвали большой интерес членов делегации КАОН.

Председатель совета РГНФ В.Н.Фридлянов и Генеральный секретарь КАОН подписали Протокол к Соглашению РГНФ и КАОН о сотрудничестве, в котором было закреплено совместное решение о проведении международного конкурса научных проектов. Члены делегации КАОН проявили большой интерес к деятельности РГНФ по организации конкурсных процедур, в первую очередь к особенностям проведения экспертизы поступающих в Фонд заявок. Председатель совета РГНФ В.Н.Фридлянов дал исчерпывающие ответы на вопросы китайских коллег и передал им пакет нормативных документов по всем ключевым вопросам деятельности Фонда. Хуан Хаотао поблагодарил В.Н.Фридлянова и пригласил его посетить Китай. В.Н.Фридлянов особо отметил важность для РГНФ укрепления связей с китайскими партнерами и высказал уверенность в том, что эти связи будут развиваться.

Председатель совета РГНФ В.Н.Фридлянов принял участие в совместном заседании президиума Национальной академии наук Белоруссии и Российской академии наук, которое состоялось 15 апреля в Минске.

Участники заседания отметили, что одной из важных составляющих сотрудничества академий являются проекты, поддерживаемые фондами.

С 2000 г. Российский гуманитарный научный фонд успешно сотрудничает с Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований. Результатом работы являются 143 проекта, выполненных на высоком уровне коллективами ученых двух стран. В последние годы стали популярными тематические межрегиональные конкурсы. Расширение конкурсов и устойчивый интерес к ним со стороны научного сообщества обеих стран приводит к росту числа подаваемых заявок и выделяемых грантов.

В ходе переговоров председателя РГНФ В.Н.Фридлянова и председателя Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований В.А.Орловича было отмечено, что международный конкурс, осуществляемый фондами, проходит успешно. Были подведены итоги конкурса 2011 г., достигнута договоренность об объявлении международного конкурса на 2012 г. и принято решение распространять информацию о международных конкурсах, а также создавать все необходимые условия для укрепления сотрудничества ученых обеих стран.

С 24 по 29 апреля 2011 г. председатель совета Фонда В.Н.Фридлянов принял участие в работе международного «Глобального научного форума лидеров», состоявшемся в Тайване в городе Тайпэй. В работе форума участвовали руководители министерств образования и науки, президенты и вице-президенты академий наук, председатели научных фондов, руководители научных организаций и университетов, крупные ученые Европы, США, Канады, Индии, Японии и стран Юго-Восточной Азии. Обсуждались вопросы стратегии развития науки, новые направления в технологиях «зеленой энергетики» и биотехнологиях, информационных технологий, новых «технологий» в гуманитарной сфере, вопросы совместных исследований.

Сегодня Тайвань — один из наиболее динамично развивающихся промышленных, научных, финансовых и торговых центров Азиатско-Тихоокеанского региона. Активное взаимодействие со странами Азиатского региона и интерес к ним России не случаен. Это обусловлено быстрым ростом экономики государств, а также развитием в них национальных научных и культурных центров.

РГНФ и Национальный научный совет (ННС) Тайваня с 2008 г. проводят совместные конкурсы. В их рамках был поддержан 21 научно-исследовательский проект по таким научным направлениям, как история, экономика, философия, филология и педагогика.

На встрече В.Н.Фридлянова с Министром и заместителем Министра национального научного центра Тайваня был выражен взаимный интерес к расширению сотрудничества и принято решение о выработке предложений по направлениям совместных научных исследований ученых-гуманитариев обеих сторон с последующим объявлением конкурсов проектов на 2012 и последующие годы. Это решение будет способствовать дальнейшему укреплению взаимодействия между РГНФ и ННС Тайваня в различных областях гуманитарной науки.

19–21 мая с.г. заместитель директора РГНФ А.Н.Блинов в составе делегации Российской Федерации принял участие в 62-м заседании Комитета Полномочных представителей стран — участниц Международного центра научной и технической информации (МЦНТИ), проходившем в Будапеште.

Заседанию Комитета традиционно предшествовала Международная конференция «Научные инновации: национальный опыт и международное сотрудничество». Особое внимание на форуме уделялось следующим темам: национальная политика в науке и инновациях, мониторинг научного и инновационного развития. В работе конференции приняли участие более 60 представителей из 19 государств — членов МЦНТИ, а также из Словакии, Чехии, Франции, Италии, Турции, КНР и международных организаций — МАГАТЭ, ОИЯИ, МКПП, в составе которых были ученые, государственные деятели, эксперты, представители инновационного бизнеса.

С докладами о состоянии науки выступили представители более 20 стран (России, Италии, Франции, Венгрии, Монголии, Беларуси, Украины, Азербайджана, Казахстана, Грузии, Молдовы, Китая, Вьетнама, Южной Африки и т.д.). Участники рассмотрели и обобщили национальный опыт государственной поддержки научной и инновационной деятельности, развития международного научного сотрудничества. В ходе дискуссий обсуждались актуальные проблемы привлечения финансовых ресурсов в сферу науки и инноваций.

Конференция и заседание Комитета проходили в стенах Будапештского университета технологии и экономики — одного из старейших технических вузов Европы, основанном в 1635 г. (фото). На заседании А.Н.Блинов сделал сообщение о деятельности РГНФ и его международных связях. Во время работы конференции состоялись рабочие встречи с представителями иностранных организаций, осуществляющих поддержку научных исследований, где обсуждались возможности и перспективные направления развития международного сотрудничества РГНФ.

Следует отметить, что Международный центр научной и технической информации — межгосударственная организация, созданная в феврале 1969 г. в соответствии с положениями многостороннего межправительственного Соглашения об учреждении Международного центра научной и технической информации. По состоянию на 2011 г., членами МЦНТИ являются 22 государства. Основной задачей МЦНТИ является оказание информационной, аналитической, консультационной и организационной поддержки международного сотрудничества в области науки и инноваций.

24 мая 2011 г. состоялась встреча председателя РГНФ В.Н.Фридлянова и вице-президента Немецкого научно-исследовательского сообщества (ННИС) Петера Функе.

В соответствии с подписанным протоколом и заключенным Соглашением о сотрудничестве РГНФ и ННИС проводят российско-немецкие конкурсы с 2006 г. Основной целью этих конкурсов является консолидация усилий двух фондов для финансирования исследований в области славистики, истории, культуры и экономики России и Германии, выполняемых совместно учеными обеих стран. Всего за время проведения конкурсов (2006—2011) получили поддержку 17 проектов, из которых 9 научно-исследовательских и 8 конференций на общую сумму свыше 9 млн руб.

Предметом встречи стало обсуждение возможностей одновременной организации экспертизы проектов и соблюдения синхронного графика проведения конкурсных процедур, а также возобновления в рамках соглашения всех видов конкурсов.

Фото. Одно из зданий Будапештского университета технологии и экономики.
Фото А.Н.Блинова

В результате было принято решение развивать отношения между РГНФ и ННИС, а также возобновить конкурсы научно-исследовательских проектов и проектов организации совместных российско-немецких экспедиций, полевых, экспериментально-лабораторных исследований и научно-реставрационных работ.

С 1 по 9 июня 2011 г. состоялась поездка заместителя председателя совета РГНФ Ю.Л.Воротникова в Барселону по приглашению директора Института русского языка и культуры им. А.С.Пушкина, вице-президента Координационного совета российских соотечественников в Испании В.А.Гусева. Ю.Л.Воротников принял участие в церемонии открытия Кабинета Русского мира в Барселоне, а также в работе Международной научной конференции «Актуальные проблемы методики преподавания русского языка». 6 июня 2011 г. в ходе посещения Президентом России Д.А.Медведевым Института русского языка им. А.С.Пушкина состоялась телемост Москва—Барселона, во время которого председатель Оргкомитета конференции М.Руис-Соррилья рассказал Д.А.Медведеву о работе форума, отметив, в частности, роль РГНФ в его организации и проведении. Президент

России поздравил участников Конференции с новым праздником, только что учрежденным его Указом — Днем русского языка — и пожелал им успехов в работе. Мероприятия в Барселоне, приуроченные ко дню рождения А.С.Пушкина, в которых принял участие Ю.Л.Воротников, были отражены на сайте Президента России, а также получили освещение в ряде российских интернет-изданий.

Во время своего пребывания в Барселоне Ю.Л.Воротников встретился с Консулом Российской Федерации в Барселоне С.Шурановым, провел переговоры с вице-президентом Координационного совета российских соотечественников в Испании В.А.Гусевым и руководителями Барселонского университета. Были намечены дальнейшие пути сотрудничества с учеными-гуманитариями Испании прежде всего в сфере исследований, направленных на поддержку распространения в Испании русского языка и русской культуры.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

Оценка деятельности Фонда на заседании Президиума РАН

31 мая с.г. председатель совета РГНФ В.Н.Фридлянов выступил с сообщением о деятельности РГНФ на заседании Президиума Российской академии наук. В своем сообщении Владимир Николаевич представил информацию о Фонде, об основных принципах его работы, направлениях и формах поддержки Фондом гуманитарных научных исследований и распространения их результатов в российском обществе, развитии международных и региональных связей РГНФ, поддержке молодых ученых.

Особое внимание В.Н.Фридлянов уделил результатам деятельности Фонда. Владимир Николаевич отметил, «что в рамках выполнения поддерживаемых РГНФ проектов, происходит получение нового знания, воплощенного в десятках тысячах научных публикаций в год. При поддержке Фонда ежегодно издаются и бесплатно рассылаются в государственные библиотеки десятки тысяч экземпляров научных книг, организуются сотни научных конференций и экспедиций, создаются новые информационные ресурсы, в том числе в сети Интернет, сотни российских ученых принимают участие в научных мероприятиях за рубежом».

Значителен вклад РГНФ в поддержку научной деятельности российских музеев, поддержку русского языка, его пропаганду в странах СНГ и дальнего зарубежья, сохранение культурного и исторического наследия России. И не случайно, что при поддержке РГНФ происходят открытия общемирового значения, а ученые за работы, выполненные по грантам Фонда, удостоиваются высоких государственных наград.

Большое внимание РГНФ уделяет развитию науки в регионах страны. Ежегодно он проводит региональные конкурсы, финансируя их на паритетных началах с администрациями 50 субъектов Российской Федерации, организует международные конкурсы с 13 зарубежными странами, а также со странами СНГ.

В.Н.Фридлянов подробно рассказал о разработанной и осуществляемой Фондом целевой программе поддержки молодых ученых. Эта программа предусматривает финансирование как научных исследований, так и стажировок в крупных научных центрах России, оплату расходов на командировки для работы в библиотеках и архивах, приобретение научной литературы, участие в научных мероприятиях за рубежом. В рамках этой программы в 2007–2010 гг. поддержаны 166 проектов стажировок и командировок, а также 92 проекта участия молодых ученых в научных мероприятиях за рубежом.

Выделенные молодым ученым гранты должны обеспечивать достижение соответствующей цели — присвоение молодому ученому высшей научной квалификации кандидата или доктора наук. Назрел вопрос о выделении грантов Фонда студентам старших курсов высших учебных заведений или привлечение ведущего ученого-профессора к выполнению работы по заказу РГНФ совместно с группой молодых ученых.

Фонд планирует ввести в практику пилотную программу одногодичных грантов для молодых исследователей, уже подававших заявки на финансовую поддержку, но не получивших ее при условии, что такие проекты относились к значимым, но «отложенным» ввиду недостаточного финансирования.

Подводя итоги 17-летней деятельности РГНФ, В.Н.Фридлянов рассказал собравшимся о ближайших перспективах и приоритетах в организационном, методическом и информационном развитии Фонда.

Основной задачей Фонда является поддержка максимально широкого спектра исследований, и фактически единственный критерий отбора предложений — научный уровень результатов. В то же время возрастает актуальность научной проработки вариантов решения стратегических социально-экономических и политических задач, содержащихся в посланиях Президента страны и перспективных планах работы Правительства. Со стороны органов государственного управления и политического руководства всегда были востребованы аналитические рекомендации и прогнозные оценки, основанные на научной методологии и отражающие позицию различных школ и направлений. Для подготовки таких материалов, как правило, необходим комплекс исследований, традиционно относящихся к гуманитарным наукам. Требуется не только структурировать по единой системной логике имеющиеся заделы в различных дисциплинах, но и провести дополнительные конкретные и целенаправленные исследования, в том числе социологические, экономические, исторические и др.

В.Н.Фридлянов проинформировал Президиум РАН о том, что совет Фонда принял решение об объявлении ежегодных целевых междисциплинарных конкурсов. В 2011 г. научному сообществу предлагается выполнить 5 проектов: «Модернизация России: социально-гуманитарные измерения», «Россия в АТЭС», «Россия в полицентричном мире», «Энергетика и геополитика», «Толерантность и борьба с ксенофобией». В этих проектах должны быть рассмотрены сложные и трудноформализуемые явления и тенденции, изучение которых объективно требует комплексного, междисциплинарного подхода, учитывающего значимость и взаимозависимость различных аспектов.

Для дальнейшего развития грантовой формы финансирования научных проектов, подчеркнул В.Н.Фридлянов, необходимы соответствующие решения по включению в Бюджетный кодекс положений о том, что Фонд сохраняет статус главного распорядителя бюджетных средств или является наиболее значимым бюджетным учреждением, как это действует в настоящее время.

Может быть принята еще одна новация, при которой гранты на проведение научных исследований Фонд выделяет непосредственно ученому (физическому лицу), работа которого прошла все ступени экспертизы, а не научной организации, в которой он работает. Сейчас это напоминает «эрзац-грант», так как РГНФ перечисляет бюджетные средства на счета организации, которая использует до 15% средств в качестве накладных расходов, затем вступает в «игру» единый социальный налог, затем налог на доходы физического лица. После всех этих изъятий до ученого доходит от 60 до 40% выделенных средств. И это не смотря на то, что выделяемые фондом

гранты по принятому российскому законодательству не облагаются налогом на прибыль, НДС и подоходным налогом.

Что касается управленческой структуры, то, по-видимому, наилучшей формой функционирования Российского гуманитарного научного фонда будет федеральное бюджетное учреждение, которое предусматривает наличие совета и государственное задание. Государственное задание может формироваться исходя из набора услуг, которые представляются Фондом. Это такие показатели, как число поддерживаемых Фондом научных проектов и мероприятий, средняя величина гранта, количество привлекаемых экспертов и число экспертных советов для оценки направляемых в Фонд проектов и т.д.

В то же время, если Фонд приобретает статус федерального бюджетного учреждения, то в этом случае потребуются внесение серьезных поправок в Закон о науке с тем, чтобы названные и внесенные в Государственную Думу поправки «государственные фонды поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности» в действительности отражали государственную направленность работы фондов. А значит должна быть определена подчиненность фондов (сейчас они находятся в ведении Правительства и оно утверждает устав и состав советов фондов), в документе должно найти отражение понимание термина «грант», в том числе и физическому лицу, и все, что с этим связано.

Сейчас, когда формируются новые подходы к взаимодействию государства с бюджетными учреждениями всех видов, необходимо не растерять то, что создано за время существования Фонда.

Завершая выступление, В.Н.Фридлянов ознакомил членов Президиума РАН с ближайшими задачами Фонда. Среди них разработка среднесрочной до 2015 г. программы работы Фонда; уточнение устава Фонда в части правового статуса; разработка механизма предоставления Фондом грантов физическим лицам; расширение международного и регионального сотрудничества; предоставление информации о поступающих на конкурс заявках и итоговых отчетах; совершенствование конкурсных процедур; проведение целевых конкурсов и укрупнение грантов; введение системы оцифровки книг и публикаций; модернизация информационной базы данных результатов исследований и конкурсных процедур.

Члены Президиума РАН одобрили деятельность РГНФ и отметили высокую значимость работы Фонда для развития отечественной гуманитарной науки.

Среднесрочная программа деятельности РГНФ

В соответствии с решением Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям (Протокол от 20 декабря 2010 г. № 7) РГНФ совместно с Министерством образования и науки Российской Федерации разрабатывает проект среднесрочной Программы деятельности Фонда на 2011–2013 гг.

Основными целями Программы являются создание признанного мировым научным сообществом потенциала развития фундаментальных исследований в области гуманитарных наук в России и разработка социально-гуманитарных основ развития нашей страны.

Для достижения этих целей в проекте Программы определены набор показателей и их значения. В ходе реализации программы планируется осуществить мероприятия по поддержке проектов научных исследований в рамках основного конкурса РГНФ, международных, региональных и целевых конкурсов, а также в рамках конкурсов для молодых ученых.

В настоящее время проект Программы размещен на сайте РГНФ (www.rfh.ru) для общественного обсуждения.

Contents

What are RFH contest laureates working at

Historical Sciences

<i>Lisitsyna G.G., Milovidov B.P.</i> Epistolary Heritage of General A.P.Ermolov	5
<i>Shustrova I.Yu.</i> Using Charters in Local Historical Researches (based on the materials of Yaroslavl Province)	17
<i>Shnirelman V.A.</i> «Arian Idea» and Identity Politics in Post-modern Era	28

Economics

<i>Ershova M.Ya.</i> Analysis methods of Institutional and Tax Alternatives of Small Business and Assessment of Tax Innovations	40
<i>Goutvan O.Dz., Mansurov A.K.</i> Macroeconomic Analysis of System Risks in Finance Field	49

Philosophy. Sociology. Politology. Law

<i>Mirskaya E.Z.</i> Traditions and Innovations in Modern Science	58
<i>Ashcheulova N.A.</i> Sociology of Science in Leningrad — Saint Petersburg: from Sources to Modernity	65
<i>Smorgunov L.V.</i> Development of «State's Abilities» in the Course of Administrative Reform in Russia (2003–2010)	76

Philology. Art Criticism

<i>Bakhtina O.N., Dutchak E.E., Esipova V.A.</i> Manuscripts on Birch Bark in XX Century: Sacral and Social Aspects of Peasants' Literature	86
<i>Shalina I.A.</i> Novgorod Art of the First Half — Third Quarter of XVI Century (Cumulative Catalogue of Memorials)	96
<i>Vasiliev N.Yu.</i> Foreign Design of 1960–1990ies	112

Complex Human Study. Psychology. Pedagogy

<i>Karpoa N.L., Danina M.M., Kiselnikova N.V., Shuvikov A.I.</i> Cinematherapy as a Means of Psychological Rehabilitation and Correction	121
<i>Voropaev M.V.</i> Socialization and Bringing up in Virtual and Mixed Realities	131
<i>Zhuravleva N.A.</i> Modern Tendencies in Virtues Orientation of Russian Youth	139

Field Research

<i>Krenke N.A., Aleksandrovsky A.L., Lazurkin A.V., Spiridonova E.A.</i> Farmers and Cattle Breeders of Bronze and Iron Ages at Moscow River Banks: New Discoveries	147
<i>Bode A.B., Dionisiyeva G.E.</i> Historic and Architectural Researches of Sretenye-Mikhailovskaya Church (Kagropol District of Archangelsk Region)	159
<i>Rounova O.G.</i> Concerning the Work of Expedition in Old Believers Communities in Brazil	170

Conferences. Congresses. Symposia

<i>Melnikova E.A.</i> 25 Years of Research and Discussions. Conference «Eastern Europe in Ancient Times and Middle Ages: Readings in Memory of V.T.Pashuto, Associate Member of Academy of Science of the USSR»	178
---	-----

<i>Balyberdin Yu.A.</i> All-Russian Scientific Conference «Peasants' Reform by Alexander II: Regional Measurement» (devoted to the 150 th anniversary of the Abolition of Serfdom) (Kirov, May 19–20, 2011)	184
<i>Zaitseva G.I., Sinitsyn A.A.</i> Radiocarbon Dating in Archeology: Modern State: VI Symposium «Radiocarbon and Archeology» (Pathos, Cyprus, April 10–25, 2011) and Conference «Radiocarbon Dating and Transition from the Middle to the Upper Paleolithic in Europe» (Oxford, Great Britain, April 14–16, 2011)	189

RFH Book World

<i>Postnikov S.P.</i> — Historical Encyclopedia of Siberia: In 3 vol. / EIC V.A.Lamin. Novosibirsk: Istoricheskoe Nasledie Sibiri, 2009. V. 1–3	195
<i>Milevsky O.A.</i> — Russian Conservatism of the middle XVIII – early XX Century: Encyclopedia / Exe. Edit. V.V.Shelokhaev: Exe. Sec. A.V.Repnikov. M.: ROSSPEN, 2010. — pp. 639	200
<i>Ulianova G.N.</i> — Kozlova N.V. Senile, Ill, Miserable People in Moscow of XVIII Century. M.: ROSSPEN, 2010. — pp. 359	206
<i>Buchin A.V.</i> — Task of Particular State Importance. From the History of Developing the Nuclear Missile Weapons and Missile Corps of Strategic Purpose (1945–1959): Reports Collection / Comp.: V.I.Ivkin. G.A.Sukhina. M.: ROSSPEN, 2010. — pp. 1207	211
<i>Voronin A.A.</i> — A Person in Intellectual and Spiritual Spaces: Articles Collection / Exe. Edit. M.S.Kiseleva. M.: Progress-Traditsiya, 2010. — pp. 510	214
<i>Kulganek I.V.</i> — Zorin A.V. At the Sources of Tibet Poetry. Buddhist Hymns in Tibet Literature of VIII–XIV Centuries. SPt.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2010. — pp. 384 («Orientalia» Series)	220
<i>Papkova E.A.</i> — Moskovskaya D.S. «N.P.Antsiferov and Artistic Localography of the Russia Literature of 1920–1930ies: Re Interrelations History of Russian Literature and Regional Study». M.: IWL RAS, 2010. — pp. 432	225
<i>Tokareva M.S.</i> — Shestakov V.P. History of English Art. From Middle Ages to Today. M.: Galart, 2010. — pp. 476.: pict.	231
<i>Starostina T.A.</i> — Skvortsova I.A. Modern Style in Russian Music Art of the Turn of XIX–XX Centuries. M.: Kompozitor, 2009. — pp. 354.: pict.	235

International Cooperation

Foundation's International Contacts	241
---	-----

Official Department

Assessment of Foundation's Activity in RAS Presidium Meeting	246
RFH Middle-Term Agenda	249

Contents	250
---------------------------	-----

ВЕСТНИК
Российского гуманитарного научного фонда
2011, №3

Адрес редакции: 123557, Москва, Пресненский вал, д. 19
E-mail: bulletin@rfh.ru
<http://www.rfh.ru>

Технический редактор И.Л.Ровинская
Корректор Н.Н.Цыркова

Свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.06.2002 о регистрации в Минпечати РФ

Подписано в печать 22.02.2011 г. Формат 70×100 1/16.
Усл. печ. л. 20,4.
Уч.-изд. л. 18,0. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № .

ЗАО «Полиграф-защита»
115088, Москва, ул. Южнопортовая, д. 24